Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского" (ННГУ)

На правах рукописи

Помелова Юлия Павловна

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ (2002-2012 ГГ.)

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история
Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Лычагин Александр Иванович

Нижний Новгород
2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА I. Теоретические основы формирования национальной идентичности в КНР
I.1. Теоретические подходы к изучению национальной идентичности 29
I.2. Исторический опыт интеграции национальных и религиозных меньшинств в КНР 38
I.3. Особенности формирования и партийно-государственные концепции национальной идентичности в КНР 46

ГЛАВА II. Проблемы реализации политики по формированию национальной идентичности в отношении национальных меньшинств в КНР в 2002-2012 гг.
II.1. Информационная политика в отношении национальных меньшинств 60
II.2. Система образования КНР как инструмент формирования национальной идентичности 87
II.3. Основные положения и этапы реализации языковой политики в контексте формирования идентичности 106
II.4. Идеологические и институциональные основания управления религиями национальных меньшинств 117

ГЛАВА III. Фактор тибетского буддизма при формировании национальной идентичности в КНР
III.1. Особенности религиозной политики по отношению к тибетскому буддизму в 2002-2012 гг. 133
III.2. Протестные действия тибетцев в КНР в 2002-2012 гг. 176

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 188

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 201

ПРИЛОЖЕНИЕ I. СЛОВАРЬ БУДДИСТСКИХ ТЕРМИНОВ 233

ВВЕДЕНИЕ

В структуре национальной идентичности значительной части граждан в большинстве современных государств на первый план выходит этническая составляющая, и это оказывается серьёзным вызовом для будущего политической нации. В составе национальной идентичности происходит усиление позиции регионов, в которых проживают этнические сообщества, стремящиеся к самоопределению в рамках автономии или отдельного государства. По мнению российского исследователя С.В. Кортунова, «Традиционные, исторически сложившиеся механизмы и движущие силы международного регионального развития, такие, как государственный суверенитет, национальные интересы, политическое противостояние, отжили свое и отходят на второй план, уступая место идентичности как ведущему фактору развития»[1].

Каждое государство во многом руководствуется своими собственными институтами, нормами и обычаями. Проблема сочетания интересов национальных и религиозных меньшинств с интересами доминирующих по численности групп является общемировой. Проблематичны отношения ирландского меньшинства в Великобритании, курдского меньшинства - в Турции, Ираке и Иране, русского меньшинства в Казахстане, Узбекистане, Украине и странах Прибалтики, каталонского меньшинства - в Испании и многих других. Редкая страна гармонична в этом вопросе.

Китайское государство можно охарактеризовать как стабильное благодаря тому, что для китайской цивилизации характерно восприятие своего государства как центра мира, обладающего древнейшей непрерывной культурной традицией. Китай перемалывает все культурные императивы, которые накладываются на народ: чужеродные династии, коммунизм в советской трактовке,

---

1. Внешняя политика государств в XXI веке [Стенограмма научного семинара «Внешняя политика в XXI веке: теория (и), методология, прикладной анализ»]. Социологический факультет МГУ. 2008. 14-15 апреля. URL: http://www.rau.su/observer/N7_2008/023_035.pdf

а сейчас успешно проходит через глобализацию современной культуры. Уникальная продолжительность жизни китайской цивилизации и сохранение при этом культурного ядра обуславливает интерес к истории государственной политики Китая.

Большинство населения КНР составляют ханьцы. Хань – это крупнейшая этническая группа в КНР и во всем мире. В русском языке носят историческое наименование китайцы. Термин, применяемый к национальным группам в КНР[2], происходит от родственного японского слова (minzoku) и может быть переведен как «национальное меньшинство». Данная категория вошла в употребление после основания Китайской Народной республики. В Китае термин «нацменьшинства» используется только в значении численности по сравнению с ханьским большинством. Официальный статус «национального меньшинства»[3] получили 55 этнических групп, на основании четырех характеристик, отличных от доминирующей группы ханьцев: языка, территория расселения, особенностей экономической и культурной жизни[4].

По данным шестой переписи населения КНР, проведенной в 2010 г., общая численность представителей национальных меньшинств на территории материкового Китая составила 113,79 миллионов человек[5], что примерно равно численности населения таких стран как Филиппины или Египет и составляет 8, 49% от всего населения КНР. Таким образом, Китай - многонациональное государство с преобладанием одной этнической группы и при наличии значительного количества национальных меньшинств. Неоднородность населения представляет собой определенный вызов для политической системы на каждом историческом этапе, ответ на который формулируется через

2. 民族, миньцзу

3. 少数民族, шаошу миньцзу

4. Hua-Yu S.C., Hannum E. C., Chunping L. Sociological Perspectives on Ethnicity and Education in China: Views from Chinese and English Literatures. University of Pennsylvania, 2013. P.3. URL: http://repository.upenn.edu/elmm/4

5. 中国2010年人口普查资料各地区分. Чжунго 2010нянь жэнькоу пучжа цзыляогэдицюйфэнь (Данные переписи населения КНР 2010 года по регионам). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm

изменение государственной политики в отношении как преобладающей этнической группы, так и национальных меньшинств.

Первоосновой государственной политики КНР с 1949 г. является главенствующая роль КПК (Коммунистической партии Китая) во всех сферах общественной жизни. В партийных документах содержится такое определение КПК: «Коммунистическая партия Китая является авангардом китайского рабочего класса и одновременно авангардом китайского народа и китайской нации, руководящим ядром дела социализма с китайской спецификой и представляет требования развития передовых производительных сил Китая, прогрессивное направление китайской передовой культуры, коренные интересы самых широких слоев китайского народа. Высший идеал и конечная цель партии - осуществление коммунизма»[6].

За семидесятилетнюю историю государственной политики КПК, во главе партийно-государственного аппарата сменилось пять поколений руководителей, ассоциируемых с периодами лидерства Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина, Цзян Цзэминя, Ху Цзиньтао и Си Цзиньпина. За это время в Китае произошли значительные политические, экономические, культурные и социальные изменения. В целом это был шаг от бедности и опустошения гражданской войны, через политику «Большого скачка» и Культурную революцию, через «Реформы и открытость» к построению «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации».

Вместе с плановой сменой руководителей происходила и постепенная трансформация идеологического базиса управления, характеризуемого основными положениями партийного курса. Маоизм, строительство социализма с китайской спецификой, положение о «тройном представительстве», концепция «научного развития» и социализм с китайской спецификой новой эпохи постепенно формировали и изменяли теоретические и политические принципы партии.

---

6. Резолюция XVI Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК. 2002. 11 ноября. URL: http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118045.htm

Внимание к «четвертому» поколению, условно обозначающее период пребывания Ху Цзиньтао на постах Председателя КНР и Генерального секретаря ЦК КПК, объясняется не только несомненными экономическими успехами страны, добившейся в этот период статуса экономической сверхдержавы, но и повышенным вниманием к социально-экономической и социально-культурной сферам жизни общества. В рамках форсированного развития социальной сферы, направленного на построение среднезажиточного общества, т.е. достижения социально-экономического равенства внутри страны через увеличение благосостояния большинства граждан, в фокусе партийно-государственной политики оказались национальные меньшинства. В Устав Коммунистической партии Китая от 2002 г. внесено следующее положение: «Коммунистическая партия Китая охраняет и развивает отношения равноправия, сплоченности и взаимопомощи между всеми национальностями страны, твердо придерживается института национальной районной автономии и неуклонно совершенствует его, интенсивно растит и выдвигает кадры из числа национальных меньшинств, помогает национальным районам развивать экономику и культуру в интересах совместного процветания и всестороннего прогресса всех национальностей»[7].

На XVI съезде Коммунистической партии Китая (КПК) в 2002 г. была выдвинута установка «неуклонно возвышать и внедрять национальный дух», что было названо стратегической задачей и условием, необходимым для сохранения китайской нации, следовательно, и китайского государства. При этом официальный статус получила концепция «чжунхуа миньцзу» — китайской нации. Она подразумевает формирование у граждан страны надэтнической государственной идентичности[8]. Таким образом, проблема исследования состоит в оценке эффективности реализованной в рассматриваемый период

7. Устав Коммунистической партии Китая // Принят с частичными поправками XVI Всекитайским съездом КПК. 2002. 14 ноября. С. 7. URL: http://book.theorychina.org/upload/ae5a6068-65b5-4df4-8521-5069cd368222/
8. Доклад председателя КПК Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК. 2002. 8 ноября.URL: http://russian.people.com.cn//zhuanti/partycongress/bao1.html

государственной политики по формированию национальной идентичности в КНР, в частности, в отношении национальных меньшинств.

Тема исследования **актуальна** ввиду того, что положение Китая влияет на развитие глобального мирового сообщества и интересна для других стран. Понимание социокультурных процессов, произошедших в Китае, важно не только для политической жизни внутри данной страны, но и для стран, граничащих с КНР и поддерживающих международные контакты с Китаем, как на двухстороннем уровне, так и на уровне международных организаций. Тем более, динамично развивающийся во всех сферах Китай претендует на более значимое место в мировом сообществе. Принцип внешней политики Дэн Сяопина «скрывать возможности и держаться в тени» перестал быть актуальным для мощного в экономической, политической и военной сферах Китая. Ему на смену пришла концепция «сообщества единой судьбы человечества», знаменующая проведение многовекторной и активной внешней политики, которая была выдвинута в 2011 г.[9] Си Цзиньпином и развита в последующих его выступлениях.

Стремление Китая к лидерству на мировой арене привлекает пристальное внимание международного сообщества к любым внутренним проблемам в КНР, провоцируя их использование в политических целях. В том числе, международным стало обсуждение национального вопроса в КНР. Межнациональную напряженность в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) и Тибетском автономном районе (ТАР), как во время председательства Ху Цзиньтао, так и сейчас, во многом вызывает и усиливает диспропорция в уровне социально-экономического и культурного развития отдельных этносов, существование фактического неравенства.

В целом, одной из фундаментальных проблем современной гуманитарной науки остается взаимоотношение личности с доминирующим политическим институтом – государством. История взаимоотношений государства и

9. Белая книга «Мирное развитие Китая». 2011. Официальный сайт Правительства Китая. URL: http://by.china-embassy.org/rus/zt/zfbps/t868717.htm

человека представляет собой грандиозный материал для исследования, необходимый фокус для изучения которого может предоставить нам концепция национальной идентичности. Исследование идентичности как способа решения межэтнических противоречий может быть применимо для объединения и укрепления любого многонационального общества. Российская Федерация прошла свой путь становления многонационального государства, но кризис идентичности, возникший после распада СССР еще не завершен и наша страна всё еще формирует представление о самой себе и своём месте в мире. Опыт КНР, рассматриваемый в рамках завершенного исторического периода, может помочь не повторить чужие ошибки и найти достаточно эффективные инструменты реализации национальной политики.

Среди изменений, происходящих в Китае в условиях современного глобального мира, потеря национальной идентичности и самосознания может привести к утрате способности определять национальные интересы. Ценой экономического успеха Китая становится выхолащивание коммунистической идеологии. Упадок идеологии привел к кризису веры в марксизм и строительство социализма. Главным аспектом исследования идентичности в КНР является её использование в политических целях. Под управлением КПК концепт «КНР» постепенно обретает черты однородного культурного сообщества, связанного единой идеологией и разделяемыми всеми гражданами целями.

В диссертации было сформулировано предположение, что для формирования национальной идентичности в КНР в отношении национальных меньшинств Коммунистическая партия Китая в рассматриваемый период использовала информационную, образовательную, религиозную и языковую политики, методы которых принимались безоговорочно или встречали сопротивление во стороны меньшинств.

Также в диссертации, в главе «Религиозная политика как определяющий фактор формирования национальной идентичности тибетцев в КНР в 2002-2012 гг.» более подробно рассмотрена религиозная политика в отношении

тибетского буддизма в обозначенный период. Данная сфера реализации национальной политики была изучена более детально из-за её значимости для понимания исторического процесса формирования национальной идентичности в КНР. Тибетский буддизм - важный элемент идентичности тибетского общества, что усиливает как позитивные, так и негативные эффекты китайской религиозной политики. Рассматриваемый в работе временной период имеет особе значение для региона - массовые протесты в Тибете в 2008 г. привлекли внимание других государств к проблеме Тибета и стали важным фактором реализации религиозной политики.

Объектом исследования является процесс формирования национальной идентичности в КНР в период «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей.

Предмет – комплекс идеологических концепций, мер, институтов, инструментов государственной политики по формированию национальной идентичности в КНР, а также проблем, возникших при её реализации.

Хронологические рамки исследования охватывают период 2002-2012 гг., являющийся сроком нахождения в руководстве страны «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров: Ху Цзиньтао на посту Председателя КНР и Генерального секретаря ЦК КПК, Вэнь Цзябао в должности премьера Госсовета КНР и других членов Постоянного Комитета Политбюро ЦК КПК XVI и XVII созывов. Плановая смена руководящих поколений, обеспечивающая их политическое единство, происходит в рамках работы Всекитайских съездов КПК.

«Четвертое поколение» находилось у власти начиная с XVI Всекитайского съезда КПК, прошедшего в 2002 г. и до XVIII Всекитайский съезд КПК, состоявшегося в 2012 г. XVII съезд КПК укрепил положение «четвертого поколения» в ЦК КПК, подтвердил смещение внимания партии на социальную сферу, а также в Устав партии была добавлена концепция «научного развития».

Всекитайские съезды КПК представляются символическими водоразделами, ключевыми точками постепенной трансформации политической системы КНР. Именно решения съездов формируют политику КПК и состав Центрального Комитета на КПК на следующие пять лет. Смена поколений партийно-государственных руководителей во многом определяет изменения в основных идеологических компонентах национальной политики и методах её реализации, а также регулирование процесса формирования национальной идентичности. Для лучшего понимания процессов, происходивших в КНР, мы обращались также к исторической ретроспективе, привлекали источники и научную литературу более раннего и более позднего периодов.

Характеристика источников. Определяющее значение для диссертационного исследования имеет источниковая база, состоящая из обширного материала на китайском, английском и русском языках. Источники первичной информации подразделяются на следующие категории: документы XVI, XVII и XVIII Всекитайских съездов КПК и пленумов ЦК КП; законы, подзаконные и нормативно-правовые акты; Белые книги; материалы международных организаций; статистические данные; выступления и труды государственных, политических и общественных деятелей.

Среди всех первичных источников, используемых в работе, первоочередную важность имеют документы XVI, XVII и XVIII Всекитайских съездов КПК и пленумов ЦК КПК. Решения съезда становятся определяющими для реализации внутренней политики на всех уровнях власти. Съезд заслушивает программный доклад генерального секретаря ЦК КПК, принимает резолюцию по докладу ЦК КПК прошлого созыва, утверждает изменения в Устав КПК и многое другое. Ценными для нашего исследования являются постановления пленумов ЦК КПК, такие как Постановление ЦК КПК по наиболее важным вопросам создания гармоничного социалистического общества, Постановление ЦК КПК по углублению структурной реформы культуры[10] и некоторые

10. Резолюция XVIII Всекитайского съезда КПК по докладу Центрального комитета XVII созыва. 2012. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/15/content_27124058.htm Резолюция XVI Всекитайского съезда

другие, детально разъясняющие политику Партии в определенных сферах внутренней политики в рассматриваемый период. Документы съездов и пленумов позволяют проследить изменения в теоретических основаниях и методах реализации партийно-госуадсрвенной политики, в то время как доклады генерального секретаря ЦК КПК помогают определить специфику национальной политики рассматриваемого периода и сравнить цели национальной политики, обозначенные в документах съездов с содержанием высказываний высшего руководства КНР.

Во второй группе источников (законы, подзаконные и нормативно-правовые акты) прежде всего следует упомянуть Конституцию 1982 г. как основной документ государства, а также Закон КНР «О национальной районной автономии» 1984 г., закладывающий основы отношений между центральными органами власти и национальными автономными территориально-административными образованиями. Законы, подзаконные и нормативно-правовые акты являются основой для изучения отдельных сфер национальной политики КНР, таких как информационная, образовательная, религиозная и языковая, предоставляя обширный материал для анализа. Наиболее информативными для нашего исследования в каждой из упомянутых сфер оказались: Решение «Об усилении защиты сетевой информации» 2012 г., Положение «О религиозной деятельности» 2005 г., Закон КНР «Об общеупотребительном языке и письменности» 2001 г., Закон КНР «Об образовании» 1995 г. Данная группа первичных источников охватывает документы центрального, провинциаль-

---

КПК по проекту пересмотренного Устава КПК. 2002. URL: http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118045.htm; Резолюция XVII Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК. 2007. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/21/content_9101099.htm; Резолюция XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по проекту пересмотренного устава КПК. 2012. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/15/content_27124059.htm; Постановление ЦК КПК по наиболее важным вопросам создания гармоничного социалистического общества // Принято VI пленумом ЦК КПК XVI созыва. 2006. URL: http://book.theorychina.org/upload/9c2104d1-e842-467d-b276-f7dc6f8ca293/; Decision Concerning Deepening Cultural Structural Reform // 6th Plenary Session of the 17th Central Committee of the CCP. 2011. URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2011/10/18/central-committee-of-the-chinese-communist-party-decision-concerning-deepening-cultural-structural-reform/

ного и окружного (префектурного) уровней, а также документы отдельных ведомств. Например, к центральному уровню относится Положение «О религиозной деятельности» принятое Государственным Советом в 2005 г. и комплексно регламентирующее деятельность религиозных общин, к провинциальному – «Меры по исполнению Положения 2005 г. «О религиозной деятельности» в Тибетском Автономном Районе от 2007 г.», к окружному – «Временные меры по управлению тибетским буддизмом в уезде Аба» и к уровню отдельных ведомств – «Информационное сообщение Министерства общественной безопасности №39 о различных вопросах, касающиеся выявления и запрещения культовых организаций»[11]. Работу с источниками по данной теме осложняет закрытый URL к внутрипартийным и внутриведомственным документам. Важность данной категории источников для изучения политической истории определяется их непосредственным влиянием на жизнь общества. Законодательство не только формирует правовую основу государства, но и регламентирует работу партийного и государственного аппарата на всех уровнях, закладывает юридическую базу отношений между гражданами, представляет собой первичную форму контроля над обществом. Законодательные акты уточняют положения Всекитайских съездов КПК, формируют условия и методы практической реализации целей национальной политики КНР. Через изу-

11. Конституция КНР: офиц. текст, 1982. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution; China's Law on Regional National Autonomy, 1984. URL: http://www.asianlii.org/cn/legis/cen/laws/rna267; Decision concerning Strengthening Network Information Protection // National People’s Congress Standing Committee. 2012. URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2012/12/28/national-peoples-congress-standing-committee-decision-concerning-strengthening-network-information-protection; Закон КНР «Об образовании»: офиц. текст, 1995. URL: http://www.asia-business.ru/law/law3/education; Decree of the State Council of the People’s Republic of China No.426 “Regulations on Religious Affairs” // 57th Executive Meeting of the State Council. 2005. URL: http://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/200803/t20080328_31641.html; Law of the People's Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language: Order of the President of the People's Republic of China No.37, 2000. URL: http://english.gov.cn/laws/2005-09/19/content_64906.htm; Tibet Autonomous Region People's Government Order 73 “Tibet Autonomous Region Implementing Measures for the "Regulation on Religious Affairs". 2007. URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/tibet-autonomous-region-implementing-measures-for-the-regulation-on; Эбачжоу жэньминьчжэнфу гуаньюйиньфа эбацзанцзуцянцзуцзычжичжоу цзансхуаньфоцзяо шиугуаньлицзаньсин баньфадэ тунчжи (Временные меры по управлению тибетским буддизмом в уезде Аба Нгава-Тибетско-Цянский автономного округа) // Сычуаньшэнь эбацзанцзуцянцзуцзычжичжоу жэньминьчжэнфу (Народное правительство провинции Сычуань Нгава-Тибетско-Цянский автономного округа). 2009. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=297813; Notice on various issues regarding identifying and banning of cultic organizations (Doc. no. 39 by the Ministry of public security of the People’s Republic China) // Chinese law and government. 2003. Vol. 36. No. 2. Pp. 22-38. doi: 10.2753/CLG0009-4609360222.

чение источников данной категории стало возможным проследить процесс изменения определенных областей социальных отношений, связанный со стремлением партии реализовать проект «многонационального китайского народа». Первая и вторая категории источников представляют необходимую и полную информацию о государственно-правовом регулировании национальной идентичности в КНР.

К третьей группе источников относятся Белые книги - официальные документы, разъясняющие политику государства в какой-либо сфере общественной жизни. Среди Белых книг, разработанных с целью представления определенной точки зрения на национальный вопрос в КНР, в процессе исследования был проведен анализ Белых книг, выпускаемых Госсоветом КНР и Департаментом информации и международных отношений Центральной тибетской администрации в изгнании. Самыми информативными для нашего исследования, среди Белых книг Госсовета КНР, стали материалы по правозащитной тематике, описывающие достижения правительства в сфере защиты прав человека и свободы вероисповедания национальных меньшинств[12].

Для проведения исследования крайне необходимо рассматривать альтернативную официальной точку зрения на историю государственной политики в отношении национальных меньшинств. В связи с этим в исследовании также используются четвертая категория источников – документы международных межправительственных организаций и международных неправительственных правозащитных организаций, таких как Human Rights Watch, Freedom House, Tibet Watch и других[13].

---

12. Тибет. Правда, основанная на фактах: белая книга – М.: Издание Департамента информации и международных отношений Центральной тибетской администрации Его Святейшества Далай-ламы. 286 с.; White book “Protection and Development of Tibetan Culture” // The State Council Information Office, 2008. URL: http://www.bjreview.com/special/tibet/txt/2008-10/14/content_156885_3.htm

13. No Faith in the State. Tibetans Speak about Religious Restrictions / Ed. A. Holmes. L.: Tibet Watch, 2007. 72 p.; China: Tibetan Monasteries Placed Under Direct Rule // Human Rights Watch. 2012. URL: https://www.hrw.org/news/2012/03/16/china-tibetan-monasteries-placed-under-direct-rule; Cook S. Freedom House Special Report: The Battle for China’s Spirit. Freedom House. – 2017. – 136 p. – URL: https://freedomhouse.org/report/china-religious-freedom

Третья и четвертая группы источников позволяют анализировать представление и аргументацию партийно-государственной точки зрения КНР и позиции правозащитных организаций, выступающих на стороне национальных меньшинств. Белые книги Госсовета КНР и документы правозащитных организаций рассчитаны, в основном, на некитайского читателя и содержат детальную информацию о положении национальных и религиозных меньшинств в КНР. Оба типа документов весьма идеологически заряжены, а значит в них велика роль субъективного начала. Соотнесение информации, полученной из третьей и четвертой группы источников, а также сравнение с данными независимых исследователей, тем не менее позволяет считать информацию, представленную в них, относительно достоверной и использовать данные для анализа реализации политики формирования национальной идентичности в КНР.

В отдельную категорию были выделены статистические данные, например, выпускаемые национальным Бюро статистики КНР[14]. Среди данных Бюро статистики были использованы сведения, полученные во время шестой переписи населения КНР, проведенной в 2010 г. Степень объективности данных переписи, как и большинства других источников данной категории, не вызывает сомнений. Анализ социально-демографической динамики крайне необходим как для проведения государственной политики, так и для её исследования.

В последнюю, пятую, категорию были добавлены выступления и труды государственных, политических и общественных деятелей, например, основателя партии Гоминьдан и автора «трех народных принципов» Сунь Ятсена, Далай-Ламы XIV, секретаря Комитета КПК в Тибетском автономном районе Чэнь Цюаньго[15] и других. Подобные источники имеют важное значение в ис-

---

14. 中国2010年人口普查资料各地区分. Чжунго 2010нянь жэнькоу пучжа цзыляогэдицюйфэнь (Данные переписи населения КНР 2010 года по регионам). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm

15. Сунь Ятсен Избранные произведения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. 781 с.; Dalai Lama XIV. Reincarnation // His Holiness the 14th Dalai Lama of Tibet. 2011. Sept. 24. URL: https://www.dalailama.com/the-dalai-lama/biography-and-daily-life/reincarnation; Цюаньго Чэнь. Яньминчжэнчжицзилюй хэ чжэнчжигуйцзюй ши лидан чжибэнь (Строгая политическая дисциплина и нормы являются

следовании, несмотря на присущий им субъективизм, связанный с особенностями мировоззрения, личностным опытом их создателей и преследуемыми ими целями. Даже если информация, полученная из данных источников, не объективно отражает историческую реальность и в большей степени содержит точку зрения автора, источники личного происхождения необходимы в работе для изучения концептуальных основ национальной политики и реакции политических субъектов.

Степень разработанности темы:

Обработанный массив научной литературы можно условно разделить на две тематические группы, в свою очередь подразделяющиеся на исследования зарубежных и российских авторов: труды о национальной идентичности и материалы о национальном вопросе в КНР.

Среди исследований зарубежных авторов, посвященных вопросу формирования идентичности, соотношению этнической, гражданской и национальной идентичности, национализму и его влиянию на социально-политическую систему современного государства, можно выделить монографию «Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма» Бенедикта Андерсона - самую читаемую книгу о нации и национальной идентичности в рамках конструктивизма, заложившую восприятие нации как «воображаемого сообщества». Также хотелось бы отметить книги «Нации и национализм» Эрнеста Геллнера, «Гражданство и национальная идентичность» Юргена Хабермаса, «Нации и национализм после 1780 г.» Эрика Хобсбаума, «Национализм и модернизм» Энтони Смита и «Национализм» Крэйга Калхуна[16].

основой партийного строительства). Чжунго цзицзяньцзяньчабао. 2015. URL: http://csr.mos.gov.cn/content/2015-11/09/content_19075.htm

16. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 416 с.; Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 794 с.; Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность – Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. 252 с.; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб: Алетейя, 1998. 306 с.; Смит Э. Национализм и модернизм: критич. обзор соврем. теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 464 с.; Калхун К. Национализм. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.

Важными для российских исследований являются сборник статей по итогам всероссийской научно-теоретической конференции «Идентичность как предмет политического анализа» (ИМЭМО РАН, 20-21 октября 2010 г.), раскрывающий новые подходы к изучению идентичности, монография «Национальная идентичность. Постижение смысла» С.В. Кортунова, описывающая кризис национальной идентичности в условиях глобализации, а также работу В.А. Тишкова «Российская нация и ее критики», в котором автор исследует формирование российской политической нации в современных условиях и делает вывод о том, что российская нация существует настолько, насколько в этом убеждены граждане России. Отдельно хотелось бы отменить монографию Ю.А. Балашова, А.А. Камракова и И.В. Рыжова «Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока»[17], посвященную анализу сложной этнорелигиозной системы ближневосточного региона, реконструкции механизмов её функционирования, что способствует лучшему пониманию проблем межэтнического взаимодействия в других полиэтничных регионах планеты. Исследования, посвященные категории национальной идентичности, позволили провести анализ теоретических подходов к определению нации, национализма и национальной идентичности и сформировать понятийное поле нашей диссертации. Изучение способов поддержания и развития единства национальной общности было применено для дальнейшего анализа формирования национальной идентичности в КНР.

Несмотря на значительный научный интерес к вопросу формирования национальной идентичности, в научной литературе отсутствует комплексный анализ процесса формирования национальной идентичности в КНР. Матери-

17. Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21-22 окт., 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2010. 157 с.; Кортунов С.В. Национальная идентичность. Постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 592 с.; Тишков В.А. Российская нация и ее критики. Институт этнологии и антропологии РАН, 2007. С. 558-600.; Рыжов И.В., Балашов Ю.А., Камраков А.А. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока. Нижний Новгород: Изд-во АГПИ, 2007. 129 с.

алы зарубежных авторов о национальной политике КНР весьма обширны, исследования, в основном, фокусируются на одном национальном меньшинстве или определенной сфере проведения национальной политики. Редким исключением является исследование профессора Городского университета Нью-Йорка Янь Сунь «От империи к национальному государству: этническая политика в Китае», в котором автор предлагает историко-политологический анализ национальной политики КНР. Исследуя причины современной межэтнической напряженности, автор приходит к выводу, что стратегии централизации и неполный переход к национальному государству создали предпосылки для этнической мобилизации и политизации этнических идентичностей тибетцев и уйгур. Также стоит отметить работы профессора Пекинского университета Жун Ма, например, «Этнические отношения в Китае», статьи профессора Гонконгского университета науки и технологий Барри Саутмана - исследователя национальной политики КНР, политических, экономических и правовых аспектов тибетской и уйгурской проблем и труды основателя Программы современных тибетских исследований в Колумбийском университете Роберта Барнетта[18].

Значимый вклад в разработку религиозного аспекта межнациональных отношений в КНР внесли один из современных основателей китайского религиоведения Ричард Мэдсен, автор теории тройного «религиозного рынка» в Китае Фенган Ян и словацкий исследователь религиозного аспекта тибетско-китайских отношений Мартин Слободник[19].

Среди ученых, занимающихся образовательной политикой КНР, хотелось бы отметить Жуй Яна и Чжу Чжиюна, специализирующихся на изучении

---

18. Yan Sun. From Empire to Nation State: Ethnic Politics in China. Cambridge: University Printing House, 2020. 390 p.; Ma Rong. Ethnic relations in China. Beijing: China Tibetology Publishing House, 2008. 519 p.; Sautman B. Ethnic Law and Minority Rights in China: Progress and Constraints // Law & Policy. 1999. Vol. 21. 3. Pp. 283–314.; Barnett R. Restrictions and Their Anomalies: The Third Forum and the Regulation of Religion in Tibet // Journal of Current Chinese Affairs. 2012. Vol. 4. No. 41. Pp. 45–107.
19. Madsen R. The upsurge of religion in China // Journal of Democracy. 2010. Vol. 21. No. 4. Pp. 58-71.; Yang F. The red, black, and grey markets of religion in China // The Sociological quarterly. 2006. No. 47. Pp. 93-122.; Slobodník M. Religious Policy towards Tibetan Buddhism in the People’s Republic of China // Rozhledy. 2014. Vol. 1. No. 12. 8 p.

среднего и высшего образования для национальных меньшинств. Также отдельного упоминания заслуживают специалисты в информационной политике КНР - Анна Мария Брэди, Дэвид Шамбо и лингвистической политике - Ариенна Дуайер[20].

Среди российских авторов, изучающих проблемы национального регулирования в КНР можно упомянуть К.Л. Сыроежкина – известного политолога и синолога, изучающего национально-государственное строительство в КНР, А.А. Москалева, в его монографии «Нация и национализм в Китае» содержится детальный анализ официального националистического дискурса партии. Полезными для исследования также стали книги «История Тибета с древнейших времен до наших дней» Е.И. Кычанова и Б.Н. Мельниченко, «Китай в процессе современной глобализации: закономерности и перспективы развития» А.И. Лычагина и статья «Идентичность с китайской спецификой» В.А. Корсуна[21].

Что касается более узких исследований, наибольший вклад в разработку религиозной проблематики внесла И.Р. Гарри, автор монографии «Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXI в.)». Также стоит отметить кандидатскую диссертацию Л.А. Афониной «Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.)», представляющую собой детальное исследование системы взаимодействия партийных, государственных и религиозных органов и право-

---

20. Rui Y., Mei W. Education for ethnic minorities in China: a policy critique. The University of Hong Kong, Comparative Education Research Centre, 2009. Pp 117-131.; Zhiyong Z. Higher education access and equality among ethnic minorities in China // Chinese Education & Society. 2010. Vol. 43. 15 p.; Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda // Journal of Current Chinese Affairs. 2012. Vol. 41. Pp. 159–181.; Shambaugh D. China's Propaganda System: Institutions, Processes and Efficacy // The China Journal. 2007. Vol.57. Pp. 25-58.; Dwyer A. M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse. Washington D.C.: East-West Center, 2005. 124 p.

21. Сыроежкин, К. Л. Эволюция формирования и основные черты национальной политики КПК. Центр Азии 2012. URL: http://www.continent.kz/library/KN-4/4-2_1.html; Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники исторической мысли, 2005. 327 с.; Кычанов Е.И., Мельниченко Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: «Восточная литература», 2005. 351 с.; Лычагин А.И. Китай в процессе современной глобализации: закономерности и перспективы развития. Нижний Новгород: Пламя, 2007. 103 с.; Корсун В.А. Идентичность с «китайской спецификой» // Полис. №3. 2008. с. 68-79.

вого регулирования религий в Китае. Лингвистическая политика КНР наиболее подробно рассмотрена в диссертации В.А. Клиновского и в работах О.И. Завьяловой[22] – исследователя китайского языка, известного диалектолога, изучавшую также язык и письменные традиции дунган.

Как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе нет комплексного анализа процесса формирования национальной идентичности в КНР как в более широкий, так и в рассматриваемый период. Специфика национальной политики «четвертого поколения» партийно-государственного руководства также не нашла отражения в научной литературе. В имеющихся работах предмет нашего диссертационного исследования затрагивается только частично и лишь в объеме, необходимом для раскрытия специализированных тем, ограниченных определенным национальным меньшинством и/или аспектом национальной политики.

В большинстве работ как западных, так и китайских авторов, исследователи занимают предвзятую позицию, будучи аффилированными или с китайским государством, или с национальными меньшинствами. Огромный фактический исследовательский материал приобретает идеологизированную форму, будучи основанным на данных китайских властей или правозащитных организаций, или тибетской или уйгурской зарубежных общин. Возникает необходимость объективного анализа максимального количества первичных источников, а также самого широкого спектра вторичных источников по исследуемой проблеме, в этом случае, становится возможной максимально непредвзятая оценка произошедших событий.

Надеемся, что наше диссертационное исследование станет логическим продолжением существующей историографической традиции. Состояние и

---

22. Гарри И. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXI в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2009. 320 с.; Афонина Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.): дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, 2016. 218 с.; Клиновский В.А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века: автореф. дис. …канд.ист.наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2012. 26 с.; Завьялова О.И. Языки Китая в информационном пространстве // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 148-152.

оценка зарубежных и отечественных публикаций по национальному вопросу в КНР в период нахождения в руководстве страны «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров обуславливает необходимость исследования процесса формирования национальной идентичности в рассматриваемый период.

Цель исследования – выявить особенности и закономерности государственной политики формирования национальной идентичности в КНР «четвертого поколения» партийно-государственного руководства по сравнению с предыдущим поколением.

Выдвижение данной цели обусловило постановку следующих исследовательских **задач**:

- выделить концепции, на основании которых происходило формирование национальной идентичности в КНР в рассматриваемый период;
- раскрыть особенности процесса интеграции этнической идентичности меньшинств в общенациональную идентичность КНР;
- установить специфику политики в отношении национальных меньшинств изучаемого этапа по сравнению с предыдущими;
- характеризовать механизмы реализации информационной политики в отношении национальных меньшинств в 2002-2012 гг.;
- выявить и показать значение образовательной политики на формирование национальной идентичности в рассматриваемый период;
- изучить трансформацию языковой политики в отношении национальных меньшинств;
- установить идеологические и институциональные основания религиозной политики КНР, проводимой в 2002-2012 гг.;
- на основе источников первичной информации, опубликованных в 2002-2012 гг. выделить использованные методы религиозной политики по отношению к тибетскому буддизму;

Методология и методы исследования:

В качестве методов общенаучного уровня важными для исследования являются такие общелогические методы как аналогия, анализ, синтез, индукция и дедукция, а также метод теоретического уровня – системный анализ, позволяющий рассматривать национальную идентичность как сложную систему. Его методологические принципы, учитывающие многомерность, неустойчивость, альтернативность характеристик систем могут помочь в понимании идентичности человека как сложной неравновесной системы, в которой высока роль случайности и диспропорциональности причинно-следственных связей. Такая система будет сочетать элементы открытости, т.е. возможность влияния внешних факторов и самоорганизацию самих национальностей для поддержания устойчивости системы. В рамках системного подхода описывается множественность состояний системы и возможна её декомпозиция. Таким образом, системный анализ не только позволяет анализировать принципы построения и работы системы в целом, но и изучать особенности всех компонентов системы, их взаимозависимости и внутренние закономерности развития.

В данной работе используются следующие исторические методы исследований: историко-системный метод позволяет рассмотреть политическую историю КНР как единое целое, при этом выделить характерные особенности изменения политических подсистем; историко-генетический метод заключается в анализе развития политических процессов, позволяет определить причины трансформации и формирования внутренней политики КПК; историко-сравнительный метод подчеркивает специфику рассматриваемого периода развития национальной идентичности в КНР в сравнении с другими историческим периодами.

Методы исследования определяются спецификой исследуемого объекта. Анализ истории формирования национальной идентичности предпочтительно

проводить с помощью междисциплинарного подхода, предполагающего использование не только исторических, но и политологических, правовых и философских принципов исследования. В работе были использованы следующие заимствованные методы: институциональный метод, который акцентирует роль государственных институтов КНР в принятии и реализации управленческих решений, что позволяет проследить изменения юридических норм, регулирующих общественные отношения; а также историко-политический метод толкования правовых норм, который раскрывает исторические условия и социально-политические цели издания нормативных правовых актов как доминирующего источника права в КНР.

В рамках историко-социального анализа, ввиду междисциплинарности и специфики тематики исследования, считаем необходимым в качестве концептуальных основ нашей работы использовать теорию конструктивизма. Многие исследователи в РФ делают акцент на изучении военно-политической и экономической сферы жизни Китая в русле политического реализма. Для исследования социокультурных аспектов становится актуальным обращение к конструктивизму. Теория конструктивизма «делает акцент на социальной природе взаимоотношений, рассматривая мир как социальную конструкцию: с точки зрения конструктивистов, социальный мир неотделим от того смысла, который мы ему приписываем. Смысл (понимание) действительности устанавливается в ходе межсубъектного взаимодействия и приобретает форму норм, идентичностей, институтов, правил и т.п., которые, в свою очередь, оказывают влияние на социальные взаимодействия»[23]. Следовательно, теория конструктивизма стремится объяснить, как происходит конструирование социально-политической реальности.

С точки зрения теории конструктивизма, национальности – это сообщества, объединенные общими представлениями об историческом прошлом, культуре, языке и обладающие солидарностью. Образы и представления о

23. Сафронова О.В. Словарь терминов по теории международных отношений. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. URL: http://www.lib.unn.ru/students/src/TMO_dictionary.pdf

национальной группе создает элита - писатели, ученые, политики. Распространение подобных образов происходит через средства массовой информации различного вида.

Таким образом, идентичность граждан представляет собой сложную систему, которая сочетает возможность влияния внешних факторов, в том числе государства, с самоорганизацией. Национальная идентичность формируется исходя из исторических условий, этнической принадлежности, «мифо-символических комплексов», при этом государство оказывает непосредственное влияние на формирование идентичности граждан, управляет процессами формирования национальной идентичности. Данное предположение возможно подтвердить или опровергнуть, основываясь на исторических данных, предоставляющих возможность увидеть процесс формирования национальной идентичности в развитии.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- формирование национальной идентичности в КНР в российской исторической науке впервые представлено как управленческий процесс, обладающий системными свойствами;
- история формирования национальной идентичности в КНР исследована с позиций конструктивизма;
- на основе источников первичной информации были прослежены изменения в реализации политики в отношении национальных меньшинств, произошедшие в период «четвертого поколения» партийно-государственного руководителей.
- было определено влияние трансформации политического дискурса и программных изменений в политике КПК на политику в отношении национальных меньшинств в рассматриваемый период;
- проведено комплексное исследование использования политических инструментов формирования национальной идентичности в КНР в отношении национальных меньшинств в 2002-2012 гг., определяющее

значение было признано за информационной, образовательной, религиозной и языковой политиками;

- впервые проведена систематизация методов религиозной политики КПК в отношении монастырей тибетского буддизма в 2002-2012 гг.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть полезны при проведении исследований теории национальной идентичности, национального вопроса и внутренней политики КНР рассматриваемого или более позднего периода. Положения, изложенные в диссертации, могут быть использованы в преподавании исторических, социально-политических, международных дисциплин в высших учебных заведениях и при подготовке учебно-методических пособий.

Выводы данного диссертационного исследования могут найти применение в аналитической работе по прогнозированию общественных движений на национальной почве, а также в связи с оценкой роли средств массовой информации, образования, религиозной деятельности и языковой политики в воздействии на массовое сознание, в том числе на формирование национальных ценностей и приоритетов.

Практическую значимость работы также определяет возможность использования ее результатов в различных социально-политических практиках, например, при принятии управленческих решений государственных органов власти. Например, в рамках двухсторонних отношений России и Китая, материалы данного исследования могут быть использованы для лучшего понимания особенностей внутренней политики КНР и специфики межнациональных и межконфессиональных отношений в исследуемой стране.

Определение национальных интересов государства и их успешная реализация напрямую зависит от разделяемой всем обществом национальной идентичности. Полученные результаты могут быть учтены при дальнейшей модификации национальной идентичности в Российской Федерации, в том

числе и при изменении внешнеполитического имиджа России. Дальнейшее самоопределение в качестве современного субъекта мировой политики позволит выстроить равноправное и плодотворное международное сотрудничество по широкому кругу фундаментальных проблем мировой политики, а том числе в рамках развития сотрудничества РФ и КНР.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формирование национальной идентичности в КНР в 2002-2012 гг. происходило с помощью стандартизирующей системы национальной политики, включающей в себя информационную, образовательную, религиозную и языковую политики. Целенаправленные действия КПК в этих четырех сферах общественной жизни постепенно трансформировали этнические, локальные, религиозные идентичности в единый мировоззренческий комплекс.

2. Главной целью формирования национальной идентичности в КНР в рассматриваемый период являлась гомогенизация населения, создание культурной и национальной однородности. Выдвинутые концепции «китайской нации», «возвышения национального духа», «научного развития», «гармоничного общества» поддерживали патерналистский характер власти, основанный на политике исторической памяти и этико-философском учении Конфуция.

3. Реализация политики по включению национальных меньшинств в национальную идентичность в КНР в период «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров сочетала в себе меры поддержки, контроля и различные меры государственного принуждения.

4. Языковая политика КПК в рассматриваемый период характеризуется как умеренная. С принятием Закона КНР «Об общеупотребительном языке и письменности» в 2001 г. под государственный контроль была поставлена языковая сфера жизни общества. Национальным меньшинствам было позволено пользоваться определенной языковой автономией для предотвращения эскалации межнациональной напряженности и тем самым было обес-

печено равноправие всех граждан, но при этом, с помощью языковой политики, в том числе через доминирование путунхуа во всех сферах общественной жизни, национальные меньшинства постепенно включались в «многонациональный китайский народ».

5. В 2002-2012 гг. в КНР наблюдался прогресс в повышении уровня общего образования, в том числе в обеспечении равного доступа к общему образованию гражданам любого социального и этнического происхождения. Тем не менее, сохранилась диспропорция в доступе к высшему образованию. Разноплановая преференциальная политика в высшем образовании рассматривалась как необходимая мера для укрепления равенства возможностей и долгосрочной стабилизации межнациональных отношений, но при этом, в рассматриваемый период, не привела к выравниванию доли студентов из национальных меньшинств, получающих высшее образование, относительно доли меньшинств в населении страны.

6. В области государственно-правового регулирования информационной сферы, руководители «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров столкнулись с новым вызовом в виде расширения возможностей выражения идентификации и коллективной принадлежности через сеть Интернет, что увеличило сложность контроля информационного пространства. Тем не менее, информационная политика КПК, проводившаяся в рассматриваемый период, полностью монополизировала право представлять культуру национальных меньшинств, окончательно утвердив включение и переработку их этнической идентичности общенациональной идентичностью КНР.

7. Ограничительные меры в отношении тибетского буддизма, религиозной практики среди уйгурских мусульман, давлением на религиозные сообщества, не зарегистрированные правительством в 2002-2012 гг. не привели к понижению интенсивности конфликта между государственными и религиозными институтами. Наличие нерешенных проблем политико-религиозного характера можно объяснить сочетанием недоверия к религиозным течениям,

как к инструменту деструктивных сил, враждебных коммунистической идеологии и китайскому национальному государству с желанием использовать религиозный фактор во внутренней политике.

8. В начале XXI века принятая политическая задача конфуцианства по установлению социальной гармони и умиротворения Китая, и позитивистский подход к её исполнению вошла в противоречие со сложной общественной-религиозной системой КНР.

9. На основе систематизации методов религиозной политики, проводимых в отношении монастырей тибетского буддизма в 2002-2012 гг., были определены особенности религиозной политики «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров и преемственность в историческом процессе формирования национальной идентичности в КНР.

Степень достоверности исследования основана на тщательном поиске и анализе первичных источников, что является необходимым условием проведения фундированного исследования. Благодаря сопоставлению разных точек зрения, описание исторических процессов достоверно, выводы работы объективны.

Диссертационное исследование и полученные выводы **соответствуют паспорту специальности** 07.00.03 – Всеобщая история (Новейшая история (XX XXI вв)). Следующие области исследования отражены в диссертации: п.6 Новейшая история (XX-XXI вв); п.11 Макро- и микроистория; п.12 Социальная история. История социальных процессов, институтов, структур. Динамика исторической социальности. Социум и человек; п. 13 Власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек; п. 21 История культуры и образования; п.22 История религии и церкви.

Диссертационное исследование прошло **апробацию результатов** в научных журналах, было опубликовано 12 статей, включая три публикации в

изданиях, рекомендованных ВАК. Основные положения исследования также были изложены на научно-практических конференциях: XIX Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (Нижний Новгород, 2014), Школа молодых ученых: новые формы общественных конфликтов и социального взаимодействия в эпоху глобализации (Нижний Новгород, 2014 г.), Зарубежное регионоведение: проблемы теории и практики (Нижний Новгород, 2014 г.), Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества. XX Нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки (Нижний Новгород, 2015), Общество и государство в Китае (ИВ РАН, Москва, 2015), Одна проблема – три измерения (ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 2019), XII Международная научно-практическая конференция «Россия – Китай: история и культура» (Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2019).

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КНР

I.1. Теоретические подходы к изучению национальной идентичности[24]

Непрерывное развитие современной науки, в том числе и её понятийного аппарата, в рамках которого происходит постоянная замена устаревающих терминов, приводит к тому, что смысл понятий искажается, а научная дискуссия, построенная на них, изначально теряет смысл. В связи с этим, в первую очередь, необходимо определить понятийный аппарат данной работы.

Все попытки дать определение понятию «национальная идентичность» связаны с концептами этноса, гражданства и нации, понимание которых затрудненно восприятием этих терминов в обыденной жизни, например, лидер австрийских социалистов первой четверти XX века Отто Бауэр, иронично утверждал, что нация - это «одно из тех явлений, которые мы знаем, пока о нем нас не спрашивают. На поставленный вопрос мы не в состоянии дать точного и ясного ответа». Сам Отто Бауэр определил нацию, в отличие от интернациональной общности – класса, как «совокупность людей, связанных в общность характера на почве общности судьбы»[25]. Нация для него – это естественная и культурная общность. В рамках которой, на почве общности судьбы, единообразно действующие причины влияют на характер населения (наследование определенных качеств и передача культурных ценностей). С Отто Бауером согласен немецкий ученый Курт Хюбнер: «идентификация с нацией не является актом воли или свободного решения – это судьба»[26].

С другой стороны, известный британский ученый Эрик Хобсбаум, считает, «что сравнительно свежее историческое новшество «нация», со всеми сопутствующими ей явлениями – национализмом, государством-нацией, нацио-

24. Материалы данного параграфа были опубликованы в статье: Помелова Ю.П., Волков С.Ю. Национальная идентичность как научная категория // Огарёв-online. № 6 (111). 2018. С. 1-7.
25. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия // Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 60-61, С.88.
26. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М.: КАНОН, 2001. С. 15.

нальными символами, историей и всем прочим, - тесно связано с выдуманными традициями и покоится на упражнениях в социальной инженерии, зачастую целенаправленных и всегда новаторских»[27]. В качестве примера, после политического объединения итальянского государства, завершившегося в 1870 г., «Массимо д'Адзельо считал, что «мы создали Италию, теперь нам нужно создать итальянцев», то есть создать итальянцев из жителей полуострова. Ничего изначально итальянского у них не имелось, так же как ничего южноафриканского не существовало до победы Африканского национального конгресса»»[28].

Сравнение базовых подходов (организационизм, модернизм и постмодернизам) к возникновению и развитию термина «нация», проведенное Энтони Смитом[29], позволяет нам понять, насколько различается восприятие данного термина (таб. 1):

Таб. 1. Сравнение подходов к изучению термина «нация»

ОРГАНИЗАЦИОНИЗМ	МОДЕРНИЗМ	ПОСТМОДЕРНИЗМ
культурное сообщество	политическое сообщество	культурная фикция
продукт древности	продукт Нового времени	исторические границы не рассматриваются
естественная природа	сконструирована правящими элитами	идеологический мираж
органическое единство	механическое единство	аморфность
внутренняя целостность	стратификация	разноприродные фрагменты
природное качество	политический курс	воображаемая категория
свойство всего народа	изобретение элиты	анализ ограничен индивидуальными случаями
механизм функционирования – преемственность	механизм функционирования – коммуникация	функционирует только на уровне индивидуального сознания

27. Смит Э.Д. Национализм и историки // Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 252.

28. Хобсбаум Э. Дж. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 335.

29. Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М.: Логос, 2005. С.379. URL: http://savelev.ru/books/content/?b=3

Два подхода к восприятию нации, два принципиальных её смысла были сформулированы Эриком Хобсбаумом. Первый подход состоит в том, что нацию воспринимают как отношение гражданства или коллективного суверенитета, построенного на всеобщем политическом участии. Общество через понятие «гражданство» может быть определено как «государство граждан». «Для так называемых граждан значение имеют политические права и обязательства, а не культурная идентификация. Ощущение своих обязательств перед государством развивается у человека в процессе его участия в государственных институтах»[30]. Второй подход акцентирует внимание на восприятии нации как этничности, в этом случае, в состав нации входят все, кто разделяет общую культуру, язык или историческое прошлое.

С одной стороны, два подхода к восприятию нации (объединение граждан и этнокультурное сообщество) являются противоположными. С другой стороны, концепция национальной идентичности объединяет эти идеи. Концепция национальной идентичности подчеркивает коллективную природу общества, что делает её пригодной для легитимации и мобилизации поддержки существующей власти. То есть обеспечивает и поддерживает свойство легитимности, одобрения политической системы, её соответствия ожиданиям общества и представлениям о должной государственной власти. В подобных условиях возможным и необходимым условием стабильности государственного образования является «развитие политических движений, которые были бы целенаправленно обращены к широкому ряду групп, занимающих определенную территорию, а это под силу только национальной идеологии»[31]. С практической точки зрения, политическая программа, апеллирующая к вопросам национализма чаще всего «реализуется в виде самостоятельного контроля над территорией с четко установленными границами, занимаемой однородным населением, которое и представляет собой значимое единство граждан»[32].

---

30. Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. С. 225.
31. Там же.
32. Хобсбаум Э. Дж. Указ.соч. С. 334.

Логичным в таком случае представляется вывод, сделанный исследователем Эрнестом Геллнером, который считает, что: «Национализм – это, прежде всего принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать»[33]. Политический характер национальной программы подчеркивает тот факт, что понимание общества как сообщества наций сформировалось только в XVIII веке, история наций не уходит в глубь веков и не является «естественным» состоянием общества. Наоборот, множество характеристик современной нации, воспринимаемых её членами как исконные, можно «свести к искусственным образованиям и связано с совсем недавно возникшими символами или предназначенными для определенных целей рассуждениями»[34].

Но по какой причине эти искусственные образования так часто и в столь различных условиях становятся столь важны для общества? Определённо к формированию нации как значимого понятия имеет отношение этничность, с помощью которой нация воспринимается как «новаторская рекомбинация существующих элементов»[35]. Сам по себе принцип этнической принадлежности не несет политических коннотаций, но может быть включен в политическую программу для реализации политических (национальных, сепаратистских, экстремистских) целей. Этническая идентичность «обеспечивает нацию исторической родословной, которая в подавляющем большинстве случаев у нее отсутствует»[36].

Согласно определению Энтони Смита, этнические группы – «это носящие определенное имя человеческие популяции с общими мифами происхождения, историей и культурой, с привязанностью к конкретной территории и чувством солидарности»[37]. Можем ли мы определить причинно-следственную связь между этническими группами и нациями? Если определяющая черта

---

33. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 23.
34. Смит Э.Д. Указ.соч. С. 252.
35. Смит Э.Д. Указ.соч. С. 256.
36. Хобсбаум Э. Дж. Указ.соч. С. 335.
37. Бройи Дж. Указ.соч. С. 205.

нации в её современном понимании – наличие политической, юридической и экономической общности, то без единых институтов и общей национальной идентичности, трансформация этнической группы в современную форму нации не представляется возможной. Но при этом, без этнической идентичности, без её непосредственного выражения через «мифо-символические комплексы», современная нация была бы беспочвенным измышлением: «чем этническая идентичность сильней и устойчивей, тем успешнее оказывается и современный национализм»[38]. Более того, согласно утверждению Эрика Хобсбаума, «этническая принадлежность превращается в сепаратистский национализм в основном по тем же причинам, что колониальные освободительные движения приводят к созданию независимых государств в границах прежних колониальных империй. Это уже существующие границы»[39].

Идентичность в самых общих словах можно определить так: это то, как человек видит себя среди других. То, как он себя и с какими группами идентифицирует. Для всех социальных наук наиболее общим термином является определение идентичности как «процесса, отражающего представления субъекта о себе и сопровождающегося ощущение собственной непрерывности, что позволяет ему воспринимать свою жизнь как опыт продолжительности и единства сознания, дающий возможность действовать последовательно»[40]. Психолог и психоаналитик Эрик Эриксон, один из известнейших исследователей кризиса идентичности, выделил два уровня идентичности. На первом уровне сохраняется «Я» человека, реализуется личностно-персональная идентификация с самим собой. Второй уровень отвечает за «социальную, коммунальную идентичность - за включенность индивидуального бытия в некую социальную

38. Бройи Дж. Указ.соч. С. 206.
39. Хобсбаум Э. Дж. Указ.соч. С. 340.
40. Мусаев И. М. Национальная идентичность и права человека // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Musaev_naz.pdf

общность и культивацию определенных ценностей, принятых в данном обществе»[41]. Идентичность именно второго уровня вошла в понятийный оборот политологии и международных отношений.

Национальная идентичность - это политическая категория, формирующая «воображаемое сообщество» людей, основной характеристикой которого является соотнесение себя с государством. С помощью данной категории, нация осознает общность целей и средств их достижения. В рамках исследования национальной идентичности, теоретики сосредотачивали свое внимание, в первую очередь, на вопросе возникновения нации как символической общности, впервые данная исследовательская проблема была обозначена в 1968 г. антропологом Ллойдом Фаллерсом. Человек идентифицирует себя с этносом в процессе первичной социализации в семье. Одновременно или позже он может себя идентифицировать с нацией-государством. «Принцип этнической принадлежности — это легкий и четкий способ выражения истинного чувства групповой идентичности, которая связывает всех «нас» потому, что подчеркивает наше отличие от «них»»[42]. Международные миграционные процессы, всё еще актуальный тренд на урбанизацию, смешение этнических и языковых групп в глобальных городах, усиливают именно национальную идентификацию, что обеспечивает населению ощущение коллективной принадлежности. «Нация граждан обретает свою идентичность не в этнически-культурных средах, но в практике граждан, которые активно используют свои демократические права на участие в коммуникациях»[43].

Таким образом, национальная идентичность представляет нацию как данность, не требующую доказательств необходимости её существования. «Нация, трактуемая как естественное образование с помощью национальной

41. Там же.
42. Хобсбаум Э. Дж. Указ.соч. С. 335.
43. Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность – Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995. С. 239. URL: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/frankfurtskaja_shkola/khabermas_ju_demokratija_razum_nravstvennost_moskovskie_lekcii_i_intervju_2004/57-1-0-4712

идентичности, может усиливать территориальное и социальное единство национального государства»[44].

В рамках исследования национальной идентичности, отдельно хотелось бы остановиться на концепции «воображаемых сообществ», выдвинутой Бенедиктом Андерсоном. В концепции Андерсона, нация - это воображаемое политическое сообщество, «поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого живет образ их общности»[45]. Будучи «воображаемым сообществом», нация обеспечивает функционирование всеобъемлющих горизонтальных связей. Андерсон утверждает, что «быть нацией – это по сути самая универсальная легитимная ценность в политической жизни нашего времени»[46]. В своей работе Бенедикт Андерсон вводит новое понятие – «печатный капитализм». Книгопечатание, первая отрасль капитализма, стала важнейшим фактором в формировании национальной идентичности. Литература, выпущенная на национальном языке, особенно национальная литература, позволила всё большему числу людей осознать свою принадлежность к общности большей, чем их религиозная или местная община. Воздействие газет стало еще более значительным, одни и те же новости читали и обсуждали тысячи человек, что привело к созданию новых способов формирования сопричастности.

В рамках концепции Бенедикта Андерсона, язык – это «способ воображения», даже более важный фактор в формировании общества, чем производственные отношения, именно «печатным капитализмом» был задан вектор развития общества. Большинство людей владеют только одним языком, который воспринимается как интегральная часть их личности, нечто неотъемлемое. «Лишь немногие и лишь применительно к очень далекому будущему до-

44. Хабермас Ю. Указ.соч. С. 244.
45. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/
46. Андерсон Б. Указ.соч.

пускают, что когда-нибудь их язык выйдет из употребления, люди порой с трудом могут представить такое прошлое, когда их языка не существовало»[47]. Хотя мы обучаемся родному языку и используем его естественно и неосознанно, язык – это приобретаемая форма идентификации: «Если всякий язык есть нечто приобретаемое, то на его приобретение уйдет ощутимая часть человеческой жизни. Доступность иных языков для нас ограничивается не их чужеродностью, а нашей собственной смертностью. Трактуемая одновременно и как историческая неизбежность, и как сообщество, которое строится в воображении на основе языка, нация представляется нам одновременно открытой и замкнутой»[48].

С тех пор как национальный язык стал значимым для общественных институтов, его политическое значение для формирования национальной идентичности ещё более возросло. Стандартизированный национальный язык используется не только в печатной продукции, но и во время вещаний телерадиокомпаний, в судах, в выборных органах государственной власти, в массовом образовании, в рыночных отношениях. Таким образом, в рамках процесса формирования национальной идентичности, язык не только сохраняет «мифосимволические комплексы», передает национальную культуру и память, но и влияет на политическую, информационную и образовательную сферы общественной жизни.

Только ли под влиянием «печатного капитализма» и национального языка народы идут на жертвы ради своих нации? Согласно классику социологии Максу Веберу, взаимосвязь между государством и национальной идентичностью и государством можно определить таким образом: «Политическая общность — это одна из таких общностей, действия которых, по крайней мере в нормальных условиях, включают в себя элемент принуждения посредством

47. Балакришнан Г. Национальное воображение // Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 275-276.
48. Андерсон Б. Указ.соч.

угрозы для жизни и свободы передвижения. В конечном счете, индивид должен быть готов к тому, чтобы принять смерть в интересах группы. Это придает политической общности ее особенный пафос обеспечивает ей прочные эмоциональные основы[49]». «Смерть за Родину, которую обычно не выбирают, приобретает такое моральное величие, с которым не может сравниться смерть за Лейбористскую партию, Американскую медицинскую ассоциацию или, даже скажем, за «Международную амнистию», ибо это такие организации, куда можно по собственной воле войти и откуда можно по собственной воле выйти»[50].

Таким образом, национальная идентичность укрепляется благодаря самоотверженной принадлежности к «общности жизни и смерти». Только в борьбе с настоящим или выдуманным врагом, в борьбе с международной конкуренцией и экономическим кризисом, в борьбе за сохранение традиционной культуры или против неё, «нация перестает быть пассивно принимаемым мерилом вещей и становится общностью, завладевающей воображением»[51].

Для рассмотрения процесса формирования национальной идентичности в КНР в период с 2002 по 2012 гг., была избрана теория социального конструктивизма, в русле которой вопросы национализма как политической идеологии рассматривал Бенедикт Андерсон. Конструктивизм позволяет сфокусировать внимание на действиях государства в сферах информационной, образовательной, религиозной и языковой политики, направленных на поддержание и развития единства национальной общности.

49. Балакришнан Г. Указ.соч. С. 277.
50. Андерсон Б. Указ.соч.
51. Балакришнан Г. Указ.соч. С. 278.

I.2. Исторический опыт интеграции национальных и религиозных меньшинств в КНР [52]

Политика формирования национальной идентичности в КНР используется государством как инструмент выстраивания сферы социальной коммуникации между носителями разных политических убеждений и предпочтений. Если гражданская идентичность выстраивается на основе «ежедневного плебисцита», то для формирования национальной идентичности требуются спланированные действия правительства, продолжительные во времени и учитывающие точку зрения населения данного государства. Если для государства характерно наличие общих ценностей и целей, «воображаемое сообщество» через формирование символов идентичности становится частью повседневной жизни.

Государство не имеет идентичности помимо различных практик, которые составляют эту идентичность, этот парадокс означает, что государство пребывает в состоянии постоянного репродуцирования и становления идентичности. То есть воспроизводит и повторяет уже существующую в общественном сознании установку. Государство выделяет кто и что есть «мы», кем и чем «мы» не является и что «мы» должны бояться, например, через поддержание дискурса опасности и создания алармистской идентичности. В обществе распространяется тревожное состояние, являющееся реакцией на текущую ситуацию и неясные перспективы развития.

Строительство национальной идентичности реализуется не только путем исключения внешнего «другого», но, в некоторых случаях это чрезвычайно необходимо, через подавление внутреннего «другого», как и происходит в КНР. Если внутренний «другой» представляет опасность для концепции

52. Материалы данного параграфа были опубликованы в статье: Помелова Ю.П. Формирование национальной идентичности национальных меньшинств КНР // Общество и государство в Китае. Институт востоковедения Российской академии наук, т. 45, № 17-1, 711 с. 2015. С. 175-183.

«мы», государства могут прибегать к насилию как к методу дисциплинирования, маргинализации, изгнания внутреннего «другого» или включения его в общую государственную идентичность.

Следуя мнению антрополога Брэкетт Уильяме, «мы можем расценивать современное государство как продукт процесса тотализации, который подразумевает неумолимое стремление к однородности. Однородность может служить разным задачам, например, гомогенизации пространства, подлежащего государственному управлению»[53]. В зависимости от способности властной вертикали к приведению проекта однородности в исполнение и ответного сопротивления населения, различается интенсивность внедрения национального дискурса. Институциональное закрепление представления об однородности предполагает, что в фокусе общественного внимания оказываются те, кто не имеет признаков, подходящих под проект гомогенизации.

Реализация проекта по гомогенизации идентичности населения КНР требует неординарных усилий в области информационной, образовательной, религиозной и языковой политики. Создание подобной дорогостоящей стандартизирующей системы, постепенно перерабатывающей человеческий материал, под силу только государству, но не гарантирует успеха данного предприятия.

В КНР, как и во многих других полиэтнических государствах, даже при преобладающей численности «государствообразующего народа», остаются меньшинства, чьи стремления невозможно удовлетворить одновременно и при этом не вступая в противоречие с интересами большинства. Несмотря на желание этнических групп, лучше всего выраженное Эрнестом Геллнером: «Как у каждой женщины должен быть муж, желательно собственный, также и у культуры должно быть государство, желательно своё собственное»[54], огромное количество этнических групп и соответствующих им культур не позволяет

53. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм» // Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С.303-304.
54. Геллнер Э. Указ.соч. С.159.

каждой из них образовать своё государство, одни этнические группы неизбежно попадают под управление других. Гомогенизация общества предусматривает, что все элементы, отличные от национального проекта, сначала попадают в фокус общественного внимания, следом проходят через ассимиляцию. «Забвение, наряду с памятью, играет большую роль в формировании национальной идентичности»[55].

Таким образом, можно предположить, что формирование идентичности с одной стороны, является внутренней дисциплинарной практикой, нацеленной на гомогенизацию населения и создания чувств единства и однородности, с другой стороны – это ограничительная практика, направленная на формирование национальной идентичности на определенной территории вне зависимости от иностранного влияния.

Соответственно, строительство национальной идентичности всепроникающей на всю территорию государства никогда не будет завершенным. Тем более, что в современном глобализированном мире, для которого характерно всё большее количество людей, вовлеченных в транснациональные практики, совершенно невозможно достичь прочной и однородной идентификации населения с государством. Не только большое количество этнических меньшинств с разными традициями, проживающих в Китае, но и сами ханьцы, особенно в наши дни, не обладают единой и стабильной идентичностью, состоящей из отличительных черт традиционной культуры, будь то конфуцианской, буддийской или даосской. Их самоощущение постоянно изменяется в соответствии с историческими событиями, которые приводят к пересмотру и реадаптации традиционных ценностей и по сей день.

Тем более, с тех пор как Китай открыл свои границы для внешнего мира, у граждан КНР появилось больше возможностей для вхождения в состав нескольких культур, не обязательно возникших на территории, которую они населяют. Богатство образов СМИ, импортирующих популярную культуру в

55. Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С.209.

пост-маоистский Китай, позволил гражданину КНР выходить за рамки национальной идентичности в КНР, тем самым сделав граждан КНР более космополитичными[56]. Открытие страны капитализму и массовой потребительской культуре создало возможность для новой формы принадлежности и увеличения интереса к внешнему миру, что ведет к плюрализации и детерриториализации китайской идентичности. Достаточно лояльное отношение к вернувшимся хуацяо и привилегии для вернувшихся в КНР соотечественников подтверждает сформировавшуюся в постреформенный период открытость китайского общества иностранным идентификациям в ханьской среде.

Таким образом, вслед за быстрой модернизацией, страна неизбежно подверглась влиянию глобальных культурных потоков и вестернизации. Распространялись и заимствовались модели общественных практик в экономической, политической, культурной, образовательной сферах жизни, присущие западному (западноевропейскому и англо-американскому) обществу.

Под влиянием внешних культур и идей образуется иная, отличная от необходимой правительству, идентичность, тем самым углубляя кризис национальной идентичности и подрывая обоснование коммунистического режима. Особенно среди интеллигенции и студентов, упадок идеологии привел к тому, что Чжао Суйшен определил как «кризис трех убеждений: кризис веры в социализм, кризис веры в марксизм и кризис доверия к партии»[57].

Для противодействия угрожающим декадентским идеалам Запада и для решения внутренних проблем, государственные чиновники формируют национальную идентичность, основанную на истории и культурном наследии Китая, тем самым подчеркивают существование «особой китайской специфики»[58]. Благодаря концепции «особой китайской специфики» не только стало возможным проведение экономических реформ при сохранении социалистического строя и доминирующей позиции КПК, но и противопоставление

---

56. Mauri F. The reconstruction of national identity in post-mao China. London: University of London, 2008. P. 15. URL: http://archive.atlantic-community.org/app/webroot/files/articlepdf/The-reconstruction-of-Chinese-identity.pdf
57. Maury F. Idem. P.21.
58. 中国特色, чжунго тэсэ

уникальных истории и культуры КНР западным ценностям. По словам Ли Жуйхуаня, члена Политбюро КПК и одного из ближайших единомышленников Дэн Сяопина, «национальная культура Китая очень древняя, твердо установившаяся, богатая, глубокая и влиятельная, занимает важное место в истории мировой цивилизации. Наши предки завещали нам чрезвычайно богатое и чрезвычайно драгоценное культурное наследие, которое мы должны беречь, защищать и исследовать…взращивание новой социалистической культуры с китайской спецификой должно опираться на богатую культуру китайской нации. Продвижение вперед национальной культуры даст нам важное условие для поддержания национального духа, укрепления национального достоинства и уверенности, проявления патриотизма и силы, чтобы выдержать все внешнее давление»[59]. Общая история может стать более эффективной базой для объединения людей, чем любая концепция построения идеального общества, если для формирования национальной идентичности на основе конструирования общего исторического пространства обращаются ко всем временным измерениям – прошлому, настоящему и будущему.

Существует три различные модели, в рамках которых, как и во многих других странах, проводится политика формирования национальной идентичности в КНР. Во-первых, это иерархическая модель, в рамках которой этнические, региональные, национальные идентичности дополняют друг друга. Так, принадлежность к уйгурской этнической идентичности может означать и принадлежность к Или-Казахскому автономному округу, а идентифицировать себя с Или-Казахском автономным округом – значит идентифицировать себя и с Китайской Народной Республикой. «Во-вторых, кросс-культурная модель, это когда члены одной комплементарной группы выступают по-разному применительно к другой»[60]. Так, религиозная и этническая идентичности не

59. Men J. The search of An Official Ideology and Its Impact on Chinese Foreign Policy. Brussels: University of Brussels, 2003. P. 32. URL: https://www.dur.ac.uk/resources/china.studies/The%20Search%20of%20An%20Official%20Ideology%20and%20Its%20Impact%20on%20Chinese%20Foreign%20Policy.pdf
60. Кемаев К.В. Процесс формирования общеевропейской идентичности: политика валютно-финансового регулирования, механизмы политико-экономической трансформации, технологии стратегического моделирования: дис. …канд. полит.наук: 23.00.02. Н.Новгород, 2007. С.54.

имеют непосредственной связи, идентифицировать себя как приверженца тибетского буддизма не означает обязательно быть тибетцем, многие ханьцы также исповедуют тибетский буддизм. В-третьих, идентичность в КНР может быть представлена в виде ««слоеного пирога», который сочетает иерархичность первой модели с кросс-культурным характером второй»[61], а их сочетание имеет хаотичный характер.

Вариант утверждения последней модели реализуется через поддержку интеграции национальных меньшинств в китайское общество. Официально, он направлен на постепенные изменения общественной жизни и предполагает идентификационную гомогенизацию в качестве решения национального вопроса внутри страны. Но, как показывает практика, реализация стратегии формирования национальной идентичности опирается на настороженное отношение к этническим и локальным идентификациям. Возможно ли формирование в КНР разделяемой всеми идентичности, если последовательно нивелировать значение частных идентификаций? Возможно ли это в глобальной системе международных отношений, в рамках которой национальная идентичность в КНР является лишь одной из многих локальных идентификаций?

Здесь главной ошибкой руководства КНР в процессе формирования национальной идентичности представляется восприятие национальной и этнической идентичности в рамках концепции «нулевой суммы». Индивидуумы являются одновременно носителями нескольких идентичностей. Преданность этнической идентичности не отменяет приверженности общенациональному сообществу. При условии, что этническая, религиозная, национальная идентичности относятся к «воображаемым сообществам», то строгие ограничения по соотнесению себя только с определенным сообществом являются практически нереализуемыми.

61. Там же.

Как и представителям большинства народов, ханьцам свойственен определенный шовинизм, они приписывают большую значимость тому, что связано с ними. «В сфере культуры признается ценным лишь то, что составляет или может составлять элемент его культуры; все остальное не имеет ценности или оценивается по степени близости, сходства с соответствующими компонентами своей культуры»[62]. Народ, принявший культуру ханьского большинства, воспринимает эту черту их восприятия «другого» и уже оценивает себя, свой народ с точки зрения ханьцев.

Основываясь на концепции Н.С. Трубецкого, формирование национальной идентичности можно представить в виде формулы:

A = a`+ b/n(n-1),

где культура b представляет культуру национальных меньшинств, а n – количество национальных меньшинств, a` – это культура самих ханьцев.

Ханьская культура a` гомогенна, культура национальных меньшинств b разнородна и обладает большим количеством культурных ценностей, следовательно, и большим количеством потенциальных культурных открытий. Исходя из того, что «культура в каждый данный момент представляет из себя сумму получивших признание открытий современного и предшествующих поколений данного народа»[63], не все культурные открытия смогут перейти в число признанных, большая часть из них исчезнет в результате «борьбы за признание», как с ценностями ханьцев, так и в конкуренции с новыми открытиями меньшинств.

В рамках взаимодействия культур национальных меньшинств и ханьской культуры, возможно выделить 4 варианта культурных открытий: a`+a`, a`+b, b+a`, b+b. Первый вариант соответствует традиционной культуре ханьцев и вариантам её изменения в рамках, приемлемых для большинства. Второй и третий рассматриваются как трансформация национальной идентичности в КНР. Третий вариант не имеет культурной ценности с китайской точки зрения,

62. Трубецкой Н.С. Европа и человечество. URL: http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm
63. Там же.

открытиям данного типа предстоит «борьба за признание» в рамках национальной идентичности.

Соответственно, продуктивность культурных открытий национальных меньшинств незначительна, в противоположность этому, ханьцы создают больше культурных ценностей, которые смогут войти в ряд общенациональных культурных ценностей КНР, обязательных для принятия национальными меньшинствами. Следовательно, для национальных меньшинств, «культурный импорт будет всегда превышать культурный экспорт», зависимое положение культур национальных меньшинств усиливается с течением времени, т.к. разрыв между рассматриваемыми культурами постоянно увеличивается.

Другим последствием является разрушение единства внутри национальных меньшинств. «При заимствовании усиливается разрыв между поколениями, социальными, профессиональными и имущественными группами, так как их усиливает различие культур»[64]. Общественное расслоение, культурная дезинтеграция снижает общекультурный потенциал народа, что, с общенациональной точки зрения, делает его «отсталым» и непродуктивным. Группа b, оценивая себя по ханьским критериям может прийти к восприятию себя как малоразвитого общества, лишенного перспектив в будущем и осознанию культурного превосходства ханьского большинства.

В процессе формирования национальной идентичности в КНР представляется перспективным обращение к опыту Сингапура. Одной из опор его модернизации стало утверждение национальной идентичности молодой сингапурской полиэтнической общности. Основой формирования национальной идентичности стал экономический успех, который, в свою очередь, служил стимулом для дальнейшего продвижения по пути консолидации общества[65]. Национальная идентичность Сингапура вобрала в себя элементы западной

64. Кемаев К.В. Указ.соч. С.72.
65. Идентичность как предмет политического анализа: сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции, Москва, 21-22 окт., 2010 г. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 97-98. URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2011/11002.pdf

культуры с опорой на традиционные модели поведения и моральные убеждения китайцев, малайцев, индусов – коллективистские ориентации, семейные ценности, смирение перед властями, расовую и религиозную терпимость[66]. Модель развития национальной идентичности Сингапура не лишена недостатков, «сингапурский дух» проигрывает вестернизации, но опыт успешного формирования национальной идентичности за столь короткий срок (с 1965г.) заслуживает отдельного рассмотрения.

I.3. Особенности формирования и партийно-государственные концепции национальной идентичности в КНР

Политика формирования национальной идентичности в КНР основывается на ряде концепций. Эти концепции не являются новаторскими. Впервые понятие «китайская нация»[67] в политический дискурс ввел Сунь Ятсен. Основоположник китайской социал-демократии и первый президент Поднебесной вошел в историю мировой политической мысли своим учением о трех народных принципах и конституции пяти властей. Три народных принципа это: национализм (идея борьбы против гнета иностранных держав и требование полного равноправия всех национальностей Китая), народное благосостояние (предусматривающее аграрную реформу и индустриализацию) и народовластие (республиканская форма правления и конституция пяти властей)[68].

Другая концепция, разработанная Чан Кайши, описывает китайское много национальное общество в виде «Ствола и ветвей», где ветви – неханьские народы, а ствол дерева – ханьцы. «Главным направлением решения национальной проблемы, по мнению Чан Кайши, являлась ассимиляция или реас-

66. Ortmann S. Singapore: The politics of investing national identity // Journal of current Southeast Asian affairs. №4. 2009. P. 31. URL: http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/view/169/169.
67. 中华民族, чжунхуа миньцзу
68. Сунь Ятсен. Избранные произведения. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. С. 149.

симиляция, ведущие к ликвидации этнических различий в Китае и к возвращению к Китаю, как исконному однонациональному государству»[69]. Особый акцент Чан Кайши делал на образовательной политике: «Мы должны научить наш народ величию исторической культуры Китая. В нашей образовательной программе мы должны сделать упор на истории и географии Китая, чтобы все могли знать и ценить цивилизацию Китая, насчитывающую пять тысяч лет»[70].

После окончания Культурной революции, в конце 70-ых - начале 80-ых гг., началось постепенное восстановление проверенной временем концепции - «китайской нации». Термин «китайская нация» стал всё чаще появляться на страницах газет и журналов, в выступлениях и речах политических деятелей. Концепция «китайской нации» формировалась и активно пропагандировалась как дискурсом власти, так и исследованиями китайских ученых. Благодаря востребованности таковой, она обретала форму главной интеграционной силы. Работающая в КНР огромная пропагандистская система внедряет эту идеологию множеством способов. Стоит отметить, что в концепции подразумевается не этническая общность китайцев, а множественное единство - «совокупность всех народов Китая как некого единства, сложившегося на протяжении всей долгой истории этой страны»[71].

Другим механизмом национальной политики становится концепция, которая получила наименование «оба не отрываются». Её смысл предельно понятен: отношения между ханьским населением и национальными меньшинствами строятся на взаимопомощи и взаимном сосуществовании, при которых ханьцы не могут отрываться от национальных меньшинств, а национальные меньшинства от ханьцев[72].

---

69. Сыроежкин К. Л. Эволюция формирования и основные черты национальной политики КПК. Центр Азии. 2012. URL: http://www.continent.kz/library/KN-4/4-2_1.html

70.Kai-Shek C.Resistance and Reconstruction. New York: Harper. 1943. P. 8. URL: https://books.google.ru/books?id=LIfdOJAntYUC&q

71. Цзян Ц. Доклад на XVI Всекитайском съезде КПК. 2002. URL: http://russian.people.com.cn//zhuanti/party-congress/bao1.html

72. Фадеичева М.А. Два не отрываться: этнонациональная политика демографической сверхдержавы. Ойкумена. 2011. №2. С. 209. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dva-ne-otryvatsya-etnonatsionalnaya-politika-demograficheskoy-sverhderzhavy

На XVI съезде КПК, состоявшемся в ноябре 2002 г., была выдвинута стратегическая задача «неуклонного возвышения и внедрения национального духа» как условие выживания китайского общества, следовательно, и китайского государства[73]. Концепция возвышения национального духа – важная идеологическая новация КПК начала XXI века. Как следует из выступлений Цзян Цзэминя, под национальным духом понимается дух всей китайской нации как макросообщности, объединяющей все народы страны[74]. В материалах, разъясняющих смысл новой установки, особое внимание обращается на её связь с усилением совокупной мощи государства[75]. Национальный дух выполняет социально интегрирующую функцию и способствует раскрытию интеллектуальных сил нации, обеспечивающих модернизацию и развитие экономики, а также, являясь самой сущностью китайской культуры, сохраняет её национальную специфику в противостоянии вестернизации. Для воспитания национального духа предлагается использовать все виды СМИ, а также систему образования, кино, литературу, музыку, театр, особенно много внимания уделяя воспитанию патриотизма как «ядра» национального духа[76].

Также на XVI съезде КПК в Уставе КПК было зафиксировано крайне важное положение «тройного представительства»[77]. Теперь партия представляла не только интересы рабочего класса, крестьянства и интеллигенции, но и всю «китайскую нацию».

С приходом к власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей, среди целей и задач модернизации стали чаще появляться социально-культурные приоритеты, что было вызвано как несомненными экономическими успехами КНР, так и чрезвычайными событиями, таким как,

---

73. Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М.: Памятники исторической мысли, 2005. С. 162.
74. Цзян Ц. Указ.соч.
75. Москалев А.А. Указ.соч. С. 215.
76. Москалев А.А. Указ.соч. С. 218.
77. Резолюция XVI Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК. 2002. 11 ноября. URL: http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118045.htm

например, эпидемия атипичной пневмонии в 2003 г. и землетрясение в г. Вэньчуань провинции Сычуань, показавшими уязвимость социальной системы КНР. Для строительства «социализма с китайской спецификой» и в соответствии «с новыми требованиями развития» была выработана концепция «научного развития», отвечавшая «на вопросы какое именно развитие нужно в условиях новой ситуации и каким образом его осуществлять»[78].

Самое значимое определение данной концепции, содержащиеся в партийных документах, говорит о том, что «научное развитие» «видит в человеке основу основ и требует всестороннего, гармоничного и устойчивого развития»[79]. Председатель КНР и Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао в своей речи на совещании руководства КПК сформулировал смысловое ядро нового, более социально ориентированного курса: «власть должна использоваться народом, чувства должны быть связаны с народом, а действовать следует в интересах народа»[80]. В этом заявлении можно проследить влияние «трех народных принципов» Сунь Ятсена (национализм, народное благосостояние и народовластие), а также идеи, высказанной в конфуцианском трактате древнекитайского мыслителя Мэн Цзы: «Какие достоинства нужны, чтобы можно было [стать] ваном [правителем]?» «Править, заботясь о народе и охраняя [его], тогда никто не сможет оказать противодействие»[81].

На XVII съезде КПК концепция «научного развития» была добавлена в ряд идеологических оснований партийного курса. После XVIII съезда КПК, на III пленуме ЦК КПК XVIII созыва концепция «научного развития» уже упоминалась без дополнительного разъяснения её смысла: «В процессе всестороннего углубления реформ нужно высоко нести великое знамя социализма с

---

78. Резолюция XVIII Всекитайского съезда КПК по докладу Центрального комитета XVII созыва. 2012. 14 ноября. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/15/content_27124058.htm

79. Резолюция XVII Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК. 2007. 21 октября. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/21/content_9101099.htm

80. Феоктистов Ю., Цыплаков С. Об эволюции идеологических подходов китайского руководства к концепции модернизации Китая (1978-2008 гг.) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2008. №4. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11671352

81. Мэн-цзы. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Том 1. М.: АН СССР. Мысль. 1972. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Drvnkit_fil/frametext5.htm

китайской спецификой, руководствоваться важными идеями, такими как марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина, идея «тройного представительства» и концепция научного развития…»[82].

После XVI съезда КПК потребовалось сформулировать более определенные характеристики будущего социального развития КНР. Впервые концепция «гармоничного общества» упоминается в сентябре 2004 г. в решениях IV пленума ЦК КПК XVI созыва[83]. Концепция «гармоничного общества» и пути создания «гармоничной культуры» подробно были описаны в 2006 г. в Постановлении ЦК КПК по наиболее важным вопросам создания гармоничного социалистического общества. Согласно данному документу, гармоничное социалистическое общество – это «общество, полное жизненных сил и энергии, и в то же время общество сплочения и согласия»[84]. Особый акцент в документе сделан на формирование социальной гармонии, её отведена роль «существенного атрибута социализма с китайской спецификой, важная гарантия богатства и могущества страны, возрождения нации и счастья народа»[85].

Концепция «гармоничного общества» направлена на формирование единства «многонационального китайского народа», гармоничными должны стать отношения между различными социальными слоями, включая межнациональные и межрелигиозные отношения. Для реализации концепции необходимо, в том числе, «широко развертывать мероприятия в интересах национального сплочения и прогресса, укреплять и развивать социалистические национальные отношения равноправия, сплоченности, взаимной помощи и гармонии и обеспечивать тем самым межнациональное согласие и взаимовыручку, гармоничное развитие всех национальностей»[86].

---

82. Постановление ЦК КПК относительно некоторых важных вопросов всестороннего углубления реформ // Принято III пленумом ЦК КПК XVIII созыва. – 2013. – 12 ноября. – URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2014-01/15/content_34148517.htm
83. В материалах 4-го пленума ЦК КПК многое заслуживает внимания // Ляован. 2004. 24 сент. URL: http://kz.china-embassy.org/rus/ztbd/sizhongquanhui/t160902.htm
84. Постановление ЦК КПК по наиболее важным вопросам создания гармоничного социалистического общества // Принято VI пленумом ЦК КПК XVI созыва. 2006. 11 октября. С.29. URL: http://book.theorychina.org/upload/9c2104d1-e842-467d-b276-f7dc6f8ca293
85. Там же. С. 1.
86. Там же. С. 31.

Лозунг «гармонии» стал частью идеологии КНР и одним из лейтмотивов деятельности «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров. Внутриполитическая программа создания «гармоничного общества» имеет непосредственную корреляцию с внешнеполитической концепцией «гармоничного мира».

Мораль становится еще одним доминантным принципом внутренней политики и постоянным компонентом выступлений Ху Цзиньтао: «Мораль - ключевой фактор развития страны, гармоничного общества и народного счастья. Развитие социалистической морали должно быть всесторонним путем усилено в процессе создания среднезажиточного общества и социалистической модернизации»[87]. С ослаблением позиций маоизма в КНР мораль социалистического общества потеряла свои позиции. После знаменитого прагматического высказывания Дэн Сяопина («Не важно, чёрная кошка или белая кошка, если она может ловить мышей — это хорошая кошка») в китайском обществе во многом утвердился «макиавеллиевский подход, оправдывающий любые средства достижения цели»[88].

В 2006 г. также была представлена система моральных принципов - «Восемь добродетелей и восемь пороков»[89] с целью создания гармоничной культуры. Один из методов её формирования – «утверждение социалистического понимания того, что делает честь, а что позорит, которое охватывает главным образом восемь составляющих того и другого. Восемь составляющих дела чести – это любовь к Родине, служение народу, уважение научных знаний, трудолюбие, солидарность и взаимопомощь, честность и верность слову, соблюдение закона и дисциплинированность, самоотверженность в борьбе, а восемь составляющих того, что позорно – это нанесение вреда Родине, отрыв от народа, невежество и темнота, безделье и презрение к труду, удовлетворение

87. Building of Socialist Morality Called // Xinhua News Agency. 2007. Sept. 19. URL: http://www.china.org.cn/english/GS-e/224942.htm (дата обращения: 20.03.2019).
88. Leung B. Morality and religion in China’s rise // Improving the human destiny: proc. of int. conf. Hong Kong: Lingnan University. 2009. P.8. URL: http://commons.ln.edu.hk/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=hum_destiny_conf (дата обращения: 27.02.2019).
89. 八荣八耻, бажунбачи

своих интересов за чужой счет, утрата элементарного чувства долга при виде выгоды, нарушение закона и норм дисциплины, роскошная и праздная жизнь»[90].

Таким образом, концепции «научного развития» и «гармоничного общества» продолжает политику, проводившуюся руководителями «второго» и «третьего» поколения, в частности, в сохранении главной роли модернизации и развития. При этом, экономические приоритеты были дополнены социальными и культурными, подход к решению внутренних проблем КНР стал более комплексным.

Теперь рассмотрим основные особенности формирования национальной идентичности в КНР. В целом, сам процесс формирования идентичности в КНР после 1949 г. стал возможен благодаря отказу от революционного подхода, весьма точно сформулированного Мао Цзэдуном: «интересы революции [для коммуниста] должны быть дороже жизни, он должен подчинять личные интересы интересам революции»[91]. Только эволюционное развитие государства-нации позволяет проводить спланированные и длительные по времени преобразования.

Главная особенность формирования национальной идентичности в КНР состоит в руководяще-подавляющей роли партии в разработке базовых теоретических составляющих концепции национальной идентичности, основных символов и моделей формирования идентичности, а также их распространения и восприятия массовым сознанием.

В отличие от других государств, в которых интеллектуальная верхушка общества играет важную роль в формировании национальной идентичности, идентичность в КНР изначально определялась исключительно государством, была предельно официальной. «Восприятие государства как высшей ценности

---

90. Постановление ЦК КПК по наиболее важным вопросам создания гармоничного социалистического общества // Принято VI пленумом ЦК КПК XVI созыва. 2006. 11 октября. С. 21. URL: http://book.theorychina.org/upload/9c2104d1-e842-467d-b276-f7dc6f8ca293/

91. Мао Цзэдун. Против либерализма (7 сентября 1937 г.) // Избранные произведения. Том 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1953. URL: http://library.maoism.ru/against_liberalism.htm

заложено в китайской политической культуре - культуре патерналистко-государственнического типа, основанной на конфуцианском идеале «государства-семьи»»[92].

Повседневную основу организации китайцев образуют семья и род, но не личность. Считается, что формирование национальной идентичности в КНР происходит легче, чем на Западе, так как в западных государствах между индивидуумом и государством лежит пустота или гражданское общество, а в Китае – род[93].

1. В качестве следующей особенности формирования национальной идентичности в КНР можно выделить ее мобилизационно-алармистский характер. Мобилизационно-алармистский характер национальной идентичности в КНР позволял Коммунистической партии Китая организовывать общество на достижение социально-экономических прорывов, выводящих КНР на принципиально новый качественный уровень развития.

2. Другой особенностью формирования национальной идентичности в КНР является китайское историческое сознание, на основе которого осуществляется социальная консолидация. «Историческая память о великих достижениях на уровне общественного и индивидуального сознания выступают мощным консолидирующим фактором, а также формой социальной защиты и идентификации социума»[94].

Естественно, что объяснение процессов, происходящих в начале XXI века в Китае, невозможно без понимания особенностей китайской культуры и цивилизации. Многое свидетельствует о сохранении старой традиции в политическом мышлении, в социальном поведении китайцев, в самой общественной структуре. Для исторически сформировавшегося самосознания ханьцев характерным является чувство превосходства над некитайскими народам.

---

92. Корсун В.А. Идентичность с «китайской спецификой» // Полис. №3. 2008. С.71. URL: http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/3/7.pdf
93. Помозова Н.Б. Социальная идентичность китайцев в посттрансформационный период. Теория и практика общественного развития. 2009. №3-4. С. 205. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=13025088
94. Корсун В.А. Указ.соч. С.71.

«Представление о своей стране как самой древней из ныне живых цивилизаций позволяют китайцам ощущать интеллектуальное, моральное и культурное превосходство Серединного государства над всеми остальными»[95]. «Пропагандируя идею единства всех народов под эгидой Китая, китайские власти выделяли Китай как центр Вселенной, а все остальные народы рассматривали как периферию. Уже в надписях на бронзовых сосудах периода царствования Чэнвана (1024 - 1005гг. до н.э.) для обозначения некитайских народов используется обозначение – «варвары»»[96]. С середины II в. до н.э., с правления династии Хань, начался процесс присоединения к Китаю окружающих территорий, заселенных неханьскими народами. С целью управления данными территориями была разработана политика «слабого руководства варварами», содержащая особые принципы политического, административного и правового регулирования[97]. Вне зависимости от степени удаленности от Китая, все народы рассматривались либо как реальные, либо потенциальные вассалы Поднебесной.

Позже «при династии Тан (618-907 годы) в концепцию этнической политики впервые была включена идея полиэтнического государства, в котором проживали и ханьцы, и «варвары»»[98]. Во время правления династии Мин, «отсталость» неханьских народов, неспособность понять ханьские единственно верные нормы и институты считалось главной причиной отличия их культуры и нежелания перенимать культурные образцы. Отсюда – широкое распространение в Китае теории о «нравственном перевоспитании». Под таким «перевоспитанием» подразумевалось всемерное насаждение китайского образа жизни[99].

---

95. Афонасенко Е.В. Этнопсихологические особенности китайцев. Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. М.:КРАСАНД, 2011. С.195.
96. Думан Л.И. Учение о Сыне Неба и его роль во внешней политики Китая. Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С.38.
97. Сыроежкин К. Л. Эволюция формирования и основные черты национальной политики КПК. Центр Азии. 2012. URL: http://www.continent.kz/library/KN-4/4vvedenie.html
98. Булдакова В.Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. №4. 2006. URL: http://www.riatr.ru/2006/2006-4-WEB/09p77-81.pdf
99. Бокщанин А.А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С.138.

В современных партийных документах также сохраняется обращение к историческому сознанию. Например, в Решении «Об углублении структурной реформы в области культуры», принятом на VI пленарном заседании ЦК КПК XVII созыва, сказано, что «на протяжении пяти тысячелетий цивилизации и развития нашей страны, народы всех национальностей тесно объединялись, постоянно стремились к совершенствованию, совместно создали древнюю и неизменную, широко и прочно укоренившуюся китайскую культуру, придавая мощную духовную силу развитию и росту китайской нации, внося неизгладимый и важный вклад в культурный прогресс человечества»[100].

Учение о Сыне Неба[101] как правителе Вселенной, поставленном Небом и правящем по воле или мандату его, также играет значительную роль в истории Китая. Оно не было порождено конфуцианством, а существовало до него, но было им использовано, обосновано и развито. Данное учение было тесно связано с религиозным учением о Верховном владыке, или божестве[102], а затем с более поздним культом Неба. Обожествляя монархов, превращая их в земных богов, оно создавало им репутацию неприкосновенных существ, сверхмудрых и святых. Ваны (князья) как исполнители воли Верховного божества, т.е. Неба, стояли над всей Вселенной, что давало им право диктовать свою волю не только представителям знати, но и правителям других народов[103], даже если эта зависимость была номинальной. Учение о Сыне Неба играло важную роль в политической, в том числе и дипломатической практике до Синьхайской революции, и сохранилось в восприятии китайским народом своих правителей до сих пор.

3. В качестве следующей отличительной черты формирования национальной идентичности можно назвать партийную поддержку конфуцианства, и в целом традиционной культуры, для обеспечения населения автохтонной

---

100. Decision Concerning Deepening Cultural Structural Reform // 6th Plenary Session of the 17th Central Committee of the CCP. 2011. Oct 18. URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2011/10/18/central-committee-of-the-chinese-communist-party-decision-concerning-deepening-cultural-structural-reform/

101. 天子, тяньцзы

102. 上帝, шаньди

103. Думан Л.И. Указ.соч. С.31.

национальной идентичностью и противопоставления её западной системе ценностей и обычаев. Можно утверждать, что поддержка «конфуцианского возрождения» после начала политики реформ и открытости связана с событиями, опустошившими Китай во время Культурной революции. Масштабное разрушение культурного наследия, храмов и памятников, возможно, вызвало чувство пустоты у населения, побудило к самоанализу, лишило китайцев их национальных символов, с которыми была бы возможна национальная идентификация[104]. На поздней стадии Культурной революции конфуцианство использовалось во время политической кампании «Критика Линь Бяо и Конфуция» в целях дискредитации Чжоу Эньлая. Конечно, борьба с конфуцианскими принципами в рамках кампании имела не только цели внутрипартийной борьбы, но и идеологическую направленность – обеспечение единой революционной идеологии. Маоистский режим был не совместим с конфуцианской идеей сяо («сыновьей почтительности»), с принципами гуманности и милосердия.

Последовавшая после Культурной революции реабилитация «конфуцианства» была нацелена на заполнение идеологического вакуума, образовавшегося после фрагментации национальной идентичности в результате экономических реформ Дэн Сяопина и фактического отхода от революционной идеологии, а также она была направлена на противодействие размывающим национальную идентичность западным идеологиям.

Поддержка конфуцианства пронизывает все уровни власти, Цзян Цзэмиинь на конфуцианском симпозиуме, посвященном 2555 годовщине рождения Конфуция, обратился к общественности, сказав: «Конфуций был одним из великих мыслителей Китая и его учение является частью нашего драгоценного культурного наследия. Мы должны тщательно изучать его возвышенные идеалы и выполнять их в будущем[105]. Цзян Цзэмиинь также стал первым лидером,

104. Maury F. Idem. P.20.
105. Solé-Farràs J. New Confucianism in Twenty-First Century China: The Construction of a Discourse. New York: Routledge, 2014. P. 64. URL: https://books.google.ru/books?id=cVElAgAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s

который часто приводил цитаты из произведений Конфуция в своих официальных выступлениях, подчеркивая, что традиционная культура переоценивается и адаптируется применительно к современности. Конфуцианство, когда-то изображавшееся как «источник десяти тысяч зол»[106], во время нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей прошло переоценку как сущность китайской культуры. Вместо «заклятого врага модернизации и выживания Китая» конфуцианская мысль становится «руководством на будущее»[107]. На многочисленных конфуцианских конференциях интеллигенция подчеркивала, что «свойства китайской культуры, на самом деле, это свойства конфуцианской мысли» и превозносят конфуцианство за его определяющее влияние на ценности и обычаи китайского общества. Конфуцианским идеалам также приписывалось формулировка основополагающих принципов национального объединения, так как они пропагандируют «гармоничные отношения между ханьцами и национальными меньшинствами»[108].

Строительство «системы традиционного культурного наследия», согласно Решению «Об углублении структурной реформы в области культуры», принятом на VI пленарном заседании ЦК КПК XVII созыва, включало, среди прочих целей, «популяризацию и продвижение, расширение толкования идеологии и ценностей традиционной культуры, сохранение основных элементов национальной культуры, превращение безупречной традиционной культуры в духовную силу, воодушевляющую народ на движение в новое время»[109]. Среди методов популяризации в документе обозначены охрана и развитие основных государственных объектов культурного и природного наследия, публикация, оцифровка и популяризация классической китайской литературы,

106. Zhang T., Schwartz B. Confucius and the Cultural Revolution: A Study in Collective Memory // International Journal of Politics, Culture and Society. Vol. 11. №2. 1997.
107. Maury F. Idem. P.23.
108. Maury F. Idem. P.24.
109. Decision Concerning Deepening Cultural Structural Reform // 6th Plenary Session of the 17th Central Committee of the CCP. 2011. Oct 18. URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2011/10/18/central-committee-of-the-chinese-communist-party-decision-concerning-deepening-cultural-structural-reform/

разъяснение культурного подтекста национальных традиционных праздников, популяризация образования в сфере традиционной культуры и прочее.

Таким образом, реинкарнация конфуцианства и традиционной культуры не только и не сколько вопрос знания и изучения прошлого, но ответ на вызовы современности. Принципы поддержания социальной стабильности, иерархии, консенсуса, уважения к власти были тщательно отобраны поколениями и сейчас выполняются для обеспечения необходимой легитимации политического режима.

Гетерогенность китайского общества заключается не только в существовании различных этнических групп, живущих в пределах китайских границ. Национальная идентичность в КНР не заключена в пространственно-определенном состоянии, но переходит и в транснациональные практики. Глобальные потоки ведут к новым возможностям и формированию транснациональных идентификаций. Убеждения, что государство обладает унитарной и стабильной национальной идентичностью, синхронизированной с выделенной территорией, ставятся под сомнение, т.к. не могут охватить всю сложность и многообразие современного мира, для которого государство – один из встроенных в него элементов.

Несмотря на доминирование национального государство во всех сферах общественной жизни, однородность населения, как его главный признак, постепенно сменяется разнообразием культурных форм и мировоззрений, свойственное глобальному плюралистическому сообществу. «Если различным культурным общностям и разным этническим и религиозным субкультурам суждено уживаться вместе и на равных взаимодействовать в рамках единого политического сообщества, то культура большинства будет вынуждена пожертвовать своей исторической прерогативой. В этом случае, культура большинства должна быть четко отделена от политической культуры»[110]. Для правящей элиты в этом случае есть только два варианта развития событий:

110. Хабермас Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Андерсон Б., Бауэр О. Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С.374.

насильственное поддержание однородности, означающее поддержку идентичности большинства и сдерживание развития других культурных форм или бесконфликтное формирование национальной идентичности и признание культурной гетерогенности населения государства. Разнородность общества, его горизонтальная дифференциация по ряду параметров (этническая, религиозная, гражданская идентификация), способно обеспечить социальной системе большую устойчивость и стабильность.

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В КНР В 2002-2012 ГГ.

II.1. Информационная политика в отношении национальных меньшинств[111]

Информационная политика – это принятие и реализация управленческих решений «для регулирования и совершенствования как непосредственно процессов информационного взаимодействия во всех сферах жизнедеятельности общества и государства, так и процессов (в широком смысле) технологического обеспечения такого взаимодействия»[112].

Со времени Мао Цзэдуна и до начала XXI века информационная политика КНР не претерпела существенных изменений, эволюционировали, в основном, механизмы контроля и осуществления цензуры.

Пропаганда и индоктринация проводились открыто и явно, были отличительными чертами маоистского государства, основными методами массового убеждения для проведения масштабных социальных преобразований. Среди техник, применявшихся в то время, можно обозначить: кампании массовой мобилизации, создание агитбригад для работы со всеми слоями населения, внедрение общенациональной системы громкоговорителей, достигшей каждую деревню, идеологические чистки, ритуальное унижение мнимых и подлинных врагов, преследование высокопоставленных лиц как символ борьбы с негативными явлениями, проведение политических и научных исследований, подтверждающих верность выбранного КПК курса и многие другие[113, 114].

---

111. Материалы данного параграфа были опубликованы в статье: Помелова Ю.П. Информационный контроль над делами национальных меньшинств в КНР после 1978г. // Общество: философия, история, культура. № 6 (50). 2018. С. 78-82.
112. Нисневич Ю. А. Информационная политика России: проблемы и перспективы. М.: Мысль, 2000. С. 24.
113. Shambaugh D. China's Propaganda System: Institutions, Processes and Efficacy // The China Journal. 2007. Vol.57. P.28. URL: http://myweb.rollins.edu/tlairson/china/chipropaganda.pdf.
114. Brady A.M. Marketing dictatorship: propaganda and thought work in contemporary China. Maryland: Rowman&Littlefield, 2009. P.1.

Здесь стоит упомянуть о том, что термин, обозначающий пропаганду[115], впервые появившийся в официальных исторических хрониках периода Троецарствия (Саньгочжи) в III веке н.э., не несет негативных коннотаций и может быть переведен как «распространение информации»[116].

В 1984 г. Китай впервые, после долгого и беспорядочного периода социальной нестабильности, политических и социальных перемен, начинает создавать единую систему «Национальной информационной инфраструктуры»[117], после долгого и беспорядочного периода социальной нестабильности, политических и социальных перемен.

После событий 1989 г. информационная политика стала для КПК живительной силой, средством обеспечения легитимности и удержания власти. Внимание современной информационной политики, как правило, сосредоточенно на самых острых социальных и политических проблемах и направлено на получение общественной поддержки для осуществления необходимых в данных условиях действий правительства. Вопрос национальной идентичности в КНР является именно такой линией разлома общественного мнения и, соответственно, одним из главных направлений осуществления информационной политики.

В рассматриваемый период КПК прилагала максимум усилий для поддержания образа этнической гармонии в КНР и снижения межэтнической напряженности, тщательно контролируя общедоступную информацию и общественное обсуждение этнических вопросов. Под влияние информационной политики КПК попадали не только внутригосударственный общественный дискурс, но и международное обсуждение данных вопросов. Но, несмотря на подобные усилия, многочисленные этнические столкновения и выступления против национальной политики Коммунистической партии Китая, а также

---

115. 宣传, сюаньчуань

116. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P. 160.

117. Parish M. NIP in the United States Compared to NIP in China. 2011. Nov. 13. URL: http://natinfopolicy.blogspot.ru/2011/11/nip-in-united-states-compared-to-nip-in.html.

поддержка их в зарубежной прессе, указывают на существенные огрехи информационной политики, направленной как на собственных граждан, так и за рубеж.

Вся информация о национальных меньшинствах в СМИ тщательно фильтровалась, чтобы поддерживать и укреплять полномочия и легитимность их управления со стороны КПК. Не удивительно, что существовала огромная пропасть между тем, как описывали жизнь национальных меньшинств китайские СМИ и тем, что было на самом деле. Доминирующий нарратив118 китайских СМИ представлял нам идеалистические картины жизни национальных меньшинств: танцующие и поющие люди в ярких национальных костюмах на фоне величественных пейзажей[119,120]. Например, «в мае 2013 г., Ши Даган, заместитель губернатора Синьцзян-Уйгурского автономного района, заявил, что уйгуры – «простодушные и честные, очень добрые и простые» люди, которые «любят гостей» и встречают их с «мясом и вином, с песнями и танцами»»[121]. Данный комментарий был опубликован после очередной вспышки межэтнического насилия, унесший жизни 21 человека.

Вне зависимости от экономических успехов развития западных регионов КНР, определённого улучшения качества жизни населения, отсутствовали попытки изменить распространенное среди национальных меньшинств представление о всесторонней китайской экспансии, дискриминации определенных этнических групп, ассимиляции их уникальной этнической идентичности. Освоение «диких и отсталых» западных территорий, не может не напоминать по степени своего культурного шовинизма европейских империалистов, осваивающих ресурсы Африки и несущих аборигенам свет цивилизации. Еще Чан

---

118. Нарратив – повествовательный или событийный текст, в котором основное внимание слушателя и рассказчика уделяется его трактовке, а не исходному смыслу. Нарратив предлагает исторически и культурно обоснованную интерпретацию какого-либо аспекта социальной жизни.
119. 试论中国少数民族舞蹈文化的传承和发展. Шилунь чжунго шаошуминьцзу удаовэньхуадэ хуаньчэнхэфачжань (О преемственности и развитии танцевальной культуры национальных меньшинств КНР). 2009. URL: http://www.yn.xinhuanet.com/newscenter/2009-03/10/content_15908194.htm.
120. China sees happy minorities and terrorists in Xinjiang. 2014. Mar. 13. URL: https://au.news.yahoo.com/world/a/21960874/china-sees-happy-minorities-and-terrorists-in-xinjiang
121. Sebag-Montefiore C. How China distorts its minorities through propaganda // BBC. 2013. Dec. 16. URL: http://www.bbc.com/culture/story/20131215-how-china-portrays-its-minorities

Кайши утверждал, что «если мы хотим предоставить народу Китая полное самоуправление, мы должны сначала решить проблему средств к существованию для всех и дать реальную свободу национальностям в Китае. Если основы демократии надежны, тогда может быть достигнуто истинное равенство»[122]. Политика КПК по форсированному социально-экономическому развитию районов преимущественного проживания национальных меньшинств соответствует курсу реформ и построения среднезажиточного общества, но отвечает ли она цели уменьшения противоречий и предоставлении равных прав возможностей?

Информационная политика КНР в отношении национальных меньшинств подразделяется на два направления: зарубежное (нацеленное на иностранцев и весь зарубежный мир) и внутреннее (направленное на граждан КНР). Зарубежное направление информационной политики КНР в отношении национальных меньшинств ставило своей целью содействие формированию позитивного международного восприятия межэтнических отношений в КНР и общей политической стабильности Китая, установление монополии на информационное отображение национальной политики и национальной идентичности в КНР, а также информационную изоляцию диссидентских движений на своей территории. При проведении зарубежного направления информационной политики КПК руководствовалась строгой убежденностью в необходимости противодействия информационной кампании, развернутой против КНР странами Запада, направленной на вестернизацию Китая и искажение внешнеполитического имиджа КНР по таким вопросам как соблюдение прав человека, национальная политика и свобода информации и печати[123].

---

122. Kai-Shek C. The Collected Wartime Messages of Generalissimo Chiang Kai-Shek, 1937-1945: Prologue. China resists Japan. China fights on. China fights and builds. NY: John Day Company, 1946. P.27. URL: https://archive.org/stream/collectedwartime000856mbp/collectedwartime000856mbp_djvu.txt

123. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda // Journal of Current Chinese Affairs. 2012. Vol. 41. P. 170. URL: http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?lng=en&id=159743

С другой стороны, следует признать, что все мероприятия в рамках зарубежного направления информационной политики направлены и на внутреннюю аудиторию, также как увеличивается число иностранцев, читающих китайские СМИ. Несмотря на то, что в КНР были созданы отдельные системы для проведения зарубежной и внутренней информационной политики, грань между ними становится всё более размытой[124].

Система осуществления информационной политики в КНР составляла единый обширный и разветвленный комплекс. Это не вертикальная иерархическая структура подчиненных друг другу ведомств и департаментов, но система управления информационной политикой, объединяющая многочисленные партийно-государственные организации с элементами горизонтального взаимодействия. Под диктат этой системы попадают все уровни государственной бюрократии, промышленные предприятия, Народно-освободительная армия, образование, культура, наука, спорт, здравоохранение, Интернет, издательское дело, радио, телевидение, кинематограф, массовые организации, начиная от соседских комитетов и до общественных объединений, находящихся под партийным контролем, таких как Китайское общество по изучению прав человека.

Самый мощным органом контроля над информацией является Центральный отдел пропаганды КПК[125], который в сотрудничестве с Генеральной администрацией прессы и публикаций (ГАПП)[126] и Государственной администрацией радио, кино и телевидения (ГАРКТ) обеспечивал соответствие сообщений СМИ доктрине партии. За мониторинг сети Интернет в системе информационной политики КНР отвечало Информационное бюро Госсовета[127]. Центральный отдел пропаганды КПК курировал внутреннее направление информационной политики КНР, в то время как специально созданный орган –

124. Chubb A. Propaganda as Policy? Explaining the PLA's "hawkish faction" // China Brief: a journal of analysis and information. 2013. Vol. 13. P.13. URL:http://www.jamestown.org/uploads/media/cb_08_11.pdf
125. Brady A.M. "We Are All Part of the Same Family": China's Ethnic Propaganda. P.161.
126. Shambaugh D. Idem. P. 40.
127. Xu B. Media Censorship in China. 2014. Feb.12. URL: http://www.cfr.org/china/media-censorship-china/p11515

Управление внешнеполитической пропаганды занимался вопросами зарубежного направления[128].

Таким образом, именно Управление внешнеполитической пропаганды отвечало за взаимодействие с иностранными СМИ во время любых событий, касающихся Тибета, Синьцзяна, этнических меньшинств Китая, религии, права человека и некоторых других. В то время, как главной функцией Центрального отдела пропаганды КПК являлось редактирование и ограничение освещения в китайских СМИ политически чувствительных тем[129]. Информационная политика КНР в отношении национальных меньшинств также определялась Центральным отделом пропаганды, совместно с такими органами, как Патриотический единый фронт китайского народа, или сокращённо Единый фронт и Государственный комитет по делам национальностей[130].

Естественно, все директивы этих организаций, а также различных департаментов, которыми они управляют, должны были соответствовать политике Партии в отношении национальных меньшинств. Организации по этническим вопросам были сгруппированы в так называемый «этнический сектор»[131] (термин, распространенный ещё в эпоху Мао). Второй отдел Единого фронта руководил партийными и государственными организациями, входящими в «этнический сектор», координировал их деятельность в рамках партийно-государственной системы. Этот отдел также отвечал за вопросы религиозной политики[132].

Государственный комитет по делам национальностей реализовывал информационную политику в отношении национальных меньшинств через множество своих отделов, из которых ведущим является Подразделение пропаганды и культуры. Это подразделение не только было ответственно за взаимо-

128. Shambaugh D. Idem. P. 47.
129. Xu B. Idem.
130. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P.161.
131. 民族口, миньцзукоу
132. Ibid.

действие с уже упомянутыми Единым фронтом и Центральным отделом пропаганды, но и отвечало за управление традиционными видами спорта и медицинскими практиками национальных меньшинств. Например, организовывало традиционные игры этнических меньшинств КНР, куда включены такие виды спорта, как бамбуковый дрифтинг, скачки, борьба, ходьба на ходулях и другие[133]. Также подразделение пропаганды и культуры осуществляло надзор за тибетской, монгольской, уйгурской медициной, гарантируя высокие стандарты качества медицинских услуг[134]. Вместе с Государственной администрацией радио, кино и телевидения и Генеральной администрацией прессы и публикаций, Подразделение пропаганды и культуры осуществляло надзор над публикуемыми на языках меньшинств печатными материалами, кино, телевидением и другими СМИ и контролировало изучение и использование языков этнических меньшинств в Китае[135].

Во всех провинциях, автономных округах, городах центрального подчинения также были созданы свои информационные отделы, участвующие в информационной политике в отношении национальных меньшинств, контролирующие медиапространство в рамках своих территориальных образований.

Согласно Конституции КНР, «граждане Китайской Народной Республики имеют свободу слова и печати»[136], но Конституция КНР не предоставляет своим гражданам право на получение от государственных служб информации, имеющей общественное значение. Тем не менее, в 2007 г. в Китае был принят исторический законодательный акт (Положение Китайской Народной Республики «О раскрытии правительственной информации»), который обеспечивает доступ к правительственной информации в целях увеличения прозрачности действий исполнительной власти[137].

---

133. 9-е национальные традиционные игры этнических меньшинств КНР. URL: http://daypic.ru/holiday/74322
134. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P. 163.
135. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P. 16.
136. Конституция КНР: офиц. текст (ст. 35). 1982. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution
137. 中华人民共和国政府信息公开条例. Чжунхуажэньминьгунхэго чжэнфу синьси гункай тяоли (Положение Китайской Народной Республики «О раскрытии правительственной информации»). Постановление Госсовета КНР. 2007. URL: https://perma.cc/H9AJ-C7GQ

С другой стороны, информационная прозрачность тоже имеет свои границы, и в 2010 г. были внесены поправки в Закон КНР «О защите государственной тайны». С целью контроля над потоками информации, были определены новые требования к операторам связи и интернет-провайдерам по взаимодействию с органами власти в связи со случаями раскрытия государственной тайны[138]. Естественно, данные поправки также упростили цензурирование информации, потенциально вредоносной, по мнению КПК, для существующего режима.

В отношении национальных меньшинств, информационная политика регулируется Законом КНР «О национальной районной автономии» 1984 г. Данный закон поощряет распространение печатных изданий, фильмов и телевещания на языках титульных меньшинств автономных областей, а также призывает к сохранению исторического и культурного наследия национальных меньшинств[139].

Формально опираясь на законодательство, Коммунистическая партия Китая создает так называемую информационную «псевдо-среду» (информационный контент, созданный без опоры на реальные факты) для управления общественным мнением. Для поддержания этой «псевдо-среды» применяются методы информационной политики, такие, как цензура, назначение верного партии управляющего персонала, периодически ожесточающееся постоянное преследование нелегальных изданий и многие другие.

Для поддержания единого информационного пространства с помощью цензуры Центральный отдел пропаганды КПК в сотрудничестве с Государственным комитетом по делам национальностей и Единым фронтом, осуществлял регулярную рассылку подробных инструкций о проведении информационной политики КПК в отношении национальных меньшинств[140]. Эти

---

138. 保守国家秘密法. Баошоу гоцзя мимифа (Закон КНР о защите государственной тайны).1989. URL: http://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/1989-law-on-guarding-state-secrets-chinese-and-english-text
139. China's Law on Regional National Autonomy: off.release (art. 38). 1984. URL: http://www.asianlii.org/cn/legis/cen/laws/rnal300/
140. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P. 164.

руководящие принципы призваны ограничить диапазон информации, доступной широким массам, задать тон дискуссии, избежать нежелательных интерпретаций событий, используя необходимую и выверенную терминологию, и решить, на какие темы будет сделан акцент, а какие следует игнорировать.

В период между XVI и XVIII съездами КПК сохранился запрет китайским СМИ независимо освещать любые вопросы, связанные с национальными меньшинствами. Например, было запрещено под видом обсуждения «традиционной культуры», способствовать развитию «феодальной и декадентской культуры» национальных меньшинств[141]. Все публикации, на любые темы, связанные с последними, строго контролировались, чтобы не провоцировать развитие социальной напряженности. Не должно публиковаться или издаваться ничего, что могло бы спровоцировать национальные меньшинства на протестные действия. Например, запрещено публиковать неуважительные комментарии о их обычаях и образе жизни, запрещается использовать такие термины, как «монгольский врач»[142] или «ламаистской врач»[143] в контексте обозначения некачественной медицинской практики[144].

Китайским издателям и средствам массовой информации запрещается перепечатывать и публиковать зарубежные печатные и электронные материалы, связанные с этническими или религиозными делами национальных меньшинств Китая[145].

Ситуацию по контролю над информационными потоками осложняет появление и развитие информационно-коммуникационных технологий, и коммерциализация общественной сферы КНР. Включение всё большего количества граждан КНР в информационный обмен без посредничества СМИ через

---

141. 共青团中央关于加强少数民族地区团的工作的意见. 中国共产主义青年团 Гунцинтуань чжунъянгуаньюй цзяцян шаошуминь цзуди цюйтуаньдэ гунцзодэ ицзянь (Мнение ЦК Коммунистический союз молодежи Китая об усилении работы молодежных групп в районах проживания национальных меньшинств). 1984. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=122460

142. 蒙古大夫, мэнгудафу

143. 喇嘛大夫, ламадафу

144. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P. 166.

145. Ibid.

пользование микро-блогами, персональными веб-страницами, мгновенным обменом сообщениями, не может не вызывать озабоченность КПК.

Среди других методов, взятых на вооружение Центральным отделом пропаганды КПК для разъяснения партийной линии в отношении национальных меньшинств, применялись регулярные пропагандистские кампании через средства массовой информации и местные отделы пропаганды. В кризисные периоды, этнические пропагандистские мероприятия проводятся на самом базовом уровне, в том числе индивидуального устного убеждения. Например, после этнических волнений в Синьцзяне, сотрудники пропагандистских отделов регулярно направляются в местные общины для обсуждения партийной политики и проблем общины. Точно так же, в Тибетском автономном регионе, буддистским монахам необходимо посещать классы политического образования для развития патриотизма и обучения «правильному» восприятию речей Далай-ламы[146]. Таким образом, информационная политика КНР проникает в самые отдаленные концы страны, не оставляя никому ни малейшей возможности информационной самоизоляции и, уж, тем более, информационного плюрализма.

При этом, за исключением вышеупомянутых методов проведения информационной политики в отношении национальных меньшинств, КПК практиковала так называемую «самоцензуру»[147]. Китайское традиционное общество руководствовалось моральным кодексом, всеобъемлющим и гибким конфуцианским первопринципом «ли». Сознательной самодисциплины индивидуума было достаточно для общественного порядка и стабильности[148]. В эпоху Мао, за нарушение широких и расплывчатых директив, таких как «Критика Линь Бяо и Конфуция» или «Уничтожение буржуазного либерализма», граждане КНР могли понести суровое наказание. Чтобы не выходить за пределы

146. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P. 165.
147. Shambaugh D. Idem. P. 29.
148. Кюзаджян Л.С., Сорокина Т.Н. Влияние традиций на маоизм в оценке зарубежного китаеведения // Китай: традиции и современность. Сборник статей. М.: Наука. 1976. С.287.

безопасной зоны, в своей повседневной жизни люди должны были контролировать себя и своё окружение, предугадывая, что партии может не понравиться. Те же опасения, и, соответственно, самоцензура имеют место и сегодня, при обсуждении таких тем, как: события на площади Тяньаньмэнь 1989 г., Тибет, Фалуньгун, независимость Тайваня, СУАР, голод во времена «Большого скачка» и т.п.

Самодисциплину обязаны поддерживать ведущие сотрудники СМИ, вещающих на языке национальных меньшинств, назначаемые исключительно с одобрения местных пропагандистских отделов для обеспечения следования линии партии по всем вопросам. Главные редакторы всех некитаеязычных СМИ несут личную ответственность за проведение цензуры всего информационного контента[149]. Кроме того, членство в партии априори требуется для назначения на любую политически значимую работу в автономных территориальных образованиях КНР.

Если раньше Центральный отдел пропаганды КПК рассылал свои директивы во все СМИ с помощью факса, то в начале XXI века, в основном указания передавались менеджерам и редактором еженедельно посредством телефонных переговоров[150]. Такие сеансы связи гарантируют соблюдение самоцензуры среди журналистского сообщества. Постоянное исполнение роли «партийных глашатаев» вырабатывает стойкую привычку к самодисциплине. Тем более, для большей убедительности своих директив, КПК использует широкий спектр методов: увольнение и понижение в должности, штраф, лишение права публиковаться, уголовное преследование по обвинению в клевете, запрет на выезд из страны и тюремные заключения[151].

По состоянию на апрель 2014 г., тридцать журналистов и семьдесят пять блогеров находились в заключении[152]. Так, лауреат Нобелевской премии мира

149. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P.167.
150. Xu B. Idem.
151. Ibid.
152. Официальный сайт международной неправительственной организации «Репортеры без границ». URL: http://en.rsf.org

за защиту свободы слова и пропаганду демократических реформ в «Хартии-08» Лю Сяобо в 2009 году был осужден на одиннадцать лет заключения. В 2010 г. журналист Тан Цзожэнь был осужден на пять лет заключения за публичное обсуждение случаев коррупции при строительстве школ, в том числе повлекших трагические последствия: «Школы были построены из некачественных материалов с существенными нарушениями технических регламентов, что привело к их полному разрушению и гибели тысяч детей во время землетрясения 2008 г. в провинции Сычуань»[153].

Масштаб информационной политики КНР представляется еще более грандиозным учитывая количество каналов её распространения. По официальным данным правительства, в 2003 г., в КНР действовало 2262 телевизионных станций (из них 2248 составляли «региональные») и 1123 издательств, публиковалось 2119 газет, 9074 периодических изданий[154], в Сеть выходило более 513 миллионов Интернет-пользователей (по состоянию на конец 2011г.)[155]. Часть из этих каналов имеет целевую аудиторию именно в среде национальных меньшинств.

Без государственной поддержки, многие из этнических групп не имели бы радио, кино, телевидения и печатных материалов на их родных языках. Естественно, что вслед за государственным финансированием приходят и правительственные директивы с указаниями по проведению политики партии.

С 1980-х годов, издательства стали получать государственную поддержку для распространения литературы национальных меньшинств. Если ранее на языках национальных меньшинств, в основном, издавались практические (например, сельскохозяйственные), академические (учебники и словари) или политические пособия (например, официальная история Синьцзяна), то с начала 1980-ых гг на языках национальных меньшинств стали публиковать

153. Доклад Amnesty International 2009. Права человека в современном мире. URL: http://amnesty.org.ru/system/files/Vestnik_45.pdf
154. PRC Media Guide // Open Source Center. 2007. Mar. 21. URL: http://www.fas.org/irp/dni/osc/prc-media.pdf
155. Kan M. China's Internet Users Cross 500 Million. 2012. Jan. 17. URL: http://www.pcworld.in/news/chinas-internet-users-cross-500-million-61392012

национальную, в том числе, детскую литературу[156]. Например, был опубликован такой важный литературный памятник, как Диван Лугат ат-Турк – словарь тюркского языка XI века, а также многотомным национальные энциклопедии и двуязычные словари.

В Законе КНР «О национальной районной автономии» 1984 г. подчеркнута важность публикации печатных материалов на языках национальных меньшинств «Органы самоуправления в районах национальной автономии организуют работу соответствующих учреждений и ведомств национальных районов по сбору, систематизации, переводу и изданию книг, посвященных истории и культуре национальных меньшинств, охране достопримечательностей, ценных памятников древней культуры и других важнейших объектов исторического наследия, наследованию и развитию лучших национальных традиций и оказывают этой работе свою поддержку»[157]. Но при этом, сделан особый акцент на переводе книг на китайский язык. Подразумевается, что литературные произведения национальных меньшинств, посвященные их истории и культуре, могут быть приняты только путем удаления их из своих языковых контекстов и перевода на китайский язык.

К 1998 г. в КНР были опубликованы более 4100 наименований книг на 23 языках меньшинств были опубликованы[158]. Но, период оттепели не был долог и к концу 1990-ых гг. количество печатных изданий на языках национальных меньшинств начало снижаться[159]. В это же время была введена трехуровневая система цензуры перед публикацией любой книги. Издательства обязаны представлять ежегодный отчет в Генеральную администрацию прессы и публикаций и оплатить проверку отчета, а также аудит, проводимый один раз

156. Dwyer A. M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse. Washington D.C.: East-West Center, 2005. C. 45.
157. China's Law on Regional National Autonomy: off.release (art. 38). 1984. URL: http://china.usc.edu/ShowArticle.aspx?articleID=1048&AspxAutoDetectCookieSupport=1
158. Dwyer A. M. Idem. P. 46.
159. Dwyer A. M. Idem. P. 48.

в три года[160]. Издательства нарушающие директивы информационной политики КПК, закрываются после проведения аудита. Издательства, публикующие материалы, «способствующие суевериям», оказываются под особенно пристальным вниманием. Например, публикующие религиозные тексты от неаккредитованных государством религиозных организаций, материалы о геомантии, гаданиях и общении с духами и призраками и о других подобных вопросах, призванных «запутать и отравить умы людей и создать путаницу в общественном порядке»[161]. Особые ограничения касаются книг по исламу, разрешение на их публикацию должно быть получено в Государственном управлении по делам религий.

Естественно, правила, направленные на распространение исключительно необходимой Коммунистической партии Китая информации посредством печатных изданий, соблюдаются не всеми гражданами КНР. Церинг Восер, поэтесса и писатель тибетского происхождения находится под постоянным давлением властей из-за издания книг «Записки по Тибету» и «Самосожжения в Тибете: позор мира» и активной правозащитной позиции. В своей последней книге «Самосожжения в Тибете: позор мира» Восер стремится привлечь внимание к более чем 120 случаям протестного самосожжения, случившимся с февраля 2009 г. Восер справедливо утверждает, что в КНР действительно нет подлинной общественной дискуссии о национальных меньшинствах и их месте в обществе, тем более нет обсуждения, включающего мнение самих меньшинств. Тем более игнорируются мнения самих меньшинств. Также Церинг Восер считает, что современная литература национальных меньшинства создается писателями, уже зависимыми от общенациональной идентичности или сознательно романтизирующими свои этносы, как делают

160. 出版改革力争有新进展新突破. Чубань гайгэ личжэнъю синьцзиньчжань синьтупо (Реформа издательского дела стремится к новому прогрессу и прорывам). 2008. URL: http://www.chinaxwcb.com/index/2008-01/08/content_101119.htm
161. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P. 168.

Чжан Чэнджи (народ хуэй), Цзян Жонг, пишущий о монголах или А Лай, писатель тибетского происхождения[162].

Что касается периодической печати, то формально, в рассматриваемый период, издавались 17 газет и 11 периодических изданий на языках национальных меньшинств[163]. Конечно, не все национальные меньшинства получают газеты на своих языках, что зависит от численности того или иного национального меньшинства. В Синьцзян-Уйгурском автономном районе больше всего выпускается китаеязычная периодическая печать, чуть меньше издается уйгурских газет, вдвое меньше публикаций на казахском, немного на кыргызском и отсутствуют вовсе печатные СМИ на языках сибо или туцзя.

Но большинство региональных изданий просто переводят материалы китайских газет. Буквальные, наскоро сделанные переводы искажают литературные языки национальных меньшинств. Например, в СУАР всё чаще в ежедневных газетах уйгурские слова заменялись транскрибированными китайскими: palü (от китайского «фалюй») вместо qanun (закон)[164].

Отдельно следует упомянуть такой метод информационной политики правительства КНР как выпуск так называемых «Белых книг». С 1991 г. было выпущено 62 книги на английском языке на различные чувствительные темы, 24 из которых имели дело с аспектами национальной политики Китая[165]. «Белые книги» представляют зарубежной и внутренней аудитории комплексный, хотя и сильно выверенный обзор национальной политики КНР. При этом с помощью «Белых книг» правительство представляет официальный отклик на происходящие в стране события. Например, через два месяца после беспорядков в Урумчи в 2009 г., была издана новая «Белая книга», делающая акцент на том, что межэтнические отношения в Китае отличаются гармоничностью и равноправием.

---

162. Woeser T. Immolations in Tibet: The shame of the world. 2013. Oct. 17. URL: http://woeser.middle-way.net/2013/10/immolations-in-tibet-shame-of-world.html
163. Dwyer A. M. Idem. P.49.
164. Ibid.
165. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P.171.

Впервые «Белая книга» Госсовета КНР, посвященная общественным отношениям, возникающим при использовании сети Интернет, была опубликована в 2010 г. Особый акцент был сделан на том, что «все интернет-пользователи в КНР, включая иностранных граждан и организации, обязаны подчиняться китайским законам и правилам»[166]. Все настоящие и будущие формы информационно-коммуникативных технологий признаны средствами массовой информации, что означает, что они обязаны следовать общей линии информационной политики КНР. Все, кто распространяет информационный контент, противоречащий информационной политике КНР посредством электронной почты, сервиса мгновенной отправки сообщений, публикации на интернет-порталах и прочее, рискуют понести наказание, в том числе, и лишиться свободы[167]. Во время политических кризисов, власти КНР прибегают и к более радикальным методам контроля информационных потоков, временно закрывая доступ в Интернет, отключая стационарную и мобильную телефонную связь, в т.ч. и международную. Как, например, во время волнений в Урумчи в июле 2009 года. Или в июне 2013, во время годовщины событий на площади Тяньаньмэнь, когда цензура достигла апогея. Была не только приостановлена работа таких сайтов, как Википедия. Были заблокированы все китайские социальные медиапорталы и микроблоги, такие как Weibo, ставшие привычными площадками для обсуждения запретных тем, содержащих всякие упоминания о событиях 1989 г[168]. Быстро блокировались также сообщения об атаках уйгурских террористов в октябре 2013 г. на площади Тяньаньмэнь и на вокзале города Кунмин[169].

На протяжении многих лет продолжается игра в кошки–мышки между китайскими интернет-пользователями и Коммунистической партией Китая.

---

166. Положение Интернета в Китае. Белая книга. Пекин: Пресс-Канцелярия Госсовета КНР, 2010. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2011-02/01/content_21857458.htm
167. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P. 168.
168. Fisher M. «Fool’s errand»: Why China censors rubber duckies on Tiananmen anniversary. 2013. 4 Jun.URL: http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2013/06/04/fools-errand-why-china-censors-rubber-duckies-on-tiananmen-anniversary
169. Xu B. Idem.

На стороне пользователей - разнообразные способы обхода цензуры и контроля: сленг, аббревиатуры, шифры, мемы, выходы на иностранные домены и прочие технологии. Иногда пользователи Всемирной Сети даже одерживают победы над контролем их интернет-жизни: в августе 2009 г., после волны протестов, было отложено введение в эксплуатацию программы Green Dam Youth Escort по обеспечению цензуры в Сети, которая бы систематически блокировала определенные сайты на всех новых компьютерах[170]. Тем не менее, чаще всего перевес сил на стороне КПК. С государственным бюджетом и прочими ресурсами КНР тягаться невозможно никому.

Информационная политика в сети Интернет имеет и превентивную функцию: в период передачи власти, перед XVIII Всекитайским съездом КПК в конце 2012 г., Постоянный Комитет ВСНП издал Решение «Об усилении защиты сетевой информации», в соответствии с которыми все интернет-пользователи должны предоставить свои настоящие имена сервисным провайдерам, в то время как на интернет-провайдеров была возложена обязанность по незамедлительной передачи властям информации о запрещенных действиях пользователей[171].

Зарегистрированные пользователи всех популярных, наиболее посещаемых интернет-порталов должны были подтвердить свою личность через предоставление их национального идентификационного номера, домашнего адреса, телефона и другой персональной информации в срок до июля 2014[172]. С тех пор как данное решение вступило в силу, большинство онлайн-сервисов проводит соответствующую политику и просит своих посетителей подтвердить свою личность для регистрации на портале. В ходе реализации решения, возникли определенные трудности в отношении национальных меньшинств.

---

170. Ramzy A. The Great Firewall: China's Web Users Battle Censorship. 2010. Apr. 13. URL: http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1981566,00.html?loomia_si=t0:a16:g2:r1:c0.306925:b23100416&xid=Loomia#ixzz0nurtSOQz
171. Decision concerning Strengthening Network Information Protection // National People’s Congress Standing Committee. 2012. URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2012/12/28/national-peoples-congress-standing-committee-decision-concerning-strengthening-network-information-protection/
172. Lam O. The Business Behind China's Internet Real Name Registration System. 2013. 10 Jun. URL: http://advocacy.globalvoicesonline.org/2013/06/10/the-business-behind-chinas-internet-real-name-registration-system

Некоторые сервисы, например, WeChat (интерактивная коммуникационная платформа с сервисом мгновенного обмена сообщениями и голосовыми видео-сообщениями) отказывают в регистрации пользователям, чей ID указывает на их проживание в национальных автономиях[173].

КПК применяет бесчисленные способы цензуры Интернета. Например, все входящие данные из иностранных источников фильтруют через распознавание ключевых слов с помощью одного из трех компьютерных центров в Пекине, Шанхае или Гуанчжоу[174].

Другой метод утверждения партийного доминирования в Интернете – использование «интернет-политтехнологов» - специально обученных интернет-пользователей, которые публикуют свои комментарии в блогах, форумах или социальных сетях с целью смещения акцента общественных дебатов в пользу КПК. Иногда их называют «Партия 50 фэней», т.к. за каждый комментарий, поддерживающей политику КПК им платят именно эту сумму[175].

Исходя из данных зарубежных СМИ, в Китае созданы специальные центры для обучения «Интернет-политтехнологов», а их число уже в 2008 г. достигло 300 000 человек[176]. Рост популярности данной «профессии» объясняется той легкостью, с которой 2.0 технологии, такие как Twitter, Wikipedia и YouTube могут быть использованы для формирования и коррекции общественного мнения.

В течение первого десятилетия XXI века также значительно увеличилось значение телевидения как инструмента проведения информационной политики, особенно направленной за рубеж. Управление внешнеполитической пропаганды вместе с Государственным комитетом по делам национальностей

---

173. Lam O. China: Real Name Registration May Threaten Ethnic Minorities. 2013. 24 Jun. URL: http://www.globalmediapolicy.net/node/9215
174. Wines M. China’s Censors Tackle and Trip Over the Internet. 2010. Apr. 7. URL: http://www.nytimes.com/2010/04/08/world/asia/08censor.html?pagewanted=1&_r=3&
175. Bristow M. China's internet “spin doctors” 2008. Dec. 16. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/7783640.stm
176. Fareed M. China joins a turf war. 2008. Sept. 22. URL: http://www.theguardian.com/media/2008/sep/22/chinathemedia.marketingandpr

регулярно выпускало указания для пропагандистских СМИ, вещающих за рубеж, таких как China Daily, Global Times, China Radio International, CCTV-9 и CCTV-4 по правильному представлению национальной политики КНР[177]. В 2011 г. показатель охвата Китая радиовещанием и телевидением достиг 98%[178].

Телевидение и радиопередачи на иностранных языках становились все более доступными, особенно в восточной части страны. В то время как вещание на языках национальных меньшинств достигло своего пика в начале 1990-х годов и постепенно уменьшалось. В 2005 г. из 43 национальных телевизионных станций, семь вещали ещё на одном или нескольких языках в дополнение к китайскому языку, например, Tibet TV и Qinghai TV осуществляли вещание также на тибетском языке, Xinjiang TV – на уйгурском и казахском. Начиная с 1999 г., Xinjiang TV прекратила вещание на казахском языке, на уйгурском вещают максимум восемь часов в день[179].

Радиовещание происходило на большем количестве языков. По всей стране двадцать национальных меньшинств могли услышать программы на своих языках на радиостанциях как государственного, так и регионального уровня. Центральное радио народного вещания выпускало некоторые программы на шестнадцати языках[180].

Фильмы и телепрограммы должны быть сняты на китайском языке. Если фильм предназначен преимущественно для определенной национальной группы, то он будет дублирован на соответствующем языке. Это означает, что уйгурские актеры, играющие в фильме об уйгурской культуре, снимающимся на Синьцзянской киностудии должны читать свои роли на китайском и потом, поверх китайского саундтрека будет наложен уйгурский дубляж. Новостные

177. Brady A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda. P. 171.
178. Improving the media landscape in the ethnic minority areas of Yunnan province: IPDC, UNESCO. 2013. URL: http://www.unesco-ci.org/ipdcprojects/content/improving-media-landscape-ethnic-minority-areas-yunnan-province
179. Dwyer A. M. Idem. P. 48.
180. Dwyer A. M. Idem. P. 49.

телепередачи также снимаются на китайском языке и затем переводятся на языки национальных меньшинств[181].

Информационная политика в отношении национальных меньшинств, проводимая с помощью телевидения, состояла не только в трансляции некоторых передач на национальных языках и организации национальных телевизионных станций, но и в формировании образа национальных меньшинств в общенациональном телевещании. Этот образ не совпадает с тем, как видят себя сами меньшинства, но в конечном итоге, влияет на их восприятие ханьским большинством и постепенно изменяет их представление об их самих. Чаще всего, национальные меньшинства изображаются в государственных СМИ как танцоры в ярких национальных костюмах. Выступления ансамблей национальных меньшинств регулярно включают в программу концертов на государственном телевидении, таких, как гала-концепт в честь китайского Нового года на CCTV. «Меньшинства обретают экзотичный образ, образ «благородных дикарей», с одной стороны, их представляют как отсталых, с другой стороны их образ романтизируют»[182].

Как пример формирования данного нарратива можно обозначить выступления «Китайского центрального ансамбля песни и танца национальных меньшинств», выступающего на всех официальных концертах по случаю различных праздников, транслирующихся по всей стране. Солистка данного ансамбля - Пэн Лиюань, жена Генерального секретаря КПК и Председателя КНР Си Цзиньпина, а их классический пропагандистский номер - песня «Стирка», рассказывающая о том, как НОАК «освободила» тибетцев от самоуправления[183].

Культурный образ национальных меньшинств с помощью таких выступлений чрезвычайно упрощается, а их регионы изображается в информационной политике как туристический рай. В клипе на популярную песню «Я хочу

181. Ibid.
182. Sebag-Montefiore C. Idem.
183. Liyuan P. Laundry Song. 2007. Aug. 1. URL: http://vimeo.com/25211722

поехать в Тибет» монгольский певицы Вулан Туойя показаны образы величественной природы, танцующих тибетцев и экспресс из Пекина в Лхасу, считающийся главным строительным подвигом правительства[184]. Клип был выпущен в 2009 г. - год начала массовых тибетских самосожжений - апогея борьбы против надзора КПК за монастырями, за религиозную свободу.

КПК поддерживает информационную экспансию также и на внешние рынки. Шанхайское телевидение вещает на английском языке, CCTV круглосуточно вещает на английском, немецком, французском, японском и русском языках, что полностью соответствует плану Ху Цзиньтао «выхода за рубеж» и усилению звучания голоса Китая в международных делах[185].

Другой метод проведения информационной политики, направленный преимущественно на внутреннюю аудиторию и постепенно теряющий свою актуальность – это распространение плакатной живописи. Но для развития информационной политики КНР он интересен тем, что впервые установил нарратив «благородных дикарей» в красочных национальных костюмах, сохраняющих свой установившийся быт, особенно песенные и танцевальные традиции. Этот образ – одна из важных составляющих индустрии как внутреннего, так и въездного туризма.

В первые годы Культурной революции образы национальных меньшинств не появлялись на плакатах, лишь после 1969 г. появляются двуязычные плакаты, такие как «Скотоводы любят книги Маркса и Ленина» (монголы в книжном магазине) или «Цветы Даджай расцвели на плато» (тибетцы сопровождают китайских солдат) и некоторые другие[186].

Большинство плакатов на национальную тематику, написанных со времени образования КНР, изображают, как счастливые меньшинства пользуются плодами социализма, но под непосредственным руководством ханьцев. Люди,

---

184. 乌兰托娅. 乌兰托娅我要去西藏. 2009. URL: https://www.youtube.com/watch?v=aPb7-iyF-NQ
185. Доклад генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде КПК. 2012. 8 ноября. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm
186. Yu L. Representations of Ethnic Minorities in Chinese Propaganda Posters, 1957-1983 // The MCLC Resource Center. 2000. URL: http://mclc.osu.edu/rc/pubs/minzu/

одетые в национальные костюмы, получают больничное лечение, слушают радио и пользуются электричеством, посещают экскурсии на заводах. Другим распространённым сюжетом были массовые сцены превозношения достоинств Мао Цзэдуна и КНР группами национальных меньшинств, одетых в национальные костюмы[187]. Любое появление национальных меньшинств на плакатах определяло их иерархичные отношения с ханьским большинством.

Поддержание восприятия национальных меньшинств как «благородных дикарей» в современных нам условиях осуществляется через развитие этнических тематических парков, которые становятся всё более популярной формой развлечения для ханьцев, приезжающих туда, чтобы посмотреть на наиболее экзотические элементы их огромной нации. Кроме извлечения прибыли, парки служат и политической цели – укрепление представления о том, что 55 этнических меньшинств, и их территория объединены в единую китайскую нацию.

Самый известный парк, «Парк национальностей» в Пекине, основанный в 1992 г. представляет собой сочетание музея и выставочных площадок. Другой парк, «Великолепный Китай», расположен в Шэньчжэне, основан в 1993 г. и отражает китайское видение Диснейленда. Официальная миссия таких парков – собрать воедино культуру, достопримечательности, народное творчество и обычаи[188]. В основном, в подобных парках работают сами тибетцы, уйгуры, монголы, казахи и другие народы. Но есть и работники-ханьцы, одетые в костюмы национальных меньшинств, что не вызывает удивления, особенно после церемонии открытия Олимпийских игр 2008 г., где именно ханьцы шли в костюмах 55 меньшинств. Конечно, в организации и представлениях в самом парке нет и тени межэтнической напряженности. Улыбающиеся артисты демонстрируют свои причудливые костюмы. Конфессиональная принадлежность и религиозные обычаи также забыты в пользу красочных нарядов, яков, монгольского чая и взбивания масла.

---

187. Yu L. Idem.
188. Официальный сайт развлекательного этнического парка «Великолепный Китай». URL: http://www.cn5000.com.cn/Index.shtml

На первый взгляд, строительство подобных «потемкинских деревень» не имеет в своей подоснове ничего предосудительного, тем более, преступного. Но, учитывая общий курс информационной политики КНР в отношении национальных меньшинств, демонстрация сильно упрощенного и прошедшего строгую цензуру образа жизни национальных меньшинств обретает другой смысл. Парки развлечений, подобные «Великолепному Китаю» являются примером попыток китайских властей монополизировать право представлять культуру национальных меньшинств, окончательно утвердив включение и переработку их этнической идентичности общенациональной идентичностью. А также, создать образ национальных меньшинств, пригодный к продаже и употреблению как туристической аттракции.

По мнению, Алима Сеитова, директора уйгурского Проекта по защите прав человека, этнические парки служат только для пропагандистских целей, убедить иностранных посетителей и китайцев, что уйгуры - экзотический народ с красочной культурой может жить долго и счастливо под управлением КПК. Алим Сеитов также считает, что единственное место, где Коммунистическая партия Китая желает видеть культуры национальных меньшинств – в подобных этнических развлекательных парках в качестве пережитка прошлого[189].

Информационная политика КНР в отношении национальных меньшинств охватывает большинство сфер общественной жизни, однако, музыка является тем способом выражения, который меньше всего подвергается цензуре. В национальных автономных образованиях, с распространением сети Интернет, т.е. в конце 2000-ых гг. появляются и приобретают популярность группы, основывающие своё творчество на культуре их народов. Например, группа Hanggai из Внутренней Монголии, объединяющая народную музыку и панк-рок, известна даже за рубежом. Группа выступает в традиционной монгольской одежде и ставит своей целью разрушение стереотипов о монголах-

189. Griffiths J. China Only Wants Its Ethnic Minorities to Exist in Theme Parks. 2013. Mar. 3. URL: http://jamestgriffiths.com/2013/08/10/china-only-wants-its-ethnic-minorities-to-exist-in-theme-parks

дикарях, сложившихся в китайском обществе[190]. Другая группа из Урумчи - Askar Grey Wolf, смешивает в своём творчестве традиционные мотивы Шелкового пути с современными мелодиями. Среди прочего они откровенно заявляют свою позицию о необходимости сохранения исторического старого города в Урумчи[191].

Конечно же, участие в музыкальной группе не определяет успешность проведения информационной политики КНР в отношении национальных меньшинств. Успешность информационной политики может быть оценена степенью вовлеченности индивида в политическую систему. Тот факт, что присутствует политический интерес или безразличие к общественным делам может показать нам отчуждение или принятие политического режима и власти. Интерес граждан может быть измерен тем, как часто люди получают политическую информацию через средства массовой информации или как часто в их среде обсуждаются политические вопросы. Восточноазиатский институт – Национальный университет Сингапура, в 2008 г. провел масштабное анкетирование граждан КНР, в анкете содержалось 4 вопроса: «Как часто Вы слушаете радио, смотрите телевизор или читаете газеты, касающиеся политических вопросов», «Вы заинтересованы в вопросах политики?», «Как часто Вы обсуждаете политику с Вашей семьей?» и «Как часто Вы обсуждаете политику с Вашими друзьями?». Все четыре вопроса направлены на изучение вовлеченности индивида в политическую систему. В итоге, исследователи пришли к следующим выводам: ханьцы более вовлечены в политическую систему, в то время как меньшинства, проживающие на западе страны, чувствуют себя наиболее отчужденным от китайской политической системы[192]. Национальные меньшинства не склонны верить в то, что правительство реагирует на их потребности и ощущают себя экономически незащищенными. Они доверяют

190. Sebag-Montefiore C. Idem.
191. Sebag-Montefiore C. China’s Ethnic Song and Dance. 2013. May 31. URL: http://latitude.blogs.nytimes.com/2013/05/31/chinas-ethnic-song-and-dance/?_php=true&_type=blogs&_php=true&_type=blogs&_r=2
192. Shan W. Comparing Ethnic Minorities and Han Chinese in China: Life Satisfaction, Economic Well Being and Political Attitudes. East Asian Institute, National University of Singapore, 2009. URL: http://www.eai.nus.edu.sg/Vol2No2_ShanWei.pdf.

правительству меньше, чем ханьцы, и реже, чем ханьцы идентифицируют себя как «китайцы»[193].

Как позитивная, так и негативная пропаганда по национальным вопросам играет жизненно важную роль в поддержании долгосрочной политической стабильности Китая. Позитивные информационные сообщения и мероприятия направлены на построение чувство единства среди китайского населения, в то время как негативные - укрепляют ощущение угрозы, исходящей от другой этнической группы.

Основными инструментами проведения политики КПК Мао Цзэдуном были признаны «перо» и «меч» - другими словами, сочетание силы убеждения и насилия. Но использование подобных мер в XXI веке лишь усугубляет ситуацию. Давление монокультурной политики Китая изменило само восприятие национальных меньшинств. От психологически здорового понимания себя как отличного от другого, в политизированное антагонистическое ощущение себя как «не принадлежащего к ханьцам». Установление множества бинарных оппозиций[194] (ханьцы-меньшинства, доноры-рецепиенты, Внутренняя / Внешняя Монголия) способствовало радикализации межэтнических противоречий.

В 2010 г. Далай-лама заявил, что применительно к китайско-тибетским социальным и политическим противоречиям, «цензура…является источником проблемы». Он отметил, что в связи с жесткой цензурой китайского правительства по тибетским вопросам, рядовые китайцы никогда не имели возможности изучить тибетский вопрос самостоятельно, ознакомиться с противоположной точкой зрения[195].

Очевидно огромное влияние средств массовой информации и информационной политики КПК на жизнь национальных меньшинств. В первую оче-

193. Shan W. Idem.
194. Бинарная оппозиция – тип отношений в знаковых системах, в рамках которого понятие приобретает своё значение только через совместное рассмотрение с понятием, противоположным по смыслу («счастье – «несчастье», «сладкое» - «горькое»).
195. Censorship at heart of Tibet. China issue, 2009. URL: http://www.thefreelibrary.com/Censorship+at+heart+of+Tibet%2FChina+issue%3A+Dalai+Lama.-a0219493071.

редь, преднамеренно или нет, но различные СМИ распространяют модели восприятия национальных меньшинств. Во вторую очередь, средства массовой информации являются единственным источником информации о национальных меньшинствах для людей, которые не имеют прямых контактов с членами данных этнических групп. Более того, информационная политика и СМИ влияют не только на то, как другие люди воспринимают меньшинства, но даже на то, как меньшинства видят себя.

Проблема состоит в том, что даже протест меньшинств против сложившейся ситуации воспринимается народом КНР через призму цензуры. Из-за отсутствия необходимого финансирования, независимое кинопроизводство меньшинств не сможет донести свою точку зрения до сколь-нибудь широкой аудитории. Некоторые книги авторов, принадлежащих к национальным меньшинствам, стали популярны, но только в замкнутых общинах и на определенной территории. Даже если радио и телевещание проводится на языках национальных меньшинств, сами компании и контроль над составлением сетки вещания и содержания передач принадлежит ханьцам. Если в других полиэтнических государствах возможность самоопределения и самоорганизации меньшинств через СМИ реализуется достаточно активно, то в КНР, из-за наличия жесткой цензуры, остается лишь возможностью.

Таким образом, информационная политика КНР в отношении национальных меньшинств в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей далеко не всегда и не во всем служит делу интернационализации китайского общества, но преследует, прежде всего, интересы правящей, коммунистической партии. И, конечно же, она далеко не совершенна. Система управления общественным мнением по национальным вопросам в КНР и за рубежом должна постоянно развиваться и адаптироваться к новым вызовам. Например, к увеличению количества пользователей сети Интернет и сокращению влияния традиционных СМИ.

Если информационная политика в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров в отношении ханьцев весьма успешна, то в отношении национальных меньшинств возникли определенные проблемы, особенно в таких беспокойных районах, как Тибет, Внутренняя Монголия или Синьцзян. При этом влияние информационной политики на международное общественное мнение было близко к нулю. Хотя осуществление политики в области СМИ в автономных территориальных образованиях является региональным вопросом КНР, исключительно внутренней проблемой, дискурс о Тибете и Синьцзяне стал международным.

II.2. Система образования КНР как инструмент формирования национальной идентичности[196]

В начале XXI века в Юго-Восточной Азии произошла кардинальная смена роли высших учебных заведений: от учреждений, готовящих представителей элиты, к учреждениям, обслуживающим все слои населения. В 2010 г. ожидалось, что «в большинстве стран Юго-Восточной Азии к 2015 г. произойдёт удвоение числа зачисленных в высшие учебные учреждения, к 2020 г. – число зачисленных вырастет втрое»[197]. Высшая школа, несмотря на экономическое положение страны, является символом национальной успешности и амбиций на будущее.

Система высшего образования в Китае развивается настолько интенсивно, что «во время председательства Ху Цзиньтао опередила по количественным показателям все страны мира»[198], но, как и другие многонациональные государства, Китай сталкивался с рядом проблем в сфере образования. Во-первых, должен был быть обеспечен равный доступ к образованию для всех 56 официально признанных этнических меньшинств. Во-вторых, необходимо было обеспечить экономическое развитие 117 автономных уездов через развитие образования. В-третьих, образовательный процесс в районах проживания национальных меньшинств должен был соответствовать принципам национальной автономии. В-четвертых, вся образовательная система должна была основываться на принципе межэтнического единства.

По данным шестой переписи населения КНР, проведенной в 2010 г., общая численность представителей национальных меньшинств на территории материкового Китая составила 113,79 миллионов человек. Вследствие демографической политике КНР, доля национальных меньшинств в населении КНР

---

196. Материалы данного параграфа были опубликованы в статье: Помелова Ю.П. Высшее образование для национальных меньшинств в КНР // Вестник Мининского университета. № 1 (5). 2014. С. 1-11.
197. Postiglione G. Education Impact Study: The Global Recession and the Capacity of Colleges and Universities to Serve Vulnerable Populations in Asia. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2010. P.7. URL: http://www.adbi.org/working-paper/2010/03/29/3644.education.impact.study/
198. Ibid.

выросла с 5, 8 % в 1964 г. до 8 % в 2000 г. (по данным пятой переписи населения)[199]. По сравнению с 2000 г., численность национальных меньшинств выросла к 2010 г. на 7, 36 млн. человек, что составляет рост населения на 6,92%. Темпы роста ханьского населения за тот же период равны 5, 74%[200].

Процент соотношения национальных меньшинств и ханьского большинства в высшем образовании никогда за всю историю КНР не был равен соотношению их численности. На 1949 г. меньшинства составляли менее одного процента от всех учащихся вузов, всего примерно 1300 студентов[201]. Доля зачисленных в китайские вузы представителей национальных меньшинств изменялась в зависимости от происходящих в стране событий. Так, введение общенациональных вступительных экзаменов в 1954 и 1977 гг. привело к падению доли поступивших в высшие учебные заведения студентов – представителей национальных меньшинств до 3,16% (примерно 30 000 студентов) после 1954г. и с 6,5% до 3,7% в 1978-1979 гг. (примерно 37 500 студентов)[202]. С развитием системы образования в КНР численность студентов из национальных меньшинств увеличивалась пропорционально росту студентов доминирующей этнической группы, за исключением периода Культурной революции. В 1980 г. правительство КНР заявило, что доля обучающихся в вузах представителей национальных меньшинств должна быть не меньше, чем их доля в населении страны[203]. В 2002 г. Государственный Совет КНР утвердил политику ускоренного развития образования национальных меньшинств[204].

В период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров, было предпринято множество мер для улучшения мате-

199. Communiqué of the National Bureau of Statistics of People's Republic of China on Major Figures of the 2010 Population Census. National Bureau of Statistics of China. 2011. 28 Apr. URL: http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20110428_402722244.htm
200. Hua-Yu S.C., Hannum E. C., Chunping L. Idem. P.3.
201. Sautman B. Affirmative action, ethnic minorities and China’s universities. Pacific Rim Law &Policy Association, 1998. P.10. URL: http://digital.law.washington.edu/dspace-law/bitstream/handle/1773.1/849/7PacRimLPolyJ077.pdf?sequence=1
202. Ibid.
203. Ibid.
204. Hua-Yu S.C., Hannum E. C., Chunping L. Idem. P.5.

риальной базы образовательных учреждений, обеспечения учебных учреждений всех ступеней квалифицированными педагогами и увеличения доступности образования для всех слоев населения. За два десятилетия (с начала 1990-х гг. по 2009 г.) правительство направило 4 миллиарда юаней в бюджеты автономных регионов исключительно для оказания помощи развитию образования в регионах[205]. Например, в 2004 г., правительство инвестировало значительные средства в поддержку строительства школ-интернатов в сельских районах западных регионов страны, а также в развитие университетов этнических меньшинств[206]. В 2006 г. правительство также решило, что ученики школ сельских районов западных регионов должны были быть освобождены от уплаты любых сборов на обучение[207]. В 2007 г. из бюджетов провинций КНР было выделено 576 миллионов юаней в бюджет образовательных учреждений Тибетского автономного района (ТАР), более 2000 учителей и должностных лиц было отправлено в ТАР для оказания содействия в развитии образования[208].

За десятилетие с 2002 г. по 2012 г. в восточных провинциях финансирование образования более чем в 4 раза превысило финансирование в северо-западных провинциях[209], что не могло не повлиять на доступность и качество образования. Естественно, что экономически развитые провинции финансируя образование в большем объеме, но и выпускают больше специалистов с высшим образованием. В большинстве западных регионов количество студентов высших учебных заведений гораздо меньше, чем в восточных провинциях КНР. Например, население Гуанси-Чжуанского автономного района состав-

205. Rui Y., Mei W. Education for ethnic minorities in China: a policy critique. The University of Hong Kong, Comparative Education Research Centre, 2009. P.117. URL: http://www.nwu.ac.za/webfm_send/19833
206. Hua-Yu S.C., Hannum E. C., Chunping L. Idem. P.5.
207. Ibid.
208. Rui Y., Mei W. Idem. P.128.
209. Hua-Yu S.C., Hannum E. C., Chunping L. Idem. P.9.

ляет более 44 млн. человек, но среди них только 190 000 выпускников и студентов вузов. В то время как население Пекина составляет 13 млн. человек и среди них 490 000 выпускников или студентов[210].

Процент студентов из этнических меньшинств, получающих высшее образование, по-прежнему был ниже доли меньшинств в населении страны, достигнув пикового значения в 1997г. (6,8%), до 2012 г. так и не вышел на этот уровень снова. Данный факт, в том числе, объясняется значительным увеличением абитуриентов вузов, с 2 млн. 975 тысяч человек в 1998 г. до 7 млн. кандидатов в 2004 г., процент поступивших увеличился при этом на 8,7%[211].

Однако, все данные относительно участия национальных меньшинств в получении высшего образования не могут дать исчерпывающую информацию из-за существенной разницы в уровне охвата высшим образованием различных групп меньшинств. Так, среди народов сибо, наси, даур, хуэй, а также среди маньчжуров, корейцев и монголов процент людей с высшим образованием выше, чем в среднем по стране. В нижней части рейтинга охвата высшим образованием находятся тибетцы, и, ту, мяо. В 1990г. 1,4% китайцев имели высшее образование, а то время как 4,3% корейцев и 0,52% тибетцев закончили высшие учебные учреждения[212].

Принципы развития образования национальных меньшинств КНР отражены в ряде законов. Конституция КНР от 1982 г. (ст. 19) гласит, что «государство развивает дело социалистического образования, поднимает научный и культурный уровень всего народа. Создавая различные учебные заведения, государство осуществляет всеобщее начальное образование, развивает среднее, профессиональное и высшее образование, кроме того, развивает дошкольное воспитание»[213].

---

210. Zhiyong Z. Higher education access and equality among ethnic minorities in China // Chinese Education & Society. 2010. Vol. 43. P.5. URL: http://www.ioe.ac.uk/about/documents/About_Overview/Zhiyong_Z%281%29.pdf.
211. Kaihua L. On English Language Education for Ethnic Minority Students in China: A Focus on Two Groups of Uyghur University Students in Xinjiang. The University of Oslo, 2013. P.10. URL: https://www.duo.uio.no/handle/10852/35810
212. Sautman B. Idem. P. 15.
213. Конституция КНР: офиц. текст. 1982. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution.

Согласно Закону КНР «О национальной районной автономии» от 1984 г. (ст. 71), «государство обязано создавать институты национальностей, в других высших учебных заведениях открывать национально-ориентированные классы и подготовительные курсы, исключительно для студентов из национальных меньшинств. Предпочтительный прием на учебу и предпочтительный прием на работу также могут быть введены. При зачислении, высшие учебные заведения и техникумы должны установить более низкие стандарты и требования для приема студентов из национальных меньшинств»[214].

В Законе КНР «Об образовании» от 1995 г. (ст. 10, 56) прописано, что «государство обязано помогать всем регионам, населённым национальными меньшинствами, в развитии всех образовательных начинаний с учетом особенностей и требований разных национальных меньшинств. Государственный совет и правительство местных народных представителей выделяет определенные средства на образование, в особенности на поддержку обязательного образования в отдаленных приграничных районах, бедных районах и регионах, населенных национальными меньшинствами»[215].

Таким образом, Конституция КНР, законы КНР «О национальной районной автономии», «Об образовании», «Об обязательном образовании» и другие нормативно-правовые акты, выпущенные Госсоветом КНР, содержат положения, которые четко предусматривают принципы и методы поддержки и помощи развития образования национальных меньшинств.

Рассмотрим методы поддержки высшего образования в КНР, применявшиеся в период между XVI и XVIII съездами: подготовительные курсы, институты национальных меньшинств, льготы при поступлении, национально-ориентированные классы.

---

214. China's Law on Regional National Autonomy: off.release. 1984. URL: http://www.asianlii.org/cn/legis/cen/laws/rnal300/
215. Закон КНР «Об образовании»: офиц. текст. 1995 // URL:http://www.asia-business.ru/law/law3/education.

В документе, принятом Министерством образования КНР и Государственным комитетом по делам национальностей в 1984 г. «Дальнейшее укрепление руководства групп для национальных меньшинств в университетах», подготовительные курсы для национальных меньшинств определены следующим образом: в соответствии с характеристиками студентов из числа национальных меньшинств, должны быть приняты специальные меры для улучшения их знаний, активизирована работа по обучению навыкам и способностям для морального, умственного, и физического развития студентов, и заложена основа для их дальнейшего профессионального обучения в колледжах и университетах[216]. Таким образом, подготовительные курсы, как общенациональная довузовская система образования для студентов из национальных меньшинств, служат для подготовки студентов в течение одного или двух лет к поступлению в высшие учебные заведения страны. Студенты, как правило, являются представителями одного национального меньшинства, живут и учатся вместе, например, с 1985г. по 2007г. 14 00 тибетцев прошли через подготовительные курсы в 24 провинциях страны[217]. После прохождения обучения по специально созданным учебным программам и сдачи квалификационного экзамена, студенты могут поступать на общие образовательные программы.

В начале 1980-ых гг., первые подготовительные курсы начали свою работу, в соответствии с соглашениями между высшими учебными заведениями и школами, в пяти университетах, в группах по 35 человек. Данная система быстро получила распространение. Уже к концу 1980-ых, за одно десятилетие, 40 000 студентов-представителей национальных меньшинств прошли через подготовительные курсы в 140 высших учебных учреждениях[218]. За два деся-

216. 加强领导和进一步办好高等院校少数民族班的意见. Цзяцян линдао хэцзинь ибубаньхао гаоденъюаньсяо шаошуминь цзубаньдэ ицзянь (Мнение об укреплении руководства и дальнейшем совершенствовании работы классов для национальных меньшинств в высших учебных заведениях). Министерство образования КНР. 1984. URL: http://www.china.com.cn/guoqing/zwxx/2011-10/02/content_23539970.htm
217. Rui Y., Mei W. Idem. P.128.
218. Sautman B. Idem. P.9.

тилетия, с 1980 до 1998 г. 90 000 человек стали выпускниками подготовительных курсов[219]. В 2009г. примерно 9000 человек проходили подготовку на подготовительных курсах перед поступлением в высшие учебные заведения[220].

Большинство студентов из национальных меньшинств поступают в вузы, располагающиеся в тех провинциях, откуда они родом, но за пределами родных автономных округов и автономных уездов. Только малая доля студентов уезжают за пределы своих провинций, автономных районов. Например, чуть больше 1% студентов из СУАР (Синьцзян-Уйгурского автономного района) обучаются в высших учебных заведениях за пределами автономного района[221]. И лишь немногие студенты получают возможность обучаться в ведущих университетах страны. Например, университет Цинхуа, лидирующий в рейтингах университетов КНР[222], в 2000 г. принял на обучения 3170 студентов, из них представителями национальных меньшинств были 188 студентов[223].

С целью обучения квалифицированных кадров для развития автономных регионов, автономный округов и автономных уездов, по всей стране создана система институтов национальностей. В 2013г. работали 12 институтов национальностей в 11 административных единицах КНР (Чжуннаньский этнический колледж, этнический колледж провинции Хубэй, этнический колледж Гуанси-Чжуанского автономного района, Юго-западный этнический колледж, этнический колледж провинции Гуйчжоу, этнический колледж провинции Юньнань, Тибетский этнический колледж и другие) и Центральный университет национальностей в Пекине[224]. Эти вузы преимущественно зачисляют студентов неханьского происхождения, предлагают специальные дисциплины и учебные модули, отвечающие потребностям автономных регионов. В 2003г. в

219. Zhiyong Z. Idem. P. 13.
220. Rui Y., Mei W. Idem. P.121.
221. Sautman B. Idem. P.25.
222. Лучшие университеты Китая - Проект 211 // Дальневосточный региональный Центр поддержки международных инициатив. URL: http://ciidv.ru/the-best-universities-in-china.html
223. Zhiyong Z. Idem. P. 8.
224. Hua-Yu S.C., Hannum E. C., Chunping L. Idem. P.11.

национальных вузах обучались 101 000 студентов, работали и преподавали 6 100 сотрудников[225].

Центральный университет национальностей в 2013 г. осуществлял подготовку бакалавров по 69 специальностям, как по классическим, таким как экономика, история, химия, информатика, так и по специальностям, ориентированным на культуру национальных меньшинств: тибетская медицина, этнология, язык и литература уйгур, мяо, и, корейцев и других народов[226]. Доля студентов из национальных меньшинств в Центральном университете национальностей должна была составлять 90%, при этом, образование по специальностям, изучающим язык, литературу национальных меньшинств, а также по этнологии и антропологии являлось бесплатным. Самыми дорогими являлись специальности журналистика, банковское дело, налогообложение и юриспруденция[227].

При этом, в большинстве институтов национальных меньшинств приоритет отдается гуманитарным наукам. Даже в университете национальностей только 22 специальности из 69 не являются гуманитарными[228], что негативно влияет на дальнейшее трудоустройство выпускников.

Программа поддержки национальных меньшинств при поступлении в высшие учебные заведения страны начала свою реализацию сразу после образования КНР, постановлением правительства от 1950г. В «Новых правилах по набору учащихся в высшие образовательные учреждения» говорится: «Несмотря на плохие результаты при прохождении вступительных экзаменов, сту-

225. Rui Y., Mei W. Idem. P.122.
226. Table of Undergraduate Specialties. Minzu University of China: official website. URL: http://eng.muc.edu.cn/detail.asp?typebelong=3&typeid=2
227. Zhiyong Z. Idem. P. 8.
228. Table of Undergraduate Specialties. Minzu University of China: official website. URL: http://eng.muc.edu.cn/detail.asp?typebelong=3&typeid=2

денты из национальных меньшинств должны быть преференциально зачислены»[229]. Тем не менее, программа обрела постоянную основу и начала приносить продуктивные результаты только с середины 1980-ых гг. на основании «Правил поступления студентов в высшие учебные заведения» 1978г. и «Циркуляра о некоторых вопросах относительно дальнейшей реализации Закона КНР «О национальной районной автономии»»[230].

Льготы при поступлении распространялись независимо от места жительства абитуриента: в автономных территориальных образованиях или в районах преимущественного проживания ханьцев. Таким образом, льготные программы приема могли быть использованы и той четвертью национальных меньшинств, живущей за пределами автономных территориальных образований.

К результатам Единого национального вступительного экзамена[231] дополнительно начислялись баллы в зависимости от этнической принадлежности абитуриента. Абитуриентам из тех национальных меньшинств, образовательный уровень которых считается ниже уровня ханьских абитуриентов, начислялись больше дополнительных баллов, чем их коллегам из национальных меньшинств равных или даже превосходящих ханьцев в уровне образования (корейцы, маньчжуры, монголы и другие). Меньше баллов начислялось представителям тех меньшинств, которые являются носителями китайского языка (хуэй, маньчжуры и некоторые другие).

Абитуриенты только шести национальных меньшинств могли сдавать Единый национальный вступительный экзамен на родном языке (тибетцы, уйгуры, монголы, корейцы, казахи и киргизы) и результаты этого экзамена были

229. 新中国少数民族高等教育的回顾与展望. Синьчжунго шаошуминьцзу гаоденцзяоюйдэ хуэйгу юй чжаньван (Обзор и перспективы высшего образования для этнических меньшинств в новом Китае). Китайская сеть образования и научных исследований). 2001. URL: http://www.eol.cn/20010829/209572.shtml.
230. Zhiyong Z. Idem. P. 12.
231. 高考, гаокао

действительны для национальных университетов и политехнических институтов[232].

При этом на успешность абитуриента влияют квоты, согласуемые каждый год между университетами и центральными властями. Если решено увеличить количество студентов из определенной провинции, определенной этнической принадлежности, то количество баллов, необходимых для прохождения вступительных испытаний, значительно снижается. Например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе преференциальная политика нацелена на то, чтобы гарантировать определенный процент студентов (около 50-60%) из числа меньшинств в общем объеме зачисленных в университеты региона, с помощью начисления необходимого для этого количества баллов[233]. Также и в провинции Юньнань, 24% студентов должны были быть представителями национальных меньшинств[234]. В провинции Цзянсу доля национальных меньшинств в населении самая меньшая в стране (0,25%) и, в основном, состоит из народа хуэй (китайских мусульман), чей образовательный уровень и материальное благополучие в большинстве случаев превосходит ханьцев. Тем не менее, абитуриенты хуэй также пользовались преференциальной политикой при поступлении. 20 баллов добавлялись к их результатам при поступлении в институты национальностей, 5 баллов при поступлении в другие высшие учреждения страны[235]. В автономном районе Внутренняя Монголия, абитуриенты получали 10 дополнительных баллов к результату экзамена[236], в провинции Гуандун - 80 баллов[237]. Минимальный проходной балл в Тибетский Университет для студентов из национальных меньшинств составлял 210 баллов для гуманитарных специальностей и 170 для естественно-научных, в то время как для ханьцев 400 и 250 баллов соответственно[238]. Конечно же, не

232. Hua-Yu S.C., Hannum E. C., Chunping L. Idem. P.11.
233. Kaihua L. Idem. P. 15.
234. Sautman B. Idem. P.18.
235. Sautman B. Idem. P.6.
236. Kaihua L. Idem. P.15.
237. Zhiyong Z. Idem. P.12.
238. Rui Y., Mei W. Idem. P.119.

только национальные меньшинства получали дополнительные баллы при прохождении Единого национального вступительного экзамена, но дети военнослужащих, инвалиды, жители приграничных и горных районов, а также абитуриенты, обладающие «тремя хорошими качествами» (успехи в учебе, спорте, политико-идеологической деятельности)[239].

В итоге, льготы при поступлении позволяли Коммунистической партии Китая регулировать количество студентов из национальных меньшинств, получающих высшее образование в определенных высших учебных заведениях на определенных специальностях.

Если бы равенство условий при поступлении было главным принципом проводимой политики, то учитывая языковое и этническое многообразие КНР, не существовало бы равенства возможностей для всех граждан страны. Из этого следует, что неравный подход к абитуриентам различной этнической принадлежности, другими словами, позитивная дискриминация, рассматривалась как необходимая мера для укрепления равенства возможностей и долгосрочной стабилизации межнациональных отношений. При этом, успешность абитуриента при поступлении в высшее учебное заведение зависела от множества факторов: этнической принадлежности, региона проживания, выбранной специальности и вуза, а также от того, какая система образования была избрана абитуриентом ещё в начале школьного обучения.

Стоит отметить, что следствием языкового многообразия КНР является разделение в автономных округах школьников на две группы, посещающие разные школы. В «обычных школах» путунхуа (официальный язык КНР) – основной и единственный язык обучения, английский язык преподается как иностранный. Учеников из этнических меньшинств, обучающихся в этих школах, обозначают термином минькаохань[240,241], в такие школы поступают этнические китайцы (ханьцы), хуэй, маньчжуры и также школьники, чей родной язык

239. Sautman B. Idem. P.30.
240. 民考汉 «меньшинства, сдающие экзамены на китайском»
241. Rui Y., Mei W. Idem. P.127

не используется в качестве языка школьного образования. В итоге, владение устным и письменным китайским языком, а также устные навыки владения своим родным языком позволяют им пользоваться преференциальной политикой по начислению дополнительных баллов и поступать в любые высшие учреждения страны.

Студенты, чей национальный язык используется как средство школьного образования, обычно посещают «этнические школы» или «школы языковой системы меньшинств» и изучают китайский как второй язык, образование ведется на их родном языке. Таких студентов называют минькаоминь[242,243]. Естественно, из-за низкого уровня владения путунхуа, студенты минькаоминь, без прохождения подготовительных курсов могут поступить только на некоторые специальности (литература, язык, история национальных меньшинств) институтов национальностей.

В рассматриваемый период обе категории школьников пользовались преференциальной политикой при поступлении в вузы, при этом, абитуриенты минькаоминь всегда получали больше дополнительных баллов, чем их коллеги минькаохань. Например, в 2006г. проходной балл на гуманитарные специальности для минькаоминь был ниже на 119 баллов по сравнению с ханьскими абитуриентами, для минькаохань нижний порог поступления был ниже на 77 баллов[244].

Несмотря на то, что сверстники минькаохань и минькаоминь принадлежат к одним этническим группам, они редко общаются между собой, в основном, общение происходит только внутри этих образовательных категорий. Школьники, а затем и студенты минькаоминь считают, что их сверстники минькаохань потеряли свою культурную и этническую идентичность через потерю родного языка, на котором они уже не могут в полной мере общаться. Т.к. большинство минькаохань не умеют читать и писать на родном языке,

---

242. 民考民, «меньшинства, сдающие экзамены на своём языке»
243. Kaihua L. Idem. P. 21.
244. Kaihua L. Idem. P. 22.

даже их устный язык сильно подвержен влиянию китайского языка, становящегося для минькаохань языком коммуникации. Кроме того, из-за раннего погружения в китайскую среду через получение базового образования в китайских «обычных» школах, личностные характеристики школьников оказываются подвержены влиянию ханьской культуры. Подобная ассимиляция, «китаизация» школьников ведет к потере их этнической идентичности, изменению поведения, языка, образа жизни, а также отчуждению со стороны их ровесников минькаоминь[245].

Чтобы решить возникающие противоречия и проблемы, например, проблема безработицы среди молодежи меньшинств, с 2000-ых годов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе начали создавать экспериментальные билингвальные классы на базе этнических школ. Некоторые предметы в таких классах (математика, физика, биология, английский) преподавались на китайском языке, в то время как история, география, идеология и мораль, родной язык - уйгурском языке. В течение первого десятилетия XXI века, происходил значительный рост количества подобных классов, только за один год их количество увеличилось в 4 раза, но, несмотря на это, только 6,6% школьников минькаоминь обучаются в билингвальных классах[246].

Для КНР вопросы сохранения культурной, этнической, религиозной автономии, а вместе с ними и развития всех ступеней образования для национальных меньшинств остаются открытыми и весьма болезненными. Как школы, так и высшие учебные заведения формируют мировосприятие детей через те ценности, которые они передают, выполняя функцию укрепления общенациональной идентичности. Функция индоктринации была возложена на образование ещё в первое десятилетие существования КНР. По словам Мао

245. Kaihua L. Idem. P. 58.
246. Kaihua L. Idem. P. 22.

Цзэдуна, «наша образовательная политика должна позволять каждому, кто получает образование, развиваться морально, интеллектуально и физически и стать работником с социалистическим сознанием и культурой»[247].

Постепенная трансформация национальных меньшинств в китайских граждан является главной образовательной задачей. В ходе образовательного процесса ученикам передается идеология китайской нации и отношений между народами КНР, разделенных на национальные меньшинства. При этом на государственное образование возложена обязанность сохранения культуры этнических меньшинств в рамках доминирования ханьской культуры, её цивилизационного проекта[248]. Создается ситуация воспроизведения понятий культурного неравенства при явном содействии «национальному единству»[249]. Школьники и студенты обучаются тому, что их народ был связан с ханьцами с древних времен, был «отсталым»[250] в экономической и культурой сфере до их освобождения Коммунистической партией Китая, а сейчас китайский народ помогает их развитию и гармоничному существованию в многонациональном социалистическом обществе[251].

Как пример формирования национальной идентичности с помощью школьного образования можно привести систему школ-интернатов, для тибетских детей, расположенных в других провинциях, в районах преимущественного проживания ханьцев. Школы передают детям понимание того, что тибетская этническая идентичность включает в себя членство в китайской нации, на правах превосходства ханьцев и отсталости Тибета. Культура Тибета является частью «сокровищницы китайской культуры». В таких школах уважают традиции национальных меньшинств, но любая религиозная практика находится

247. Mao Z. On the Correct Handling of Contradictions Among the People (Speech at the Eleventh Session (Enlarged) of the Supreme State Conference, February 27, 1957) // Selected Works of Mao Zedong: Volume V. Peking: Foreign Languages Press, 1977. URL: https://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/volume-5/mswv5_58.htm

248. Postiglione G. Idem. P.6.

249. 民族团结, миньцзу туаньцзе

250. 落后, лохоу

251. Hua-Yu S.C., Hannum E. C., Chunping L. Idem. P.14.

под запретом[252]. Также и в «этнических школах» в Синьцзян-Уйгурском автономном районе по указанию программного документа «Синцзянские классы» в учениках должны быть воспитаны нравственность, интеллект, культура, дисциплина и атеизм, чтобы поддерживать национальное единство и посвятить себя развитию Западного региона КНР[253]. Подобные предписания неизбежно входят в противоречие с культурой и образом жизни национальных меньшинств, особенно сложноразрешимые проблемы возникают на стыке религии и образования.

Из-за этого родители часто предпочитают для своих детей религиозные институты образования светским[254]. Религия традиционно является основной формой организации общества за пределами семьи. Среди народов дай в провинции Юньнань, где широко практикуется буддизм школы тхеравада, каждый мальчик должен прожить в монастыре некоторое время, для изучения религии, языка и культуры своей национальности, и моделей социального поведения. Только после получения такого опыта мальчик обретает статус полноценного члена общества. Религиозное образование в мечетях также необходимо народу хуэй и уйгурам, предлагаемая в монастырях тибетского буддизма система образования состоит из изучения религии, тибетского языка и литературы, астрономии, медицины, живописи и набора прикладных знаний, необходимых для жизни в непростых условиях Тибета. С другой стороны, народ яо, например, не считает образование своих детей выгодным вложением и предпочитают, чтобы дети помогали им в сельском хозяйстве[255]. Подобные тенденции вызывают озабоченность партии и правительства КНР.

В 2010г. в городе Тонгрен провинции Цинхай прошла масштабная мирная акция протеста тому, что её участники называют «потерей их культуры и языка». По разным оценкам, в акции приняли участие от одной до семи тысяч

252. Ibid.
253. Hua-Yu S.C., Hannum E. C., Chunping L. Idem. P.15.
254. Rui Y., Mei W.Idem. P.125.
255. Hua-Yu S.C., Hannum E. C., Chunping L. Idem. P.9.

этнических тибетцев, в основном, студенты вузов[256]. Участники выражали протест в связи с ограничением использования тибетского языка в образовательных учреждениях. К протестующим присоединились монахи из расположенного в городе монастыря Ронгво Гомпа, одного из самых влиятельных центров тибетского буддизма, города Гунхэ в провинции Цинхай и Таву в провинции Сычуань, а также Центральный университет национальностей[257,258]. Тем не менее, в 2012 г. тибетский язык как язык обучения был практически исключен из учебных планов в начальных и средних школах провинции Цинхай. Китайский язык стал использоваться в качестве основного языка обучения, тибетские учителя со слабым знанием китайского языка были уволены, были приняты новые учебники на китайском языке[259].

Несмотря на то, что преференциальная политика в сфере высшего образования способствовала созданию образованной элиты в среде национальных меньшинств, определенные льготы и преференции не могут решить всеобъемлющих экономических, социальных и политических проблем автономных регионов.

Вторым существенным фактором, после культурных и лингвистических отличий, затрудняющих доступ национальных меньшинств к высшему образованию, являлся огромный разрыв в уровне жизни западных районов КНР и провинций, расположенных на восточном побережье страны, только углубившийся после начала экономических реформ в 1980-ых гг.

В Китае до 1994 г. существовала система распределения выпускников вузов на работу по специальности и единого планового набора абитуриентов в вузы. «В период с начала реформы системы образования (с 1992 г.) постепенно начала снижаться доля государственного бюджетного финансирования

---

256. Тибетские студенты в Китае против языковых реформ // Русская служба Би-Би-Си. 2010. 20 окт. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101020_tibet_students_protests.shtml
257. Ives M. China: Time to reassess minority education policy? University World News. 2010. 19 Dec. URL: http://www.universityworldnews.com/article.php?story=20101217223320655
258. Никольский В. Тибетцы хотят говорить по-тибетски // Центр тибетской культуры и информации. 2010. URL: http://savetibet.ru/2010/10/30/print:page,1,tibetans.html
259 Wong E. Tibetans Fight to Salvage Fading Culture in China // The New York Times. 2015. 28 Nov. URL: https://www.nytimes.com/2015/11/29/world/asia/china-tibet-language-education.html

вузов в связи с увеличением хозяйственных потребностей в специалистах с высшим образованием и ростом благосостояния населения. На введение платы за обучение также повлияла смена планового набора студентов и единого распределения выпускников системой «обоюдного выбора», т.е. самостоятельного трудоустройства выпускников»[260].

Также если до 1990-ых гг. вузы находились на государственном финансировании, к середине 2000-ых количество бюджетных отчислений сократилось в два раза, но при этом стоимость обучения возросла. «Китайский молодежный исследовательский центр опубликовал 10 января 2007 г. «Доклад о состоянии и направлениях развития китайской молодежи в X пятилетке». В нем приведены материалы, свидетельствующие, что за 18 лет плата за обучение в китайских вузах выросла в 25 раз, а рост расходов на обучение детей перегнал расходы на жилье. Они вышли на первое место в совокупных расходах китайского населения»[261]. При этом, «средние доходы городского населения увеличились в 4 раза, расходы на обучение в вузах росли в 10 раз быстрее доходов городского населения и составили 32,6% доходов крестьянских семей и 23,3% дохода городских и поселковых семей. Вузы обосновывают повышение платы за обучение конкретными условиями развития каждого отдельного вуза или района»[262].

Подобный рост платы за высшее образование привело к фактическому увеличению неравенства в доступности такового для национальных меньшинств. Из-за невозможности внести плату за образование, общежитие, учебную литературу и другие необходимые расходы, количество студентов из этнических меньшинств значительно сократилось[263].

---

260. Sautman B. Idem. P.11.
261. Камышная О. Н., А.В. Баранов А.В. Система образования в КНР // Буяров Д.В. Современный Китай. М.: КРАСАНД, 2011. С. 221.
262. Камышная О. Н. Указ.соч. С. 222.
263. Zhiyong Z. Idem. P. 10.

Введение платы за обучение, таким образом, стало непреодолимым препятствием для студентов из национальных меньшинств, которые, в большинстве своём, беднее, чем студенты-китайцы. Учитывая это обстоятельство центральное правительство, тем не менее, ввело в действие политику скидок или освобождения от части оплаты для уменьшения финансовых препятствий для абитуриентов - из бедных регионов проживания и представителей национальных меньшинств (постановление Государственной комиссии по образованию «Обращение по снижению платы за высшее образование для студентов, столкнувшихся с финансовыми трудностями»)[264]. Из бюджета провинций и автономных регионов также выделялись средства для помощи «безденежным» студентам из национальных меньшинств. Не удивительно, что некоторые университеты потеряли интерес к набору новых студентов из числа меньшинств, потому что «субсидии для особенно бедных»[265] должны также выплачиваться из их бюджета[266]. Но, в первую очередь, студенты полагаются на то, что выплатят стоимость обучения после устройства на работу и получения диплома. «В стране всячески пропагандируется лозунг: «Есть деньги – иди учиться. Нет денег – бери кредит и иди учиться»»[267].

Развитие высшего образования национальных меньшинств особенно важно для Коммунистической партии Китая, поскольку направлено на создание благонадежного, лояльного среднего класса национальных меньшинств, способного служить посредниками между КПК и населением автономных регионов. Увеличение количества профессиональных административных и технических кадров, получивших образование по программам, одобренным правительством КНР, имеет первостепенное значение для повышения легитимности правления в автономных регионах, занимающих большую часть территории КНР.

---

264. Sautman B. Idem. P.11.
265. 特困补贴, тэкунь буте
266. Sautman B. Idem. P.12.
267. Камышная О. Н. Указ.соч. С.222.

Более того, через реализацию образовательной политики, например, с помощью учебных планов и программ, разработанных с учетом требований традиций, культуры и развития национальных меньшинств, КПК надеется способствовать развитию регионов проживания национальных меньшинств.

В целом, успешность проведения образовательной политики КНР доказывается тем, что число студентов из числа этнических меньшинств возросло с 4500 человек в 1952г. [268] до 1 122 258 человек на программах бакалавриата в 2013 г.[269]

Большинство выпускников, воспользовавшихся преференциальной политикой, станут политически лояльными и компетентными профессионалами, которых и должна производить образовательная политика.

Льготная политика в области высшего образования, впрочем, не может быть единственным условием обеспечения необходимого прорыва к стабилизации межэтнических отношений в Китае. Преференциальная политика привлекает внимание к этническому происхождению абитуриентов и студентов. Выделение учащихся из числа меньшинств в отдельные этнические классы и школы, подготовительные курсы, институты и университеты во многом способствует развитию этнического самосознания, а не уменьшает его.

---

268. Zhiyong Z. Idem. P. 5.

269. 各级各类学校少数民族学生数. Гэцзигэлэйсюэсяо шаошуминьцзусюэшэн шу (Количество учащихся из числа меньшинств во всех уровнях и типах школ) // 中华人民共和国教育部. Чжунхуажэньминьгунхэго цзяоюй бу (Министерство образования Китайской Народной Республики). 2013. URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s7567/201309/156878.html

II.3. Основные положения и этапы реализации языковой политики в контексте формирования идентичности [270]

Любое многонациональное и разноязычное государство неизбежно сталкивается с проблемой регулирования языковой жизни страны. Такое регулирование происходит с помощью языковой политики. Языковая политика является совокупностью идеологических принципов и практических мероприятий в рамках внутренней политики государства в сфере распространения, развития и охраны языков, употребляемых на его территории[271]. Реализуется систематически с помощью управленческих, нормативно-правовых и прочих механизмов и осуществляет регулирование отношений, в таких сферах общественной жизни, как информационная, образовательная, религиозная и многие другие.

Большинство человечества моноязычно, в восприятии человека язык глубоко связан с индивидуальным чувством национальной принадлежности и коллективным отношением носителей языка к другим подобным группам. Язык - это приобретаемое средство общения, но, несмотря на то, что один язык в жизни человека мог бы быть заменен другим, он представляется носителю незыблемым и вечным. Эти характеристики языка распространяются и на нацию, выводя прямо пропорциональную зависимость одного от другого.

Язык становится основой политических различий после его институционализации как инструмента права, экономики и политики государства. Общегосударственный язык является необходимым элементом работы всей государственной системы: органов законодательной и исполнительной власти, судопроизводства, массового образования и других институтов. Таким образом, общегосударственный язык играет важную, можно сказать, основополагающую роль в формировании общегражданской идентичности через осу-

---

270. Материалы данного параграфа были опубликованы в статье: Помелова Ю.П. Языковая политика КНР в отношении национальных меньшинств // XIX Нижегородская сессия молодых ученых: гуманитарные науки. Нижегородский государственный инженерно-экономический институт, 346 с. 2014. С. 210-216.

271 Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Яранцев [и др.]. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 607.

ществление власти с помощью языковой политики, например, политики языковой гомогенизации. В целом, обращение к проблемам языковой политики, её достижениям и провалам, преемственности и новаторстве может быть использовано в контексте разговора о процессах глобализации и регионализации в странах, проводящих данную политику. Тем более, значение языкового сопровождения политики возросло в связи с информатизацией процессов общественной и международной жизни.

С другой стороны, процессы международной интеграции, интенсификации экономического взаимодействия, научно-технический прогресс привели к тому, что употребление языка стало обусловливаться целесообразностью и практическими выгодами от его применения. В таких условиях, когда общегосударственный язык необходим человеку для полноценного участия в общественной жизни и процессах экономического развития, языки, получившие наиболее широкое распространение, например, «китайский, приобретают ещё больше говорящих, в то время как языки, мало распространенные, слабо приспособленные для международного общения, забываются и исчезают. В первую очередь это касается не являющихся официальными ни в одной стране мира языков малочисленных народов, не имеющих собственной государственности»[272].

Для КНР проблема исчезновения языков в начале XXI была злободневной и остается таковой и сейчас. Согласно данным ЮНЕСКО, в 2010 г., в Китае 6 языков имели численность говорящих менее чем 1000 человек, большая часть из которых – пожилые люди, 95 языков попадали под категорию находящихся в опасности, в серьезной опасности или в критическом состоянии,

272. Клиновский В.А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и её роль в китайско-уйгурском конфликте // Вестник Томского государственного университета. 2012. №2(18). С. 140.

ещё 41 язык считался уязвимым[273]. Эти данным также подтверждаются подсчетами китайских исследователей, согласно которым, на грани исчезновения в то время находились более 130 языков[274].

В целом, 55 признанных национальных меньшинств Китая - 113 млн человек или 8, 49% от всего населения Поднебесной говорят более чем на 80 языках, кроме маньчжуров и хуэй, использующих мандаринский китайский, но только 30 из них имеют свою письменную форму[275]. Монгольский, тибетский, уйгурский, казахский и корейский языки являются наиболее употребляемыми в государственных институтах после китайского языка[276].

В результате, двуязычие и многоязычие широко распространены в районах проживания этнических групп. В качестве примера можно привести ситуацию в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, где большинство населения говорят на двух языках: китайском и уйгурском, в Или-Казахском автономном округе этого же автономного района общеупотребительным языком является казахский, а в Чапчал-Сибоском автономном уезде вышеназванного автономного округа распространен сибинский язык из-за проживания на территории уезда народа сибо.

Однако, всё множество языков, употребляемых в границах КНР, не может сравниться по значимости с общегосударственным языком Китая. Внимание государства к языковой политике в рассматриваемый период подтверждается принятием Закона КНР «Об общеупотребительном языке и письменности» в 2001 г. Данный закон утверждает статус общегосударственного языка путунхуа, происходящего из пекинского диалекта китайского языка. Согласно данному закону, государство на всех уровнях власти популяризирует путунхуа

273. Мозли К. Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения. Париж: Издательство ЮНЕСКО, 2010. URL: http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/
274. Клиновский В.А. Указ. соч. С. 141.
275. Zuo Xiulan China’s policy towards minority languages in a globalising age // Transnational Curriculum Inquiry Journal. 2007. №4 (1). P.84.
276. Xing Huang Minority language planning of China in relation to use and development. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology. 2003. P.2.

и стандартизированное написание китайских иероглифов, путунхуа провозглашен основным языком государственных и образовательных учреждений, СМИ и культуры, при этом, право на развитие имеют и языки национальных меньшинств соответственно в своих автономиях[277].

Отдельные нормы, регламентирующие языковую политику КНР, содержатся также в Конституции КНР 1982г., Статья 19 («Государство обеспечивает распространение по всей стране общепринятого китайского языка»)[278], Законе КНР «О национальной районной автономии», Статья 10 («Органы самоуправления национальных автономных районов гарантируют местному населению свободу использовать и развивать свой собственный разговорный и письменный язык»)[279], Законе КНР «Об образовании» и других соответствующих нормативно-правовых актах.

Несмотря на то, что все основные законодательные акты, регламентирующие языковую политику, были приняты в конце XX – начале XXI века, языковая политика активно проводилась с момента образования КНР с целью обеспечения стабильности и территориальной целостности страны, снятия напряженности в межэтнических отношениях, обеспечения свободного экономического взаимодействия[280].

С основанием КНР языковая политика в отношении национальных меньшинств стала объектом непосредственного политически-мотивированного регулирования со стороны КПК. В 1958 г. Мао Дзедун провозгласил, что «Сначала будет устранена классовая система общества, затем будут упразднены государства, и, в конце концов, исчезнут нации. И так будет во всем мире»[281]. Безнациональное общество не нуждается в языковом разнообразии.

---

277. Law of the People's Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language: Order of the President of the People's Republic of China. No.37. 2000. URL: http://english.gov.cn/laws/2005-09/19/content_64906.htm
278. Конституция КНР: официальный текст, 1982. URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution
279. China's Law on Regional National Autonomy, 1984. URL: http://www.asianlii.org/cn/legis/cen/laws/rna267/
280. Клиновский В.А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века: автореф. дис. …канд.ист.наук: 07.00.03. Улан-Удэ, 2012. С.11.
281. Bruhn D. Minority Language Policy in China, with Observations on the She Ethnic Group. University of California, 2008. P.4. URL: http://linguistics.berkeley.edu/~dwbruhn/dwbruhn_250E-paper.pdf

Однако, на первом этапе языковой политики (1949-1957гг.) в отношении национальных меньшинств осуществлялся и популяризировался языковой плюрализм, языки национальных меньшинств получали всестороннюю поддержку. Более того, в 1956г. ЦК КПК установил, что национальные меньшинства имеют право использовать свой родной язык, а путунхуа является обязательным только для ханьского населения[282]. Среди позитивных начинаний этого периода, направленных на то, чтобы убедить с течением времени национальные меньшинства в «правильности» курса КПК[283], можно выделить: создание в 1954 г. Комитета по реформе китайской письменности[284], проведение в 1955г. двух научных конференций, определивших задачи языковой политики, с активным участием советских ученых, экспедиции и другие мероприятия по исследованию языков малочисленных народов Китая[285], создание фонетических письменных систем для национальных меньшинств, не имевших письменный язык до этого[286]. Большинство инициатив и проектов, запущенных в 1950-ых годах, не были реализованы до начала политики «большого скачка» и культурной революции и были продолжены только с началом 1980-ых гг.

На втором этапе, (1958-1977гг.) были предприняты все меры для установления монополии китайского языка, ведь «создание национальной гегемонии часто включает в себя гегемонию языка»[287]. В этот период китайский язык стал официальным языком школьного обучения даже в регионах с преимущественным проживанием других национальностей[288]. Введение единой школь-

---

282. Yuxiang Wang, JoAnn Phillion Minority Language Policy and Practice in China: The Need for Multicultural Education // International Journal of Multicultural Education. 2009. №1 (11). P.3.
283. Nelson K. Language Policies and Minority Resistance in China. Columbia University, 2005. URL: http://www.tc.columbia.edu/sie/journal/volume_3/nelson.pdf
284. Завьялова О.И. Языковая ситуация и языковая политика в КНР. 2010. С.7. URL: http://www.ifesras.ru/attaches/books__texts/Zavyalova._Language_situation_in_PRC.pdf
285. Биткеева А.Н., Голик М.Я. Языки Китая: социо-лингвистический портрет. Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. №6(69). С. 109. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28886467
286. Yuxiang Wang, JoAnn Phillion. Idem. P.3.
287. Nelson K. Ibid.
288. Yuxiang Wang, JoAnn Phillion. Idem. P.4.

ной программы на всей территории страны не только подавляло языки национальных меньшинств, но и позволяло управлять процессом школьного образования и передачи культурных ценностей. Любые возникшие противоречия, выступления за двуязычное образование и специализированные учебные программы расценивались как вызов идеологической политике партии.

Третий этап (1978 – 2013), включающий в себя десятилетие между XVI и XVIII Всекитайскими съездами КПК, можно охарактеризовать как продвижение и китайского языка в форме путунхуа, и языков национальных меньшинств. Взаимоисключающие направления китайской языковой политики были «утверждены к исполнению по результатам конференций «Работа в сфере языка и письменности в новый период» 1986 г. и «Проблемы взаимодействия путунхуа и диалектов китайского языка» 1990 г.»[289]. В рамках распространения путунхуа, только с 1986 по 1993 года было издано одиннадцать постановлений общегосударственного характера, имеющих целью популяризацию пухунхуа и распространение единых стандартов китайского языка: «О правильном употреблении языка и письменности радио, кино и телевидением», «О регулировании использования иероглифов в печатных изданиях» и многие другие[290]. В 1994 г. в рамках государственной программы распространения путунхуа в КНР был введен особый языковой экзамен – «Тест на уровень знания путунхуа» - через экзамен должны пройти все желающие поступить на государственную службу[291]. Более того, все выпускники старших классов общеобразовательных школ, желающие поступать в колледж или университет, обязаны были сдавать национальный вступительный экзамен, так называемый «Гаокао», на китайском языке, исключение было сделано только для 6 национальных меньшинств из 55[292].

---

289. Клиновский В.А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века. Там же. С.4.
290. Семенас А. Л. Языковая политика в КНР (80-90-е годы) // Китайское языкознание: Изолирующие языки: IX международная конференция: Материалы. М., 1998. С. 150-155. URL: http://www.philology.ru/linguistics4/semenas-98.htm
291. Завьялова О.И. Указ.соч. С.4-5.
292. Yuxiang Wang, JoAnn Phillion. Idem. P.6.

С другой стороны, именно в этот период, в 1987 г. впервые издан «Атлас языков Китая», а в 1984 г. был принят Закон КНР «О национальной районной автономии», в том числе, разрешающий децентрализацию учебных программ, но с разрешения центрального правительства. Также согласно этому закону, Народный суд и прокуратура на территории национальной автономии должны рассматривать дела и вести судебные следствия на общеупотребительных языках данной местности[293].

Языковая политика периода «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей в целом также проводилась в русле сочетания доминирующей роли путунхуа с поддержкой языков национальных меньшинств. Строительство «системы традиционного культурного наследия», согласно Решению «Об углублении структурной реформы в области культуры», принятом на VI пленарном заседании ЦК КПК XVII созыва, включало, среди прочих целей, «активную популяризацию и стандартизацию использования государственного универсального письменного и устного языка [байхуа и путунхуа], научную защиту языка и письменности всех национальностей… увеличения количества дублированных телепередач и фильмов, издания партийных газет и журналов, ведение радио и телевещания на языках этнических меньшинств»[294].

Период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей также был отмечен продолжением широкомасштабных исследований в области языкознания: в 2004 г. создан Государственный центр мониторинга и изучения лингвистических ресурсов, «с 2006 г. издается ежегодник о языковой ситуации и языковой политике в КНР и в других китаеязычных регионах»[295].

---

293. China's Law on Regional National Autonomy. Op. cit.
294. Decision Concerning Deepening Cultural Structural Reform // 6th Plenary Session of the 17th Central Committee of the CCP. 2011. Oct 18. URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2011/10/18/central-committee-of-the-chinese-communist-party-decision-concerning-deepening-cultural-structural-reform/
295. Завьялова О.И. Указ.соч. С.2-1.

Подобную двойственность осуществления языковой политики можно объяснить желанием Коммунистической партии Китая предотвратить или же сгладить противоречия, неизбежно возникающие с началом массовых переселений китайцев из восточных районов в западные автономные регионы КНР в 1980-ых гг.

Из всех неразрешенных и проблемных вопросов, связанных с реализацией языковой политики в отношении национальных меньшинств, наиболее остро стоящим в рассматриваемый период являлся вопрос использования языков национальных меньшинств в образовании. Во многих регионах были открыты и приобретали всё большую популярность школы, где преподавание ведется на местном языке с дополнительным изучением китайского языка[296]. Однако, практика сильно отличается от теории. Бедность местного населения, недостаток финансирования, отсутствие преподавателей, способных работать в билингвальной системе образования, дискриминационная политика китайских чиновников на местах препятствовала эффективной реализации программ образования, основанных на языках национальных меньшинств[297]. Несмотря на обязательность 9-летнего школьного образования, установленного Законом КНР «Об обязательном образовании»[298], во многих районах страны, особенно в районах проживания национальных меньшинств, дети не посещали школу в силу вышеназванных причин. Более того, из-за политизированности школьного образования, постоянных изменений языковой политики, переходящей от терпимости и поддержки локальных языков к их агрессивной ассимиляции и обратно, родители воспринимали школьное образование как далекое от реальной жизни и потребностей своих детей и отдавали своё предпочтение образованию в мечетях и монастырях[299]. Например, в учебниках началь-

296. Pei R. Can China's minority languages be saved? // United Press International. 2013. March 27. URL: http://www.upi.com/UPI-Next/2013/03/27/Can-Chinas-minority-languages-be-saved/45864407598659/
297. Yuxiang Wang, JoAnn Phillion. Idem. P.4.
298. Compulsory Education Law of the People's Republic of China, 1986. URL: http://www.chinaeducenter.com/en/cedu/cel.php
299. Yuxiang Wang, JoAnn Phillion. Idem. P.7.

ной школы, используемых по всей стране, культура, язык национальных меньшинств представлены недостаточно или не представлены вовсе[300]. Что доказывает оторванность учебной программы от ежедневной жизни неханьских народов и может быть воспринято населением как знак, что знания о неханьских народах, их культура и язык не важны и не стоят изучения.

Тот факт, что уровень неграмотности среди неханьских детей гораздо выше, чем у их сверстников-китайцев, говорит об отсутствии позитивных результатов некоторых аспектов языковой политики в отношении национальных меньшинств. Среди тибетских детей младше 15 лет уровень неграмотности составлял 69,4%, у их китайских ровесников – 21,5%[301], и этот самый высокий уровень неграмотности среди национальных меньшинств установился вопреки пристальному вниманию и финансовым вливаниям в регион со стороны центральной власти. При этом, в Тибетском автономном районе введение образования исключительно на китайском языке совпало с подавлением восстания 1959 г. и языковая политика Пекина традиционно воспринимается как насаждение китайской культуры и мировоззрения.

Во всех вузах КНР высшее образование в рассматриваемый период осуществлялось, в основном, на китайском языке[302]. Например, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, это привело к сокращению представителей Синьцзяна, обучающихся в университетах. «Вывод национального языка из сферы высшего образования и, как следствие, из научной сферы ведет к тому, что языки нацменьшинств перестают развиваться, из-за чего все более удобным для использования во всех сферах жизни становится государственный язык»[303]. Таким образом, отношение самих представителей неханьских национальностей к образованию может являться показателем одобрения или неодобрения ими языковой политики.

---

300. Yuxiang Wang, JoAnn Phillion. Idem. P.8-9.
301. Yuxiang Wang, JoAnn Phillion. Idem. P.4.
302. Bruhn D. Idem. P.9.
303. Клиновский В.А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и её роль в китайско-уйгурском конфликте. Там же. С.144.

С одной стороны, в Китае необходимость знания родного языка постоянно уменьшается, в условиях необходимости изучения иностранных языков для лучшего трудоустройства в любом регионе КНР, всё большего разрушающего проникновения китайского языка во все аспекты жизни национальных меньшинств. При этом только знание китайского языка открывает представителям национального меньшинства возможность включения в китайскую идентичность. Если «варвар» изучал китайский письменный язык, он становился, с помощью «алхимического поглощения» подданным Срединного государства, которое могло быть создано «в значительной степени благодаря священному устному и письменному языку»[304].

С другой стороны, мнение представителей неханьских народов также изменяется: всё больше учеников средних школ за рассматриваемый период стали изучать китайский только как второй язык, увеличилось количество учебных пособий, изданных на языках национальных меньшинств, во многих университетах самими студентами стали организовываться бесплатные занятия по улучшению знания родных языков[305].

На XVI съезде КПК была выдвинута установка “неуклонно возвышать и внедрять национальный дух”. При этом официальный статус получила концепция “чжунхуа миньцзу” - китайской нации. Она подразумевает формирование у граждан страны надэтнической государственной идентичности[306]. Даже правящая маньчжурская династия Цин (1644-1911) не смогла предотвратить собственной медленной ассимиляции, что свидетельствует о неумолимой силе китаизации. Если в начале правления династии от всех императорских чиновников требовали использования только маньчжурского языка, то уже в

304. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-ц, 2001. С.34.
305. Pei R. Idem.
306. Доклад генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК. 2002. 8 ноября. URL: http://russian.people.com.cn//zhuanti/partycongress/bao1.html

начале XIX века, правительство было вынуждено переводить все официальные документы на китайский, постепенно предпочитая китайский язык и китайскую культуру своей[307].

Учитывая общемировую тенденцию исчезновения языков малочисленных народов, не имеющих собственной государственности, возможно, Коммунистической партии Китая для достижения целей гомогенизации и стабилизации общества достаточно просто не вмешиваться в процесс постепенного сужения языкового многообразия страны. Несмотря на сужение функциональной сферы применения языков малочисленных народов и усиливающуюся китаизацию, в рассматриваемый период, язык являлся передовым рубежом борьбы за сохранение или формирование новой идентичности народов КНР.

307. Bruhn D. Idem. P.3.

II.4. Идеологические и институциональные основания управления религиями национальных меньшинств[308]

Современный мир далек от секуляризации, религиозный фактор, не собираясь отступать на задворки международных отношений, остается значимым и во внутригосударственных делах. Признавая это, многие западные социальные социологи разрабатывают постсекулярные теории, объясняющие новою социальную реальность. Вопросы вероисповедания не могут быть отнесены исключительно к сфере частной жизни и вместо этого становятся всё более важной частью жизни общественной.

Среди всех возможных моделей взаимодействия общества и религии следует выделить несколько усредненных типов. На одном полюсе лежит полный запрет или уничтожение всех религий. Это редко практикуется, и, как правило, недолго, о чем свидетельствует опыт СССР, КНР, а также «первого атеистического государства» Албании в период правления Энвера Ходжи. Ближе всего к крайности искоренения всех религий, приближается монополия одной религии при полном запрете других. Средневековая Европа и некоторые современные исламские страны являются характерным примером религиозной монополии. Следующим типом взаимодействия общества и религии можно назвать олигополию, при которой несколько религий санкционированы, а все остальные подавляются. Большинство современных государств попадают в эту категорию. Другой крайностью является принцип организации на основе свободной конкуренции или невмешательства, при котором ни одна религиозная группа не имеет преимуществ при условии наложения равных минимальных административных ограничений на все группы. В качестве примера можно привести Соединенные Штаты Америки[309].

---

308. Материалы данного параграфа были опубликованы в статье: Помелова Ю.П. Идеологические основания религиозной политики КНР во время председательства Ху Цзиньтао // Клио. № 9 (141). 2018. С. 69-74.
309. Yang F. The red, black, and grey markets of religion in China // The Sociological quarterly. 2006. No. 47. Pp. 95-96. doi: 10.1111/j.1533-8525.2006.00039.x

Следовательно, направленность данных категорий варьируется от более ограничительного к менее ограничительному типу. Различия можно рассматривать как количественные: запрет всех; запрет всех, кроме одного; запрет всех, кроме некоторых; отсутствие ограничений. Китайская Народная Республика за короткий срок перешла от модели тотального запрещения к запрету всех, кроме некоторых.

В отличие от СССР, где КПСС возглавляла достижение коммунистического будущего без религии, и атеизм был до определенного времени официальной политикой; в КНР партийным идеалом являлось приведение масс к той форме общественного сознания, при которой сами массы осознают, что религия не является необходимой. В конце концов, «не КПК, а сами китайцы должны уничтожить религию»[310]. В «Докладе о рассмотрении крестьянского движения в провинции Хунань» (который станет идеологическим стандартом для дальнейшей политики в отношении сельской местности), написанный Мао Цзэдуном в 1927 г., сказано: «крестьяне сделали идолов и когда придет время, они будут свергать идолов своими руками; нет никакой необходимости кому-либо ещё преждевременно делать это для них»[311]. Таким образом, в эпоху Мао религия воспринималась как неантагонистическое противоречие, преодолеваемое не с помощью ожесточённой борьбы и насилия, но путём постепенного и планомерного преобразования. Следуя данной логике, каждое национальное меньшинство развивается своими темпами и, соответственно, в разное время откажется от религии. Что при этом должно было произойти с народами, например, хуэй, для которых этничность и религия представляют одно целое, остается неясным.

В 1954 г. эта же идея была отражена в ст. 88 первой Конституции Китайской Народной Республики, в которой говорится, что: «Граждане Китайской

310. DuBois T. D. Religion and the Chinese state: three crises and a solution // Australian journal of international affairs. 2010. Vol. 64. No. 3. P. 350. doi: 10.1080/10357711003736501
311. MacInnis D. E. Religious Policy and Practice in Communist China: A Documentary History. L.: Hodder & Stoughton. 1972. P. 11. URL: https://biblicalstudies.org.uk/pdf/rcl/01-2_09.pdf (дата обращения: 10.04.2019).

Народной Республики имеют свободу вероисповедания»[312]. В редакции Конституции 1982 г. также имеется ст. 36 - «граждане Китайской Народной Республики имеют свободу вероисповедания»[313]. С построением коммунистического атеистического общества необходимость в фиксации в Конституции права на свободу вероисповедания оказалась бы устаревшей. Вместо отказа от религии теперь от национальных меньшинств ожидают принятия контролируемой и регламентируемой версии их религий, которые стали интегральной частью идентичности многонационального китайского государства.

В период после культурной революции развитие религиозных общин принято описывать как возрождение. Тем не менее, официальная религиозная политика Китая в 2002-2012 гг. осталась весьма противоречивой, что не только обеспечивало центральное правительство определенным пространством для формулировки и разъяснения религиозных предписаний, но и предоставило значительную гибкость местным органам власти и религиозным общинам в интерпретации официальной политики[314]. Отношения между государством и религией прошли через драматические и непрерывные изменения начиная с падения последней монархической династии Цин. Но корни амбивалентности официальной религиозной политики КНР могут лежать в исторически сформировавшемся восприятии религии как политического инструмента, имеющего пропагандистскую и агрессивную направленность.

На протяжении всей истории Китая, все бунты, которые приводили к смене династии, имели определенные религиозные коннотации, большинство крестьянских восстаний в истории Китая были начаты под влиянием того или иного вероисповедания. Более того, религия была использована западными странами как один из методов подчинения Китая.

---

312. Constitution of the People's Republic of China 1954. URL: http://en.pkulaw.cn/display.aspx?cgid=52993&lib=law (дата обращения: 11.04.2019).
313. Конституция КНР 1982 // Chinalaw.center. 2018. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian (дата обращения: 10.04.2019).
314. Yu T. Solo, a duet, or an ensemble? Analyzing the recent development of religious communities in contemporary rural China. London: Europe China research and advice network Publ. 2012. P.5. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/ea73/73e94b370ff6a22274f727e2ea948398012e.pdf (дата обращения: 12.02.2019).

Например, одним из условий Тяньцзинских договоров, завершающих опиумные войны, было неограниченное и беспрепятственное распространения христианского учения в Китае, что способствовало восприятию христианских миссионеров как идеологического оружия агрессии. С 1840 по 1920 гг. было зарегистрировано более 600 случаев участия миссионеров в торговле опиумом, хищении земли и имущества и совершении множества иных преступлений[315].

Лидер Тайпинского восстания, Хун Сюцюань, на основе преломленного в его сознании христианства, стремился к свержению правящей маньчжурской династии и созданию «Небесного государства великого благоденствия», что привело страну к четырнадцатилетней крестьянской войне.

С вхождением страны в новую эру реформ и открытости, ситуация в религиозной политике стала постепенно меняться на противоположную, но тем не менее в современном Китае сохраняется убеждение, что западные антикитайские силы целенаправленно применяют религию с целью мобилизации внутренних диссидентских, инакомыслящих сил, в том числе, национальных меньшинств. Например, после событий на площади Тяньаньмэнь, министр общественной безопасности Тао Сицзюй обозначил основные субъекты, деятельность которых может привести к социально-политической нестабильности в Китае: приверженцы христианства, национальные меньшинства, проживающие на северо-западе страны, демократически настроенные студенты и антикитайские элементы за границей[316]. В 2009 г., во время нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей, Китай, согласно отчету исследовательского центра Pew Research, занял четвертое место после Саудовской Аравии, Ирана и Узбекистана в списке стран мира с ограничениями, накладываемыми правительством на религию[317]. В 2016 г.

315. Khan A. China Religious Policy. Strategic studies. 2008. No. 1. P.4.
316. Leung B. Morality and religion in China's rise // Improving the human destiny: proc. of int. conf. Hong Kong: Lingnan University. 2009. P.13. URL: http://commons.ln.edu.hk/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=hum_destiny_conf (дата обращения: 27.02.2019).
317. Global Restrictions on Religion // Pew Research Center. 2009. P.12. URL: http://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2009/12/restrictions-fullreport1.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

КНР стала первым из 198 государств по строгости ограничительных мер в религиозной сфере[318]. Высокий показатель объясняется целым рядом запретительных мер в отношении тибетского буддизма, религиозной практики среди уйгурских мусульман, запрещением движения Фалуньгун и давлением на религиозные сообщества, не зарегистрированные правительством, включая «подпольных» католиков и протестантские «домашние церкви»[319].

Столетия недоверия властных структур к религиозным конфессиям, не могли не повлиять на отношение к таковым и в рассматриваемый период.

Нормальная религиозная деятельность и убеждения в КНР защищены законом. При этом, в официальных документах не приведено юридическое разъяснение слова «нормальный» в данном контексте. Поддержание нормальной религиозной активности граждан в рамках, утвержденных режимом, начинается с определения самой религии. Согласно китайскому толковому словарю, религия[320] – это форма общественного сознания, основой которой является вера в существование сверхъестественной силы. Считается, что эта сила контролирует природу и общество, поэтому необходимо поклоняться и почитать её[321].

В уголовном кодексе КНР предусмотрено наказание за деятельность «организации сектантского и еретического характера» (статья 300)[322]. В 1999 г., во время кампании против Фалуньгун была выпущена серия документов, узаконившее подавление правительством так называемых «обществ еретических учений»[323]. В частности, 30 октября 1999 г. Постоянный комитет Всекитайского Собрания Народных Представителей принял Решение «О запрете,

---

318. Global Uptick in Government Restrictions on Religion in 2016 // Pew Research Center. 2018. June 21. URL: http://www.pewforum.org/2018/06/21/global-uptick-in-government-restrictions-on-religion-in-2016 (дата обращения: 04.02.2019).
319. Global Restrictions on Religion. Op.cit.
320. 宗教, цзунцзяо
321. 在线成语词典 // 宗教. URL: http://xh.5156edu.com/html5/z24m56j10020.html (дата обращения: 03.04.2019).
322. Criminal law of the People's Republic of China / National People's Congress. 1997. P. 77-78 URL: https://www.oecd.org/site/adboecdanti-corruptioninitiative/46814270.pdf (дата обращения: 12.02.2019).
323. 邪教组织, сецзяоцзучжи

предупреждении и ответственности за деятельность еретических организаций»[324], Верховный народный суд и Высшая народная прокуратура опубликовали судебное Разъяснение «О конкретном применении законов при рассмотрении уголовных дел об организации и деятельности еретических организаций»[325].

Среди документов «внутреннего пользования», предоставленных китайскими чиновниками, сочувствовавшим репрессированным религиозным группам, можно выделить «Информационное сообщение Министерства общественной безопасности №39 о различных вопросах, касающиеся выявления и запрещения культовых организаций» от 30 апреля 2000 г.[326]. Данный документ был разослан Министерством общественной безопасности КНР во все подразделения общественной безопасности на уровне провинций в качестве директивы об определении «еретического учения» среди прочих религиозных групп. Согласно документу, «любая организация со следующими характеристиками должна быть идентифицирована как организация «еретического учения»:

а. создание незаконный организации с целью религиозной практики, цигун практики.

б. обожествление лидеров.

в. создание и распространение суеверий и еретических убеждений.

г. использование различных средств для создания и распространения суеверий и еретических убеждений с целью вербовки и контроля членов организации посредством зарождения сомнений и обмана.

---

324. Decision on banning heretical cult organizations, preventing and punishing cult activities / The 12th Session of the Standing Committee of the Ninth National People's. 1999. URL: http://www.asianlii.org/cn/legis/cen/laws/dotscotnpcobhcopapca1356/ (дата обращения: 27.02.2019).
325. Detailed judicial explanations on laws regarding crimes committed by cults / The Supreme People's Court. 1999. URL: http://www.china-embassy.org/eng/zt/ppflg/t36568.htm (дата обращения: 12.02.2019).
326. Report analyzing seven secret Chinese governments' documents. Washington DC: Documents center for religious freedom. Freedom House Publ. 2002. 10 p. P.3.
URL: https://www.hudson.org/content/researchattachments/attachment/531/religiouslibertyfeb2002.pdf (дата обращения: 25.02.2019).

д. нарушение общественного порядка, наносящее ущерб жизни и собственности граждан[327].

Непризнанные организованные религиозные группы обозначаются как «организации еретических учений», в то время как неорганизованные религиозные течения отвергаются как «суеверия» (буквально «заблуждающиеся верования»)[328], «феодальные суеверия»[329] или «еретические жертвоприношения»[330]. Примерами неорганизованных религиозных течений являются фэншуй, гадания по «Книге перемен», жертвоприношения предкам[331], вера в духов, божеств и призраков[332]. Во всех обществах существуют институциональные религиозные убеждения и практики, которые включают в себя то, что называется народной религией. Неинституциональные убеждения и практика особенно распространены на Востоке. Таким образом, в рассматриваемый период правительство закрепило за собой прерогативу определения истинности и ложности религий, искоренения «феодальных суеверий» и «еретических учений».

Возрождение религиозной активности тщательно управляется государственным аппаратом на всех административных уровнях. Все религиозные группы должны быть зарегистрированы и принять управление одной из пяти официальных религиозных патриотических ассоциаций (представляющих буддизм, даосизм, ислам, католичество и протестантизм). В свою очередь, патриотические ассоциации во время председательства Ху Цзиньтао находились под идеологическим и административным контролем Государственного бюро по делам религий КНР, регулирующего осуществление религиозной политики на всех административно-территориальных уровнях. Бюро по делам религий

327. Notice on various issues regarding identifying and banning of cultic organizations (Doc. no. 39 by the Ministry of public security of the People's Republic China) // Chinese law and government. 2003. Vol. 36. No. 2. Pp. 22-23. doi: 10.2753/CLG0009-4609360222.
328. 迷信, мисинь
329. 封建迷信, фэнцзянь мисинь
330. 淫祀, иньсы
331. 祭拜, цзибай
332. Laliberté A. Religion and the state in China: the limits of institutionalization // Journal of current Chinese affairs. 2011. Vol. 40. P. 17. URL: https://d-nb.info/1024415481/34 (дата обращения: 08.02.2019).

соответственно подчинялось Рабочему отделу Единого Фронда ЦК КПК, также имеющего свои региональные отделения. Бюро по делам религий было распущено в 2018 г., передав все религиозные вопросы под управление Рабочего отдела Единого Фронта ЦК КПК, который теперь является главным связующим звеном между руководством КПК и группами меньшинств в Китае.

Отдел был главным государственным органом, контролирующим этнические, религиозные вопросы и дела соотечественников за рубежом. Также он консультировал Партию и Политбюро по религиозным вопросам и получал инструкции, касающиеся разработки нормативных актов.

В системе выстроенной иерархической вертикали власти (патриотические ассоциации → Бюро по делам религий → Рабочий отдел Единого Фронта), не признанные официально религиозные объединения (даже такие общепризнанные мировые религии как иудаизм и православие) не попадают под юрисдикцию Рабочего отдела Единого Фронта. Регулирование религиозной деятельности, происходящей за пределами пяти патриотических ассоциаций, в том числе и «народной религии», часто зависит от действий местных чиновников. Более того, «даже в рамках пяти официально признанных религий большая часть роста происходит за пределами контролируемых КПК патриотических ассоциаций и, следовательно, не находится под юрисдикцией Бюро по делам религий КНР. Например, «обширная «подпольная» католическая церковь примерно в три раза больше, чем официально признанная Китайская патриотическая католическая ассоциация»[333].

Соответственно, если общественные движения выпадают из-под контроля одного государственного органа, контроль осуществляется другими методами и другими организациями. Министерство общественной безопасности КНР осуществляет наблюдение и обеспечивают выполнение законов непризнанными религиозными движениями, в частности, «организациями еретических учений». Также под их юрисдикцию попадают религиозные движения,

333. Madsen R. The upsurge of religion in China // Journal of Democracy. 2010. Vol. 21. No. 4. P. 61. URL: https://www.journalofdemocracy.org/wp-content/uploads/2012/01/Madsen-21-4.pdf (дата обращения: 19.03.2019).

официально признанные или нет, несущие угрозу государственной безопасности.

Для Коммунистической партии Китая крайне важен практическая отдача религии: способствует ли данная религиозная организация функционированию «гармоничного общества»[334] под руководством партии?

С трибуны XVII съезда компартии Китая в октябре 2007 г. председатель Ху Цзиньтао недвусмысленно связал религию с социальной гармонией, заявив, что «укрепление гармонии в отношениях между политическими партиями, этническими и религиозными группами, социальными слоями и нашими соотечественниками как внутри страны, так и за рубежом, играет незаменимую роль в поддержании единства и концентрации сил ... Мы полностью реализуем основной принцип Партии для работы, связанной с религией, и задействуем позитивную роль представителей религиозных групп и верующих в экономическом и социальном развитии»[335].

С целью развития морали социалистического общества и решения проблемы потери нравственных ориентиров в китайском обществе получают развитие идеологические лозунги с конфуцианским акцентом. Например, в статье «Руководящие и партийные кадры должны изучать классическую культуру», опубликованной в конце 2006 г., высокопоставленный военный чиновник Сюй Чжисин утверждает, что «конфуцианская культура является сутью китайской культуры, от которой мы не можем дистанцироваться при построении гармоничного социалистического общества. … Каждый из наших партийных работников должен развивать духовные качества конфуцианской культуры, стремясь к высшим моральным качествам и поведению»[336]. В 2012 г. запрос на вы-

---

334. 和谐社会, хэсешэхуэй

335. Доклад генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде КПК. 2007. 15 октября. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm

336. Чжисинь Сюй. Линдаоганьбу сюэ идянь хуаньтун вэньхуа, жухэ? (Как ведущие кадры изучают традиционную культуру?). 2006. URL: http://theory.people.com.cn/GB/49150/49152/4512262.html (дата обращения: 04.03.2019).

сокие моральные качества чиновников был внесен в Устав КПК: «Подбор кадров должен идти по принципу учета моральных и деловых качеств, но прежде всего моральных, важно твердо держаться отбора людей со всех концов страны и назначения их с учетом личных достоинств. Партии нужно уделять больше внимания контролю за кадрами. Руководящие партийные работники всех уровней обязаны отстаивать принципы, соблюдать партийность, следить за своим поведением и показывать личный пример»[337].

Конфуцианство развивалось две с половиной тысячи лет и по своей сути является этико-философской системой, которая побуждает людей уважать тех, кто выше них, и быть добрыми к тем, кто ниже. Такой порядок способствует социальной стабильности и политической лояльности, которые, очевидно, очень желательны для тех, кто находится у власти.

Движение за возрождение конфуцианства, начатое в конце 1970-ых годов группой интеллектуалов, было быстро поддержано Коммунистической партией Китая. К середине 80-х годов местные власти начали восстанавливать конфуцианские храмы, устанавливать статуи Конфуция, поддерживать религиозный туризм. Конфуцианский храмовый комплекс в Цюйфу, на родине Конфуция, был расширен и в 1994 г. занесен ЮНЕСКО в Список объектов мирового культурного наследия[338].

План культурного развития, входящий в план XI пятилетки (2006-2010), прямо оговаривает (часть 7, раздел 29) потенциально позитивную роль и необходимость проведения праздников и обычаев «с особым вниманием к реорганизации их содержания и ритуалов, фестивалей и народных традиций, которые олицетворяют и содействуют развитию сильного национального характера». В плане упоминается большое количество крупных праздников, таких как китайский новый год, праздник фонарей, день поминовения усопших и

337. Резолюция XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая по проекту пересмотренного устава КПК. 2012. 14 ноября. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/15/content_27124059.htm
338. DuBois T. D. Op.cit. P. 355.

другие. Документ также акцентирует внимание на необходимости интеграции традиционной культуры с социалистическим наследием[339].

С 2004 г. государственные телевизионные компании два раза в год транслируют тщательно разработанные пышные празднества в конфуцианском храмовом комплексе Цюйфу с участием высокопоставленных чиновников из Пекина и столицы провинции Шаньдун города Цзинань[340]. Подобные церемонии начали проводиться в храмах по всей стране. Церемонии проводят профессиональные исполнители, часто в костюмах чиновников времен императорского Китая, делая их больше похожими на развлечение для туристов, чем на религиозный обряд[341]. Церемонии, связанные с культами, посвященным великим мифическим и божественным государям, таким как Юй Великий (в г. Шаосин, провинция Чжэцзян) или Хуан-ди, Желтый император (провинция Шэньси) также «все чаще становятся объектом широкого освещения в средствах массовой информации»[342].

Конечно, увлечение традиционной культурой в рассматриваемый период вышел далеко за пределы каких-либо политических рамок и распространяется в повседневной практике. Примеры этого явления в массовой культуре современного Китая многообразны: открытие частных школ с углубленным изучением классического искусства, изучение канонических текстов и поощрение детей к чтению классической литературы, возвращение популярности элементов традиционной одежды, увеличивающиеся число тематических интернет-сайтов, всё большее распространение телевизионных шоу на историче-

339. Outline of the National “11th Five Year Plan” Period Cultural Development Plan. URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2006/09/13/outline-of-the-national-11th-five-year-plan-period-cultural-development-plan/ (дата обращения: 20.03.2019).
340. Wang C. Old sage for new age? The revival of religious Confucianism in China // Politics and Religion Journal. 2012. Vol. 6. No. 2. P. 271. URL: https://www.politicsandreligionjournal.com/index.php/prj/article/view/93/95 (дата обращения: 02.04.2019).
341. Wang C. Op. cit. P.293.
342. Billioud S. Confucianism, "cultural tradition" and official discourses in China at the start of the new century // China perpectives. 2007. No. 3. P.59. URL: http://chinaperspectives.revues.org/2033 (дата обращения: 20.03.2019).

ские темы. В качестве примера здесь можно привести грандиозный успех телевизионного шоу «Лунь Юй» с популярной актрисой Ю Дан, предлагающей современные интерпретации высказываний великого мудреца.

Конфуцианство вошло и в учебные классы, многие колледжи и университеты предлагают курсы по философии Конфуция: Пекинский педагогический университет, Восточно-китайский педагогический университет, Фуцзянский педагогический университет, Хэнаньский Университет, Цюйфуский Педагогический Университет и другие. Во время Культурной революции конфуцианство в колледжах и университетах не было объектом научного анализа, но только «безжалостной критики». Однако, с течением времени задача стала заключаться в том, чтобы анализировать и изучать мысли Конфуция и его последователей беспристрастно, ассимилировать сущность, поставить наследие Конфуция на службу политической реальности[343].

Популярный запрос отразился в выпуске множества статей и специальных выпусков крупных национальных журналов, посвященных идентичности, традиционной культуре и истории, религиозному и конфуцианскому возрождению[344]. На популярном уровне Китай в настоящее время переживает исключительный момент повторного открытия и переосмысления традиционной культуры, которая была подавлена в течение длительного времени.

По свидетельству Чэнь Мина, одного из лидеров движения за возрождение конфуцианства, в середине девяностых годов, когда, вдохновленный неоконфуцианством, он основал специализированный журнал, никто не проявил к этому никакого внимания, массовый интерес возник только пять лет назад[345], т.е. в 2007 г.

Но самой знаковой чертой «культурной лихорадки» стало возвращение интереса к религии в ханьской среде, и это несмотря на атеистическую индок-

---

343. Li Q. A survey of Confucius studies in China today // Copenhagen Journal of Asian Studies. 1991. Vol. 6. P. 11. doi:10.22439/cjas.v6i1.1797
344. Billioud S. Op. cit. P.51.
345 Wang C. Op. cit. P.290.

тринацию китайских граждан начиная с самого раннего возраста, в секуляризованном обществе, где любое религиозное верование считалось реакционным и антинаучным. Люди, которые были убежденными атеистами или просто не были заинтересованы в религии, все чаще обращаются к религии за ответами на фундаментальные вопросы бытия[346]. Конечно, главным образом, религиозные убеждения подавляющего большинства китайцев находят внешнее выражение, в основном, в семейном контексте ежедневных ритуалов на стыке буддизма, даосизма и конфуцианства и не обусловлены принятием конкретной доктрины или присоединением к определенной церкви[347].

Религиозная политика КНР направлена не только на поддержание строгого политического контроля над религиозными организациями, но и является неотъемлемой частью формирования национальной идентичности.

Согласно Государственному управлению по делам религий, целью политики Китая по защите свободы религиозных убеждений является объединение всех людей, независимо от их религиозной принадлежности или её отсутствия для приложения всех усилий по созданию сильной современной социалистической нации[348].

В начале двухтысячных годов конфуцианство начало открыто и настойчиво претендовать на то, чтобы представлять суть китайской культуры. От этико-философской системы конфуцианство к началу XXI века прошло путь до религиозной традиции. Если раньше могли возникать ассоциации с императорским Китаем, то Коммунистическая партия Китая при руководстве «четвертого поколения» приложила все усилия для переоценки конфуцианства в современных терминах. Претензии конфуцианства на замену собой полноценной религиозной системы основаны исключительно на цивилизационных мотивах, на стремлении к формированию национальной идентичности в КНР.

346. Ferber M.P. Peng’s proposal for special religious zones in China // Sociology and anthropology. 2013. No. 1(2). P. 60. doi:10.13189/sa.2013.010203
347. Cohen M.L. Religion in a state society: China. Asia: Case Studies in the Social Sciences. New York: M.E. Sharpe. 1992. P.2. URL: http://www.columbia.edu/itc/eacp/japanworks/cosmos/main/religion_in_state_society.pdf (дата обращения: 15.03.2019).
348. Ferber M.P. Op. cit. P.60.

Следует признать, что конфуцианству сознательно, хотя и не официально, придан статус государственной религии.

Существует мнение, что глубокозначимая национальная идентичность в КНР может быть построена исключительно на основе конфуцианства, но другой функцией конфуцианства в начале XXI века стало укрепление морали в обществе. Риторика этики и морали чрезвычайно податлива и большинство китайских политиков нашло способ использовать язык и идиомы[349] конфуцианского морального возрождения. Принятая политическая задача конфуцианства по установлению социальной гармони, порядка и умиротворения Поднебесной, и позитивистский подход к её исполнению сочетается со сложной религиозной системой КНР.

Среди всех этико-философских систем и религиозных учений, распространённых в Китае, конфуцианство – самое политически ангажированное, главное средство противодействия западным ценностям индивидуализма и неконтролируемой личной свободы, оно претендует на репрезентацию всего Китая и исключительно китайский вклад в лучшее будущее всего мира. Таким образом, конфуцианство становится символом китайской культуры, китайских традиций и Китая вообще.

Нарастание коллективной увлеченности идей национальной идентичности отлично от национализма. Поднимаемые вопросы касаются не утверждения легитимности на внутриполитическом фронте, но установления национальной самоидентификации по отношению к иностранной культуре в эпоху глобализации. В то же время в КНР и за рубежом растет интерес к тому, как рассказывать и объяснять историю успеха Китая.

В 2004 г. был запущен глобальный проект Института Конфуция, который насчитывает, согласно информации официального сайта, 525 отделений во всех частях света[350]. Ссылка на конфуцианство при продвижении по всему

---

349. Идиома – устойчивое сочетание языковых единиц, смысловое значение которого не выводимо из значения его компонентов.
350. Official web site of Confucius Institute. URL: http://english.hanban.org/node_10971.htm (дата обращения: 20.03.2019).

миру китайского языка, может быть смело добавлена к инструментарию, используемому КНР для продвижения китайской «мягкой силы» за рубежом. Конфуций и конфуцианские идеи стали новым лицом китайской культуры. В то время, как КПК активно восстанавливала общественный интерес к конфуцианству, не следует забывать, что также активно происходил выбор, какие из религиозных течений следует поддерживать, а каких постепенно забывать.

Религиозные практики, как и другие формы культурных систем, полностью не отделимы от их социального, политического и исторического контекстов. КПК воспринимает религию как моральную подоснову и позитивный фактор, поддерживающий стратегию развития страны. При этом, ограничительные меры, вводимые КПК, говорят о том, что партия осознает и опасается потенциальной мобилизационной силы религии.

Установка статуи Конфуция на площади Тяньаньмэнь зимой 2011 г. была интерпретирована как символическое свидетельство приоритета конфуцианства в религиозной жизни КНР, но через несколько месяцев без каких-либо объяснений статуя была убрана с площади[351]. Эта последовательность событий говорит о том, что даже к концу председательства Ху Цзиньтао идеологические основания религиозной политики КНР еще находились в процессе формирования.

Сторонники парадигмы бинарной оппозиции считают, что следующие пары понятий, противоположных по смыслу, присущи отношениям между государством и религией в Китае (традиционный/еретический, религия/суеверия, элитарный/массовый, институционализированный/разобщенный, гомогенный/гетерогенный) и что стремление государства состоит в том, чтобы обеспечить соблюдение ранее существовавшего разделения[352]. Хотя все эти пары имеют свои собственные истории и семантические поля[353], они связаны

351. Laliberté A. Op.cit. P.8.
352. Goossaert V. State and religion in modern China: religious policies and scholarly paradigms Rethinking modern Chinese history: proc. of int. conf. Taipei: Academia Sinica Publ. 2005. P.17. URL: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00106187/document (дата обращения: 14.03.2019).
353. Семантическое поле – совокупность слов различных частей речи, объединенных общим смысловым признаком.

и нередко считаются взаимозаменяемыми. Во всех из них первый термин относится к тому, что государство одобряет или, по крайней мере, терпит, а второй - к тому, что оно не одобряет и стремится более или менее активно подавлять. Основное преимущество этой парадигмы состоит в том, что с её помощью возможно обосновать противоречивую государственную религиозную политику, отличающуюся в зависимости от объекта применения.

Тенденции, наметившиеся в религиозной жизни Китая в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей, выходят за рамки «возрождения» религии, следует признать, что многомерные изменения распространяются как духовную, так и на материальную сферы жизни.

ГЛАВА III. Фактор тибетского буддизма при формировании национальной идентичности в КНР

III.1. Особенности религиозной политики по отношению к тибетскому буддизму в 2002-2012 гг. [354]

В дискурсе об идентичности некоторых этнических групп существует определенная сопряженность между религией и этнической принадлежностью. Ярким примером является случай тибетцев и тибетского буддизма. Тибетский буддизм - важный элемент интеграции и конструирования идентичности тибетского общества, что, несомненно, усиливает как позитивные, так и негативные эффекты китайской религиозной политики в отношении этой конфессии. Сопротивление государственной религиозной политике со стороны тибетцев во многом тождественно защите их самобытности, постепенно отступающей перед государственным гомогенизационным проектом.

Китайское правительство признает официально пять религий: католицизм, протестантизм, ислам, буддизм и даосизм. Последователи каждой из пяти религий вступают в официальную религиозную ассоциацию, которая является их официальным представителем в государственном аппарате. Согласно документу №19 ЦК КПК от 1982 г. ст.7, одними из основных задач патриотических религиозных ассоциаций являются «помощь широким массам верующих и религиозным деятелям в постоянном повышении их патриотического и социалистического сознания,…(а также) быть связующим звеном для партийной и правительственной работы по привлечению, объединению и просвещению людей в религиозных кругах»[355].

---

354. Материалы данного параграфа были опубликованы в статье: Помелова Ю.П., Лычагин А.И. Религиозная политика в отношении монастырей тибетского буддизма в КНР в период председательства Ху Цзиньтао // Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XII Международной научно- практической конференции. 2019. С. 299-304.

355. Document No. 19: The Basic Viewpoint and Policy on the Religious Question during Our Country's Socialist Period // Central Committee of the Chinese Communist Party. 1982. URL: https://www.purdue.edu/crcs/wp-content/uploads/2014/08/Document_no._19_1982.pdf (дата обращения: 05.04.2019).

Тибетский буддизм представлен в КНР Буддистской ассоциацией Китая, выполняющей множество функций – от публикации сутр[356] до обучения высших монахов в Академии тибетского буддизма. Конечно же, спектр деятельности Буддистской ассоциации Китая не удовлетворяет религиозных потребностей тибетцев. Как и все религии, тибетский буддизм – это набор религиозных доктрин и догм, которые являются общепринятыми и составляют основу моральных и этических ценностей. Но более того, тибетский буддизм - это институциональная сеть монастырей, охватывающая все районы, населенные тибетцами, которые также функционируют как образовательные центры, сохраняющие и изменяющие религиозную традицию. При анализе религиозной политики КНР в отношении тибетского буддизма в 2002-2012 гг., особое внимание следует уделить второму уровню.

В обществе, где тесно переплетены монашеский и мирской образы жизни, идея благополучия общества и культуры неотделима от благополучия монастырей. Монастыри, с их более чем тысячелетней историей, располагают ресурсами для поддержания и развития тибетской этнической самобытности и культуры. Среди мирян также распространена точка зрения, что целью монастырей является распространение и сохранение тибетской культуры[357]. Буддизм как точка опоры тибетского общества с момента вхождения региона в состав КНР представлял потенциальную угрозу авторитету КПК. Соответственно, монастыри, сосредоточившие религиозную и политическую власть, стали объектом особого внимания со стороны партии. Особенно сильно монастыри пострадали во время культурной революции (1966-1976 гг.), но, к началу XXI века, было восстановлено большинство монастырских комплексов. Тем не менее, население монашеских обителей не восстановилось из-за ограничительной политики Коммунистической партии Китая.

---

356. Сутра – один из жанров священного буддийского текста, содержащего, по представлениям буддистов, наставления и проповеди Будды Гаутамы.

357. Härkönen M. The Changing Place of Religion and the Question of Secularization in the ‘Modernization’ of Tibet // Global and Local Encounters: Norms, Identities and Representations in Formation. 2009. No. 25. P. 51. URL: https://www.researchgate.net/publication/237442421_The_Changing_Place_of_Religion_and_the_Question_of_Secularization_in_the_'Modernization'_of_Tibet (дата обращения: 06.04.2019).

Конечно, численный состав сангхи[358] сейчас меньше, чем в XVIII веке - в 1737 г. монахов было более 316 000 человек (или 35% от общего населения), но несравнимо больше, чем в 1976 году, когда после Культурной Революции осталось 800 монахов, живущих в восьми монастырях[359].

Согласно официальной статистике, в 2018 г. всего в КНР действовало 3600 монастырей тибетского буддизма[360]. По данным правительства, которые неизменно прослеживаются в Белых книгах за 1998 г. и 2015 г., в Тибетском Автономном Районе (ТАР) имеется 1787 объектов религиозной деятельности, где служат более 46 000 монахов[361,362]. За семнадцать лет данные в Белых книгах о числе монахов и монастырей не изменились. При этом, по свидетельству Панчен-Ламы XI[363], в 2015 г. в провинции Сычуань было 783 монастыря, в которых проживали 68 000 монахов, а в провинции Цинхань имелось 660 монастырей с проживающими там 44 000 монахами[364]. Таким образом, в ТАР приходится меньше монахов на один объект религиозной деятельности, чем в провинциях Сычуань и Цинхань.

Хотя и нет точных данных о количестве верующих мирян в тибетском буддизме, принято считать, что подавляющее большинство из 6,28 млн.

---

358. Сангха – буддийская община, членами которой являются монахи и монахини. Может обозначать всех буддийских монахов в мире или монахов, принадлежащих к конкретной школе или проживающих в конкретном монастыре. Употребление одного термина для общин разных размеров объясняется подчинением всех монахов и монахинь единому уставу Виная-питаки (свод правил монашеской общины, первая из трех частей буддийского священного писания Типитака).
359. Ma R. Population and Society in Contemporary Tibet. Hong Kong: University Press, 2011. P.149, 158.
360. Белая книга «Политика и практика обеспечения свободы вероисповедания в Китае» // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. 2018. URL: http://russian.people.com.cn/n3/2018/0527/c31521-9464480.html (дата обращения: 13.04.2019).
361. Белая книга «Новый прогресс в защите прав человека в Тибете» // Пресс-канцелярия Госсовета КНР. 1998. URL: http://russian.china.org.cn/russian/32982.htm (дата обращения: 17.04.2019).
362. White book “Successful Practice of Regional Ethnic Autonomy in Tibet” // The State Council Information Office. 2015. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2015/09/06/content_281475183815861.htm (дата обращения: 17.04.2019).
363. Панчен-лама – титул духовного лидера в тибетском буддизме, вторая по рангу линия преемственных воплощений в школе тибетского буддизма гелуг после далай-ламы. Панчен-лама часто является наставником далай-ламы и играет основную роль в признании нового далай-ламы. Считается воплощением будды Амитабхи.
364. China attempts to legitimize its Campaign for Tibet on April // International Campaign for Tibet. 2015. Apr. 21. URL: http://www.savetibet.org/china-attempts-to-legitimize-its-panchen-lama-through-a-major-speech-as-the-real-panchen-lamas-birthday-approaches/ (дата обращения: 17.04.2019).

тибетцев, живущих в Китае[365], занимаются каким-либо видом постоянной религиозной практики, если только они не являются членами Коммунистической партии Китая.

В Тибетском автономном районе, согласно циркуляру, обнародованному Комиссией по проверке дисциплины КПК ТАР в 2012 г. «членам партии, правительственным чиновникам и студентам запрещено участвовать в религиозных мероприятиях, каких как Сага-Дава[366] и другой религиозной деятельности»[367]. Также чиновники и партийные кадры должны были разрешить обыск в своих домах на предмет алтарей, религиозных изображений и любых других культовых принадлежностей[368].

В каждой из Белых книг Госсовета КНР, посвященных тибетскому вопросу, есть глава о защите и уважении местной культуры и верований, в которой перечисляются успехи правительства в деле эффективной защиты «тибетского буддизма как части традиционной тибетской культуры»[369]. Точнее, «чтобы удовлетворить потребности верующих, государством были предприняты большие усилия для сохранения монастырей, культурных реликвий и мест исторического значения»[370]. Из астрономической суммы финансовых субсидий в 648,08 миллиардов юаней, выделенных Тибету центральным правительством с 1952 до 2014 гг.[371], в 2001 г., например, был выделен «специальный фонд в размере 330 миллионов юаней для ремонта дворцов Потала и Норбулинка, монастыря Сакья»[372]. Также, чтобы обеспечить благожелательное отношение сангхи, правительственные льготы

---

365. 民族的人口 1-6 //中国2010年人口普查资料各地区分. Чжунго 2010нянь жэнькоу пучжа цзы-ляогэдицюйфэнь (Данные переписи населения КНР 2010 года по регионам). URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm (дата обращения: 17.04.2019).
366. Сага-Дава – один из главных буддистских праздников, посвященный трем главным событиям в жизни Будды Гаутамы: рождению, просветлению и уходу в паранирвану.
367. Barnett R. Restrictions and Their Anomalies: The Third Forum and the Regulation of Religion in Tibet // Journal of Current Chinese Affairs. 2012. Vol.4. No. 41. P. 84.
368. Schwartz R. Religious Persecution in Tibet // Canada Tibet Committee. 1999. P.3. URL: http://www.tibet.ca/_media/PDF/Religious-Persecution-in-Tibet.pdf (дата обращения: 04.02.2019).
369 White book “Protection and Development of Tibetan Culture” // The State Council Information Office. 2008. URL: http://www.bjreview.com/special/tibet/txt/2008-10/14/content_156885_3.htm (дата обращения: 12.02.2019).
370. Там же.
371. White book “Successful Practice of Regional Ethnic Autonomy in Tibet”. Op. cit.
372. White book “Protection and Development of Tibetan Culture”. Op. cit.

распределяют на индивидуальном уровне. Например, «согласно «Временным правилам участия монахов Тибетского автономного района в программах социального страхования» 2012 г., все состоящие на учете монахи получили право на медицинское страхование и пенсионное обеспечение»[373]. Достаточно очевидно, что главным мотивом государственного финансирования сангхи является отнюдь не поддержание тибетской религиозной традиции, а обеспечение максимальной лояльности тибетцев и молчания правозащитных организаций.

Пример тибетского буддизма иллюстрирует тот факт, что официальное понимание и восприятие религии и религиозной деятельности имеет свои пределы и может не удовлетворить последователей этой веры. Еще в XVIII веке, в «Дацин люйли» (Основных законах и постановлениях Великой династии Цин) была выражена суть отношения к буддийским монахам со стороны китайского государства: «эти люди (т.е. китайские буддийские монахи) не пашут и не имеют ремесла или профессии; поэтому они одеваются и едят за счет людей; зачем тогда мы позволим им строить (монастыри) и тем самым тратить впустую богатство людей?»[374].

«Точка зрения властей, доминировавшая и в рассматриваемое нами десятилетие, дополняется убеждением, что деятельность монашеских общин представляет собой злоупотребление религией и религиозной свободой, гарантированными Конституцией»[375]. Вмешательство властей в деятельность монастырей часто оправдывается участием монастырей в движении за независимость Тибета. С тибетской точки зрения, организация и участие в протестах тибетских монахов и монахинь является логическим продолжением их традиционной роли в обществе. Протесты тибетских монахов является

---

373. Афонина Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.): диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 // Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. 2016. С.144.
374. De Groot J.J.M. Sectarianism and Religious Persecution in China. Amsterdam: Johannes Müller. 1903. 286 p. URL: https://archive.org/details/sectarianismreli01groo/page/n8 (дата обращения: 08.03.2019).
375. Slobodník M. Religious Policy towards Tibetan Buddhism in the People’s Republic of China // Rozhledy. 2014. Vol. 1. No. 12. P.116. URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/125083/2_Religio_12-2004-1_9.pdf?sequence=1 111-121 XII/2004/1/Rozhledy (дата обращения: 10.03.2019).

логическим продолжением их традиционной роли в обществе. По данным Международной федерации за права человека на 2013 г., монахи и монахини составляли 58% от всех политических заключенных КНР, при этом из 824 тибетских политзаключенных 479 являлись монахами или ламами-перерожденцами[376]. Всякое политическое давление на монашескую общину, а тем более репрессии вызывают протесты сангхи, пользущейся большим авторитетом среди тибетцев.

Масштабные протесты 2008 г., когда более 150 преимущественно мирных демонстраций прошли в ТАР и других регионах, а в Лхасе обернулись погромами ханьских и хуэйских магазинов, сожжениями машин и насилием в отношении ханьцев, начались именно с марша монахов монастыря Дрепунг в память восстания 1959 г. События 2008 г. явились поворотной точкой в религиозной политике Коммунистической партии Китая. Новая, более жесткая политика, направлена на то, чтобы «не допустить участия монахов в деятельности по расколу Родины и нарушению общественного порядка»[377].

Ужесточение мер религиозной политики после 2008 г. повторяет реакцию властей на восстания 1987-1989 гг. Очевидно, протестная деятельность тибетской сангхи приводит к усилению контроля со стороны властей и принятию большого числа ограничительных мер.

Методы контроля китайских властей над религиозными практиками в тибетских этнических районах отличаются от региона к региону. В то время как в Тибетском автономном районе жесткая религиозная политика реализовывалась на фоне постоянной напряженности в сино-тибетских отношениях, то «в провинциях Сычуань, Цинхай и Ганьсу (в состав которых входят Кхам и Амдо), религиозная политика принимала несколько более мягкие формы»[378].

---

376. Chinese crackdown on Tibetan Buddhism / Ed. A. Bernard. P.: International Federation for Human Rights. 2003. P.12. URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/en-report-tibet-4.pdf (дата обращения: 10.03.2019).
377. China: Tibetan Monasteries Placed Under Direct Rule // Human Rights Watch. 2012. Mar. 16. URL: https://www.hrw.org/news/2012/03/16/china-tibetan-monasteries-placed-under-direct-rule (дата обращения: 28.04.2019).
378. Bělka L., Slobodník M. The revival of Tibetan Buddhism in Inner Asia: a comparative perspective // Asian and African studies. 2002. Vol.1. No.77. P.34.

Кхам и Амдо, в противоположность Центральному Тибету и особенно Лхасе, не являются центрами сепаратистских настроений, поскольку имеют более многонациональный состав (в том числе значительное ханьское и хуэйской население), более удобное географическое расположение относительно густонаселенной восточной части Китая. Более мягкая политика в отношении данных регионов может служить примером того, как выражение лояльности к Коммунистическая Партия Китая может быть связано с улучшением условий жизни и сохранением культурного наследия.

С 2004 г. увеличилось количество новых документов, регулирующих религиозную сферу, что говорит об особом внимании со стороны КПК к формированию и осуществлению религиозной политики. Основными документами, определявшими религиозную политику КНР в отношении тибетского буддизма в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей, стали: Положение «О религиозной деятельности» 2005 г., «Меры по исполнению Положения 2005 г. «О религиозной деятельности» в Тибетском автономном районе»» 2007 г., «Меры по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме» 2007 г. и «Меры по управлению тибетскими буддийскими монастырями» 2010 г.

Законодательные меры регулируют все возможные аспекты религиозной жизни, приведем лишь часть законодательных актов: «Правила учета религиозных служителей» 2007 г., «Правила учреждения религиозных учебных заведений» 2008 г., Положение «О религиозных делах и мерах финансового надзора и управления местами религиозной деятельности» 2010 г., «Правила назначения настоятелей монастырей тибетского буддизма» 2011 г.

Регламентации подверглись все сферы религиозной деятельности, законодательные акты охватывали национальный, провинциальный и окружной уровни и регулярно приходили на смену старым положениям. Каждые из выпущенных «Мер» заново устанавливают законодательные нормы. Они не содержат статей, указывающих, что новые меры дополняют или

заменяют предыдущие меры. Например, «Меры по исполнению Положения 2005 г. «О религиозной деятельности»» в Тибетском автономном районе» 2007 г. отменили «Временные меры по управлению религиозными делами в Тибетском автономном районе» 1991 г.

Религиозная политика КНР в отношении тибетского буддизма охватывала религиозную деятельность на институциональном уровне (т.е. проводилась (и проводится) в отношении сети монастырей и их служителей), на уровне духовных лидеров (регулирование поиска, идентификации и обучения тулку, например, принятие «Мер по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме»); на доктринальном и на индивидуальном уровнях (т.е. по отношению к мирянам).

III.2.1. Регистрация объекта религиозного назначения

Вся жизнедеятельность буддистского монастыря в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей была окончательно институционализирована. Монастыри стали элементом китайской бюрократической системы. Во «Временных мерах по управлению тибетским буддизмом в уезде Аба» (Нгава-Тибетско-Цянский автономный округ провинции Сычуань) обозначены 24 государственных органа, задействованных в администрировании монастырей в уезде, среди них есть и ведомства юстиции, государственной безопасности и иностранных дел (статья 4)[379].

В 2005 г. вступило в силу принятое Госсоветом Положение «О религиозной деятельности» – первое административное постановление, комплексно регламентирующее деятельность религиозных общин. Особый акцент в документе сделан на обязании буддистских монастырей и любого другого объекта религиозного назначения, включая церкви и мечети, регистрировать свою деятельность, начиная с согласования строительства, в местном Бюро по делам

379. 阿坝州人民政府关于印发阿坝藏族羌族自治州藏传佛教事务管理暂行办法的通知. Эбачжоу жэньминьчжэнфу гуаньюйиньфа эбацзанцзуцянцзуцзычжичжоу цзансхуаньфоцзяо шиугуаньлицзаньсин баньфадэ тунчжи (Временные меры по управлению тибетским буддизмом в уезде Аба Нгава-Тибетско-Цянский автономного округа). Народное правительство провинции Сычуань Нгава-Тибетско-Цянский автономного округа). 2009. URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=297813

религий. Регистрация подразумевает соблюдение правил, установленных правительством, и предполагает принятие ряда требований для того, чтобы религиозный центр функционировал исключительно в соответствии с законами КНР.

Вышеупомянутое положение регламентирует проведение массовых религиозных мероприятий, издание религиозной литературы, управление имуществом религиозных общин. Любые работы по расширению, восстановлению или ремонту зданий монастыря (ст. 16 Мер по исполнению Положения 2005 г. «О религиозной деятельности» в ТАР от 2007 г.), включая строительство ступ или молитвенных барабанов (ст. 13 Мер по исполнению Положения 2005 г. «О религиозной деятельности» в ТАР от 2007 г.), должны быть одобрены властями[380]. Часто в разрешении отказывают, даже если монастырь и миряне готовы оплатить расходы[381]. Таким образом, религиозные общины могут проводить обряды только в определенных местах, прошедших процедуру регистрации и только с помощью служителей, получивших на то официальное разрешение.

III.2.2. Деятельность Комитетов по управлению монастырями

Влияние партии в тибетских буддийских монастырях в первую очередь поддерживается деятельностью Комитетов по управлению монастырями[382] (до февраля 2012 г. они назывались Демократические комитеты по управлению. Начиная с 1981 г. Комитеты должны были создаваться в каждом вновь открытом монастыре. Комитет состоял из старших монахов данного монастыря, утвержденных местным Бюро по делам религий и отвечающих за все административные, экономические, финансовые, образовательные вопросы, а также вопросы производства и безопасности, связанные с

380. Decree of the State Council of the People's Republic of China No.426 "Regulations on Religious Affairs" // 57th Executive Meeting of the State Council. 2005. URL: http://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/200803/t20080328_31641.html (дата обращения: 11.03.2019).
381. No Faith in the State. Tibetans Speak about Religious Restrictions / Ed. A. Holmes. L.: Tibet Watch, 2007. P.26.
382. 寺院管理委员会, сыюань гуаньли вэйюаньхуэй

монастырем[383]. Комитет должен был обеспечивать подчинение монахов государственным законам и выполнение ими положений религиозной политики КПК.

В 2010 г. были приняты общенациональные «Меры по управлению тибетскими буддийскими монастырями», подготовленные Государственным Бюро по делам религий КНР. Подобные документы также были приняты в большинстве тибетских автономных округов. В «Мерах по управлению тибетскими буддийскими монастырями» впервые прописаны требования ко всем Демократическим комитетам по управлению монастырями: их состав, требования к членам, подробный перечень основных функций (ст. 8-14)[384].

В конце срока председательства Ху Цзиньтао, в 2012 г., была принята новая политика, известная как «Механизм полного долгосрочного управления тибетскими буддийскими монастырями», направленная на «обеспечение того, чтобы монахи не участвовали в действиях по разделению родины и нарушению общественного порядка»[385].

В её рамках был издан меморандум, обязывающий «на постоянной основе разместить кадры в основных монастырях для дальнейшего совершенствования управления монастырями»[386]. До этого, начиная с 1987 г., года начала масштабных демонстраций в Лхасе, официальные рабочие группы только временно проживали в монастырях, хотя такие визиты могли длиться несколько месяцев[387]. Рабочие группы выступали в качестве посредника между местным Бюро общественной безопасности и монастырями, проводили кампании по патриотическому образованию, расследования с целью выявления инакомыслящих.

---

383. Slobodnik M. Religious Policy towards Tibetan Buddhism in the People’s Republic of China. Op. cit. P.5.
384. 国家宗教事务局令第8号《藏传佛教寺庙管理办法». Гоцзя цзунцзяо шиуцзюйлин дибахао «Цзанхуань фоцзяо сымяо гуаньли баньфа» (Приказ Государственного управления по делам религий № 8 «Меры по управлению тибетскими буддийскими монастырями»). Государственное Бюро по делам религий. 2010. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2010-10/08/content_1717257.htm
385. China: Tibetan Monasteries Placed Under Direct Rule. Op. cit.
386. Ibid.
387. Cook S. A Freedom House Special Report: The Battle for China’s Spirit // Freedom House. 2017. P. 95. URL: https://freedomhouse.org/report/china-religious-freedom (дата обращения: 05.04.2019).

По словам секретаря Комитета КПК в ТАР Чэнь Цюаньго (2011-2016), согласной новой политике, кадры, размещенные в монастырях, не только должны обеспечить, чтобы монахи «стали важной силой в соблюдении законов, поддержании стабильности, строительстве гармонии, реализации лозунга «любить свою страну и религию», но также должны установить дружеские отношения с монахами и собирать информацию о них и членах их семей[388]. Согласно правительственной статистике, опубликованной в августе 2015 г., в ТАР насчитывалось более 7000 служащих, которые работали в 1787 монастырях, что в среднем составляет почти четыре чиновника на каждый монастырь[389].

Таким образом, принятая в 2010 г. структура Комитетов по управлению монастырями состоит из избранных монахов, партийных кадров и правительственных должностных лиц, которые ее возглавляют и вовлечены во все аспекты руководства жизнью тибетского монашества.

III.2.3. Экономическая политика в отношении монастырей тибетского буддизма

Другим аспектом изменившегося положения тибетских монастырей является экономическая основа их функционирования. Благодаря своему политическому влиянию и высокому социальному статусу, существовавшему до 1950 г., основой стабильного и высокого дохода монастырей были пахотные земли и сборы с населения, приписанного к монастырю. Седьмой статьей «Соглашения между центральным народным правительством Китая и местным правительством Тибета о мероприятиях по мирному освобождению Тибета» 1951 г. правительство КНР «гарантировало, что религиозные верования, обычаи и привычки тибетского народа будут уважаться, а

388. Congressional-executive commission on China: annual report // U.S. Government printing office. 2012. P.275. URL: https://books.google.ru/books?id=a0vaqY8cmn4C&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP5#v=onepage&q=chen%20quanguo&f=false (дата обращения: 05.04.2019).
389. China (Includes Tibet, Hong Kong, And Macau) 2015 International Religious Freedom Report // United States Department of State: Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. URL: http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm?year=2015&dlid=256099 (дата обращения: 06.04.2019).

ламаистские монастыри будут пользоваться покровительством. Центральные власти не будут вносить каких-либо изменений в доходы монастырей»[390].

При этом, к осени 1960 г. после мартовского восстания 1959 г. и бегства в Индию Далай-ламы, «были «проведены «демократические» реформы монастырей, которые свелись, в основном, к конфискации земель и поместий «мятежных» монастырей и выкупу у немногих «патриотических»»[391]. Даже после окончания Культурной революции собственность монастырям не вернули, экономические связи с местным население восстановлены не были – «места религиозной деятельности не могут восстанавливать, в том числе в замаскированной форме ранее отмененные религиозно-феодальные привилегии и репрессивные системы эксплуатации» (ст.6 Положения «О религиозной деятельности»)[392].

Для китайских властей монастыри – это препятствие для экономического развития общества и финансовое бремя для населения. Монастыри не участвуют в производстве и получают от мирян (родственников монахов и местных жителей) пожертвования. Логично, что «государственные органы, за некоторым исключением, не предоставляют финансовую поддержку монахам»[393].

С начала 1980-ых гг. в отношении монастырей получила распространение политика экономической самостоятельности под лозунгом «пусть монастырь сам содержит себя»[394]. Финансирование религиозной деятельности монастыря и жизнедеятельности монахов осуществляется в соответствии с конкретными условиями монастыря через предоставление услуг и работу самостоятельных производственных подразделений. Согласно

---

390. The Agreement of the Central People's Government and the Local Government of Tibet on Measures for the Peaceful Liberation of Tibet “17-Article Agreement". Beijing. 1951. URL: http://www.china-un.org/eng/gyzg/xizang/t424244.htm (дата обращения: 07.04.2019).
391. Гарри И. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXI в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 2009. С.128.
392. Decree of the State Council of the People’s Republic of China No.426 “Regulations on Religious Affairs”. Op. cit.
393. Slobodnik M. Religious Policy towards Tibetan Buddhism in the People’s Republic of China. Op. cit. P.7.
394. 以寺养寺, исыянсы

ст.23 «Мер по исполнению Положения 2005 г. «О религиозной деятельности»» от 2007 г., действующих на провинциальном уровне в ТАР, «место проведения религиозных мероприятий может…создавать предприятия с целью самообогащения, в том числе относящиеся к сфере услуг, включая туризм, и предприятия социального обеспечения»[395]. Для поддержания экономической самостоятельности, монастыри стали принимать туристов и организовывать свои предприятия в сфере услуг (центры тибетской медицины, магазины религиозной утвари, благовоний и сувениров, кафе, ателье и хостелы), также монахи содержат скотоводческие хозяйства, арендуют землю сельскохозяйственного назначения и фруктовые сады.

Финансовое управление храмами осуществлялось в соответствии с принятым в 2010 г. Положением «О религиозных делах и мерах финансового надзора и управления местами религиозной деятельности». Данный нормативно правовой акт устанавливает систему контроля над финансами монастыря через управление бухгалтерским учетом, бюджетом, расходами и доходами (в том числе пожертвованиями, доходом от оказания религиозных услуг, от продажи входных билетов, торговли предметами культа и религиозной литературой)[396]. Доходы монастыря облагаются налогом со стороны китайских властей. Например, до 2004 г. все доходы от продажи входных билетов туристам поступали в соответствующий монастырь. Начиная с 2004 г. налог правительству уезда составлял 25% от платы за вход, к 2006 г. налог увеличился до 60%, что значительно уменьшает прибыль монастыря[397]. Местные органы власти поощряют туризм и продвигают монастыри как туристические достопримечательности, что частично объясняет финансирование реконструкции

395. Tibet Autonomous Region People's Government Order 73 “Tibet Autonomous Region Implementing Measures for the "Regulation on Religious Affairs". 2007. URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/tibet-autonomous-region-implementing-measures-for-the-regulation-on (дата обращения: 22.03.2019).
396. 宗教活动场所财务监督管理办法. Цзунцзяо ходунчансо цайуцзяньду гуаньлибаньфа (Положение «О религиозных делах и мерах финансового надзора и управления местами религиозной деятельности»). Государственное Бюро по делам религий. 2010. URL: http://www.sara.gov.cn/zcfg/fg/xzfgjbmgz20170904204343165711/539.htm (дата обращения: 25.03.2019).
397. No Faith in the State. Tibetans Speak about Religious Restrictions. Op. cit. P.28.

некоторых крупных монастырей, разрушенных во время Культурной революции. Согласно данным, приведенным в «Жэньминь Жибао», в 2012 г. Тибетский автономный район посетили 10 000 584 туриста[398], что свидетельствует об увеличении туристического потока за 10 лет более, чем в 13 раз (860 000 туристов в 2002 г.[399]).

Конечно, большинство китайских туристов не задумываются над «тибетским вопросом», для них буддистский монастырь – экзотическое место, музей традиционной культуры под открытым небом, построенный для туристов. Волна увлечения культурами национальных меньшинств, развитие внутреннего туризма и туристической инфраструктуры ведет к «диснейфикации» Тибета. Также массовое присутствие туристов вызывает определенную тревогу со стороны монахов. В интервью, проведенных в 2000–2009 годах, монахи монастыря Лабранг в провинции Ганьсу «высказали опасения, что растущее число китайских туристов может нарушить традиционную религиозную жизнь монастыря»[400].

Таким образом, необходимость вести активную экономическую деятельность негативно влияет на внутреннюю жизнь буддийских монастырей, а небольшой доход объективно сужает сферу религиозной деятельности. Перманентно растущий поток туристов, конечно же, являет собой важный источник дохода, но и несет, одновременно, немалые проблемы, размывая сакральную сущность буддизма и постепенно опуская его до уровня шоу.

III.2.4. Присутствие полиции в монастырях тибетского буддизма

В большинстве крупных монастырей, начиная с 1990-ых гг., постепенно утверждалось присутствие полиции. В монастырях на постоянной основе

---

398. Tibet receives over 10 mln tourists in 2012 // People's Daily Online. 2013. Jan. 9. URL: http://en.people.cn/205040/8084655.html (дата обращения: 25.03.2019).
399. Tibet Tourism & Tourism in Tibet // TravelChinaTibet. 2017. Feb.15. URL: https://www.travelchinatibet.com/tibet-facts/tibet-tourism.html (дата обращения: 26.03.2019).
400. Slobodník M. Economic Aspects of the Revival of Tibetan Buddhism in post-Mao China in a Historical Perspective // Bulletin of the Karaganda university. 2015. URL: https://articlekz.com/en/article/14231 (дата обращения: 27.03.2019).

находятся сотрудники полиции, недалеко от основных и неспокойных монастырей рассредоточены армейские подразделения. Например, в начале 2000-ых в монастыре Сэра постоянно находились 15 сотрудников службы безопасности, 5-6 человек круглые сутки дежурили у главных ворот монастыря[401]. Во время важных религиозных праздников или политических событий, например, день рождения Далай-ламы или годовщина восстания 1959 г., доступ во влиятельные монастыри блокируется силовыми службами, монахам в это время также запрещается покидать монастыри[402].

Согласно ст. 32 «Мер по управлению тибетскими буддийскими монастырями» (2010 г.), «в монастырях должна быть установлена система безопасности, усилен ежедневный контроль и проверка безопасности монастыря, чтобы своевременно обнаружить скрытые опасности, предотвратить угрозу жизни и имуществу персонала»[403]. Широкомасштабное наблюдение за монастырями и общественными местами вокруг территории монастыря осуществляется с помощью видеокамер[404].

Постоянное наблюдение и присутствие полицейских, обеспечивая возможность для выявления пробелов в реализации религиозной политики, усиливает атмосферу страха и недовольства среди сангхи.

III.2.5. Ограничение численности монашеской общины

Следующий метод религиозной политики по отношению к тибетскому буддизму, работающий на институциональном уровне и применявшийся в рассматриваемый период, это ограничение численности монашеской общины.

С конца 1980-ых гг. местные Бюро по делам религий начали определять квоту - количество монахов, имеющих право проживать в каждом монастыре. В монастыре разрешили находиться только монахам с официальным статусом,

---

401. No Faith in the State. Tibetans Speak about Religious Restrictions. Op. cit. P.27.
402. China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) 2015 international religious freedom report. Op. cit.
403. 国家宗教事务局令第8号《藏传佛教寺庙管理办法》. Op cit.
404. Tibet’s “Intolerable” Monasteries: the role of monasteries in Tibetan resistance since 1950 // Tibet Watch. 2016. P.25. URL: http://www.tibetwatch.org/uploads/2/4/3/4/24348968/tibets_intolerable_monasteries.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

имеющим «ID-карту религиозного персонала», выданную местным Бюро по делам религий.

В 2010 г. в «Мерах по управлению тибетскими буддийскими монастырями» впервые на национальном уровне установлена норма, что «количество монахов и монахинь не должно превышать разрешенного для каждого монастыря» (ст. 17). Согласно статье 15, численность определяется на основе «вместимости монастыря, способности к самообеспечению и самоуправлению, а также возможности местной общины поддерживать монастырь пожертвованиями»[405].

До принятия «Мер», например, в крупнейшем монастырском комплексе за пределами ТАР – монастыре Лабранг в провинции Ганьсу, в 2001 г. проживало 2300 монахов, из которых 1100 имели официальное разрешение, 1200 находились в монастыре имея только временную регистрацию по месту жительства[406,407]. В сентябре 2015 г. во время очередного витка ужесточения религиозной политики, новый законодательный акт нашел себе применение как в географическом, так и в этническом Тибете. В июне 2015 г. монахов выдворили из-за превышения квоты из мужского монастыря Ньяцо Дзилкар в Юйшу-Тибетском автономном округе провинции Цинхай[408] и 196 монахинь из монастыря Джада Гадэн в округе Нагчу ТАР. Монахинь отправили к их семьям, запретили носить монашескую одежду и участвовать в какой-либо религиозной деятельности[409]. Согласно ст.35 «Мер по исполнению Положения 2005 г. «О религиозной деятельности»» от 2007 г., действующих на провинциальном уровне в ТАР, «персонал, который был исключен из реестра храма …

405. 藏传佛教寺庙管理办法. Op cit.

406. 临时户口, линьшихукоу

407. Bělka L., Slobodník M. Op cit. P.10.

408. China cracking down on Tibetan monastery for exceeding monk quota limit // Tibetan Review. 2015. June 15. URL: http://www.tibetanreview.net/china-cracking-down-on-tibetan-monastery-for-exceeding-monk-quota-limit/ (дата обращения: 13.03.2019).

409. Lewis C. New Details Emerge on Expulsion of Nuns in Driru County // Buddhistdoor Global. 2015. Nov. 9. URL: https://www.buddhistdoor.net/news/new-details-emerge-on-expulsion-of-nuns-in-driru-county-tibet-autonomous-region (дата обращения: 14.03.2019).

не может использовать статус религиозного персонала для участия в религиозной деятельности»[410].

Другой метод уменьшения численности монашеских общин – запрет на обучение в монастыре и принятие монашества в возрасте до 18 лет. В известном Документе №19 от 1982 г., принятым ЦК КПК (Особенности политики в сфере религий в начальный период реформ в КНР) утверждается, что «абсолютно запрещено принуждать кого-либо, особенно людей в возрасте до восемнадцати лет, становиться членом церковной общины, принимать монашество или посещать монастыри для изучения буддийских писаний»[411].

Данная норма дублируется в «Мерах по управлению тибетскими буддийскими монастырями» 2010 г. Согласно ст. 27 возраст обучающихся в монастыре должен быть больше 18 лет. В ст. 19 указан запрет на проживание в храмах несовершеннолетних[412].

Тенденция сокращения численности монахов через административные меры глубоко противоречит традиции массового монашества (особенно в школе гелуг[413]). «Ограничения, налагаемые на возраст и количество монахов, часто упоминаются в интервью тибетцами как конкретный пример нарушения свободы вероисповедания»[414].

III.2.6. Ограничение на перемещение внутри страны и за границу

Следующее ограничение накладывалось на всех тибетцев, как монахов, так и мирян. В 2002-2012 гг. многочисленные бюрократические формальности значительно затрудняли перемещения тибетцев как внутри КНР, так и за границу. Подобные сложности негативно влияют на буддистские практики и под-

410 Tibet Autonomous Region Implementing Measures for the "Regulation on Religious Affairs". Op. cit.
411. Document No. 19: The Basic Viewpoint and Policy on the Religious Question during Our Country's Socialist Period. Op. cit.
412. 藏传佛教寺庙管理办法. Op. cit.
413. Гелугпа – школа в тибетском буддизме, к которой относятся две самые влиятельные линии преемственных воплощений – далай-лама и панчен-лама. В школе гелуг особое значение придается фигуре ламы-учителя и соблюдению строгого монашеского устава.
414. Slobodník M. Religious Policy towards Tibetan Buddhism. Op. cit. P. 5.

держание монашеской традиции. Одним из важных этапов монашеского образования является получение знаний не только от «коренного учителя»[415] из своего монастыря, но и от наставников из различных школ, часто живущих в других регионах страны или за рубежом. Естественно, данная практика не могла остаться за пределами регламентации партии и правительства.

Меры национального, провинциального и окружного уровней предписывают выполнение сложного процесса получения разрешения на поездку, которое «религиозный персонал» должен получить, прежде чем отправиться в другую провинцию, округ или даже уезд для обучения или преподавания. «Меры по управлению тибетскими буддийскими монастырями» (ст. 22), принятые в 2010 г. на национальном уровне содержат следующие требования: во-первых, «религиозный персонал» должен подать заявку и получить одобрение от представительств Буддисткой ассоциации Китая на уровне округов, где они живут и где собираются учиться или преподавать. Затем оба представительства Ассоциации должны сообщить об одобрении заявки в соответствующие Бюро по делам религий в обоих округах[416].

На провинциальном уровне, например, в Тибетском автономном районе, в «Мерах по исполнению Положения 2005 г. «О религиозной деятельности»» от 2007 г. детально прописаны все возможные случаи перемещения религиозного персонала и соответствующие бюрократические формальности для получения разрешения: перемещения внутри района, выезд по приглашению в другую провинцию, приглашение «религиозного персонала» из другой провинции и даже из другой страны. При этом, тибетцы, постоянно проживающие в другой стране, формально могут приехать в ТАР участвовать в религиозных мероприятиях, но не могут вести религиозную деятельность или обряды. Большие требования накладываются на перемещения с целью обучения, чем с целью религиозной практики. Регулирование перемещения с целью обучения

415. Коренной учитель – личный учитель, от которого, в практике ваджраяны, ученик получает посвящение.
416. 藏传佛教寺庙管理办法. Op. cit.

начинается с уровня префектуры (округа) (ст. 41-45). Перемещение между «зонами религиозной деятельности» без ID-карты религиозного персонала и разрешения запрещено и в серьезных случаях наказывается лишением статуса «религиозного персонала» (ст. 53)[417].

Более того, все граждане КНР должны иметь регистрацию по месту жительства418. В Конституции КНР не содержатся положение о свободе перемещения. Институт прописки действует в КНР с 1958 г. и, после вступления Китая в ВТО, должен был быть постепенно отменен во всех провинциях. Согласно действующему Положению «О постоянной регистрации», временную регистрацию необходимо оформлять при проживании за пределами уезда или города постоянного проживания более трех дней[419]. Данные требования действуют и по отношению к монастырям, которые должны иметь одну или несколько «домовых книг» для регистрации. В итоге, тибетские монахи в ТАР и других провинциях КНР ограничены в выезде за пределы своих уездов.

Еще одной мерой религиозной политики, связанной с ограничением перемещения монахов и мирян, является запрет на посещение праздников и паломничеств. Запрет касается монахов и мирян, желающих въехать в ТАР в «неспокойное» время (например, день рождения Далай-Ламы в июле и годовщина восстания в марте 1959 г.). На территории ТАР и в некоторых уездах других провинций также «запрещено проводить Великий молитвенный фестиваль (Монлам), в мае 2014 г. был введен запрет на поездки на гору Кайлаш, основное место паломничества тибетских буддистов»[420].

Помимо ограничения поездок внутри страны, существует ограничение на поездки за границу. Правительство ограничивает как поездки за рубеж на время, так и в целях эмиграции. Поток беженцев в Непал резко сократился с

417. Tibet Autonomous Region Implementing Measures for the "Regulation on Religious Affairs". Op. cit.
418. 户口, хукоу
419. Положение «О постоянной регистрации (хукоу)». 1958. URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_household_registration_statute_1958_russian/ (дата обращения: 30.03.2019).
420. Cook S. Op. cit. P.93.

более чем 2000 человек в 2007 г. до примерно 100 человек в 2014 г.[421]. «С 2008 г. правительство также предпринимало меры для уменьшения незаконной миграции тибетцев в Индию, в основном участников протестных выступлений. За доносы на них правительство выплачивало вознаграждения»[422].

Многие тибетцы, включая монахов и мирян, стремились поехать в Индию в религиозных целях, в том числе, с целью обучения у религиозных лидеров и учителей тибетского буддизма и участия в религиозной церемонии, проводимой Далай-ламой. Посещение религиозных мероприятий за границей и учений Далай-ламы в частности, считалось подрывной политической деятельностью. Официальная обеспокоенность в связи с паломничествами за границу китайских граждан, принадлежащих к национальным меньшинствам, за рассматриваемый период стала более острой, особенно в тибетских районах, ограничения коснулись всех форм частных поездок.

В 2012 г. китайские власти использовали переход к системе электронных паспортов для введения ограничительных мер для национальных меньшинств. «Правила по дальнейшему совершенствованию паспортного контроля, разрешения и выдачи паспортов», изданные в 2012 г. в Тибетском автономном районе, требовали, чтобы все паспорта старого образца были изъяты, даже если срок их действия еще не истек. Паспорта нового образца при этом должны быть выданы по запросу после «строго рассмотрения и одобрения заявления» (прил. 2, ст. 2)[423]. Во многих случаях сотрудники Бюро общественной безопасности КНР отказывались одобрять заявления на получение паспортов тибетцев, особенно монахов. В других случаях паспорт получали после обещания

421. Chinese crackdown on Tibetan Buddhism. Op. cit. P.11.
422. Афонина Л.А. Op. cit. P. 145.
423. TAR Party Committee General Office Implementation Measure No. 22 (2012) “Suggestions on Further Strengthening Our Region’s Passport Handling, Approvals and Issuance Management Work” // One Passport, Two Systems China’s Restrictions on Foreign Travel by Tibetans and Others / Ed. by S. Richardson, J. Ross, J. Saunders. – Human Rights Watch. 2015. Jul. 13. P.39. URL: https://www.hrw.org/report/2015/07/13/one-passport-two-systems/chinas-restrictions-foreign-travel-tibetans-and-others (дата обращения: 30.03.2019).

не ездить в Индию, не критиковать внутреннюю политику КНР или дав взятку чиновнику[424].

Данные ограничения применяются в реализации религиозной политики, что прослеживается и в официальных документах. В «Правилах ТАР о строгом запрете выезда за границу для участия в раскольнической деятельности клики Далай-ламы, такой как «Калачакра»» (Постановление Народного правительства Тибетского автономного округа № 110 от 6 мая 2012 г.) прописан запрет на участие в посвящении Калачакра (комплекс медитативных практик), проводимом «кликой Далай-ламы» (ст.1) и наказания для нарушивших данный запрет, вплоть до уголовной ответственности[425].

Подтверждая эффективность принятых мер, секретарь Комитета КПК в ТАР Чэнь Цюаньго (2011-2016) заявлял, что «в 2015 г. ни один человек из Тибетского автономного района не посещал молитвенные собрания Далай-ламы в Индии»[426].

Таким образом, ограничение на передвижения снижает качество монашеского образования, нарушает традиционную передачу знаний и затрудняет буддистскую практику. Очевидно, что усиление ограничений на поездки и, в частности, невозможность покинуть страну, усугубляют чувство отчаяния среди тибетцев, способствуя выбору самых крайних мер протеста, таких как самосожжение.

III.2.7. Кампания против Далай-Ламы и кампания по патриотическому образованию

Решения Третьего форума ЦК КПК по работе в Тибете 1994 г. ознаменовали следующий виток ужесточения религиозной политики, постепенно

---

424. China (includes Tibet, Hong Kong, and Macau) 2015 international religious freedom report. Op. cit.
425. Promulgation of Tibet Autonomous Region People's Government Order No. 110 (2012) "TAR Regulations on Strictly Forbidding Exiting the Border to Participate in Splittist Activities Such as the Dalai Clique's "Kalachakra" // One Passport, Two Systems China's Restrictions on Foreign Travel by Tibetans and Others / Ed. by S. Richardson, J. Ross, J. Saunders. Human Rights Watch. 2015. Jul. 13. P.43-46. URL: https://www.hrw.org/report/2015/07/13/one-passport-two-systems/chinas-restrictions-foreign-travel-tibetans-and-others (дата обращения: 29.03.2019).
426. Цюаньго, Чэнь. Яньминчжэнчжицзилюй хэ чжэнчжигуйцзюй ши лидан чжибэнь (Строгая политическая дисциплина и нормы являются основой партийного строительства). Чжунго цзицзяньцзяньчабао. 2015. URL: http://csr.mos.gov.cn/content/2015-11/09/content_19075.htm (дата обращения: 25.03.2019).

набиравший обороты после подавления восстания в Лхасе в 1989 г. В первую очередь, Третий форум положил начало кампании против влияния Далай-ламы. Даже без непосредственного присутствия в КНР, Далай-Лама может быть источником антиправительственных протестов.

Согласно логике Третьего форума, сущность религии заключается в воспитании патриотизма и, следовательно, такие деятели, как Далай-лама, из-за их «раскольнической деятельности»[427, 428] не могут считаться подлинно религиозными, соответственно их сторонники не могут пользоваться свободой вероисповедания. Данная политика не претерпела изменений во время нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей. В официальных документах кампания против Далай-ламы обозначена, в большинстве случаев, в завуалированной форме. Например, в ст.4 «Мер по исполнению Положения 2005 г. «О религиозной деятельности 2005 г.»» от 2007 г., действующих на провинциальном уровне в ТАР, сказано, что «в религиозной деятельности не допустимо господство иностранных государств и зарубежных сил»[429].

Проводимая политика ускоренного развития Тибета в сочетании с религиозной политикой публичного осуждения Далай-ламы, официально изложенная в середине 1990-х годов, остается руководящим принципом управления Тибетом. Теоретической основой жестких мер в отношении тибетского буддизма стала его непосредственная связь с Далай-Ламой XIV (), что определяет восприятие тибетского буддизма как антагонистического движения, оппозиционного в своей основе социализму и Китайской коммунистической Партии. Данная ситуация, скорее всего, останется неизменной до момента поиска и выбора следующего перерождения

427. 分裂活动, фэньлеходун
428. Bhutia T.C. ‘Give up “splittist activities”’ - Its Meaning and Significance: Review of recent Chinese responses to Internationalization of the Tibet // Institute of Chinese Studies. 2015. Jul.22. P.1. URL: https://www.icsin.org/uploads/2015/08/07/cc28df59599bf9e1ecd279d88aed1d0a.pdf (дата обращения: 23.03.2019).
429. 藏传佛教寺庙管理办法. Op. cit.

бодхисаттвы[430] Авалокитешвары, чьим воплощением считается линия далай-лам.

В свою очередь, это означает, что всё, что связано с Далай-Ламой, в том числе предметы религиозного культа, могут считаться незаконными. Именно с Третьего форума ЦК КПК по работе в Тибете берет начало запрет на хранение и демонстрацию фотографий Далай-Ламы. В отсутствии официальных правовых мер на федеральном уровне, запрет на изображения Далай-Ламы установлен заключением Буддистской ассоциации Китая, предположительно основано на неопубликованных партийных решениях[431]. На региональном уровне запрет на изображения Далай-ламы также не был опубликован в виде нормативно-правового акта, размытые директивы о запрете на демонстрацию изображений в монастырях прослеживаются в выпуске главной новостной газеты Tibet Daily в апреле 1996 г, в выступлении на Tibet TV в 1998 г. заместителя председателя правительства ТАР Сюй Миняна. Также в ТАР (в 2004 г.) и тибетских районах провинции Цинхай (в 2012 г.) был введен запрет на печать или продажу фотографии Далай-ламы в магазинах[432].

В округе Нагчу (уезд Биру) ТАР в 2014 г. впервые была кодифицирована ответственность монахов мирян за хранение или демонстрацию фотографий Далай-Ламы. Согласно «Временным мерам по исполнению решения правительства округа об устранении ошибок в религиозной сфере» ст. 37, монахи за данный проступок «должны быть изгнаны из монашеской общины и пройти патриотическое образование сроком в 6 месяцев». Что касается мирян, то они «будут вынуждены пройти патриотическое образование сроком в 6 месяцев,

430. Бодхисаттва – в традиции махаяны – человек, достигший высшей степени совершенства, но не вошедший в нирвану. Бодхисаттва добровольно остается в сансаре, чтобы помогать всем живым существам на пути к спасению.
431. Barnett Robert. Op. cit. P.64.
432. Barnett Robert. Op. cit. P.75-80.

также они должны быть лишены права собирать китайский кордицепс (лекарственный гриб, сбор которого является одним из источников дохода местных жителей) в течение двух лет»[433].

Абсолютное большинство тибетцев, в результате ограничительной, силовой практики на местах, а также отсутствия правовой базы, определяющей ответственность за нарушение и население, которого касается данное ограничение (монахи, миряне, миряне-члены КПК, государственные служащие, студенты), вынуждены практиковать самоцензуру и не хранить, и тем более, не выставлять в публичном месте изображение своего духовного лидера. Самый известный инцидент, связанный с данным запретом – подавление протеста в монастыре Ганден. В мае 1996 г. при установлении запрета на демонстрацию изображений Далай-ламы в монастыре, протест, начинавшийся как мирный, быстро перешел в агрессивную форму и был подавлен частями НОАК. Один монах при этом погиб, шестеро пострадали, три месяца спустя 92 монаха были изгнаны из монастыря за отказ подписать аффидавит об осуждении Далай-ламы[434].

В соблюдении данного запрета есть множество нюансов – не ясна категория граждан, к которому он должен применяться, применяется ли запрет в отношении фотографий непризнанного китайскими властями Панчен-Ламы XI Гедуна Чокьи Ньимы? Также существуют отличия в применении данного запрета в зависимости от региона (между географическим и этническим Тибетом), удаленности монастыря и его размера. Таким образом, несмотря на применение данного запрета, его правовая основа остается неясной, а реализация непоследовательной.

---

433. Driru County People's Government Issue No.166 (2014) "Announcement of provisional implementation of the county government decision on rectification of the religious sphere and allocation of responsibilities for subsequent maintenance of standards" // Harsh new 'rectification' drive in Driru: nuns expelled and warning of destruction of monasteries and 'mani walls' / International Campaign for Tibet. 2014. Nov. 20. URL: https://www.savetibet.org/harsh-new-rectification-drive-in-driru-nuns-expelled-and-warning-of-destruction-of-monasteries-and-mani-walls/ (дата обращения: 23.03.2019).
434. Schwartz R. Op. cit. P.3.

Также, с целью реализации целей Третьего форума ЦК КПК по работе в Тибете в 1996 г., началась кампания по проведению патриотического образования («любить свою страну и религию»[435]). Рабочие группы кампании отправлялись в монастыри по всему этническому Тибету, даже в отдаленные районы, включая монастыри, не замеченные в протестах. Монахов обучали «правильному» восприятию тибетской политики, истории и религии, а затем они сдавали письменные экзамены и подписывали аффидавит о лояльности[436]. Рабочие группы проживали непосредственно в монастыре от нескольких недель до трех месяцев. С 2010 г. патриотическое образование в монастырях проводилось Комитетами по управлению монастырями (Демократическими комитетами по управлению).

Монахи были обязаны открыто отречься от сепаратизма, поддержать единство Китая, ведущую роль КПК и выразить свою лояльность по отношению к режиму. Одним из главных было требование открыто осудить Далай-ламу XIV и поддержать выбор ЦК КПК о реинкарнации Панчен-ламы XI. По логике КПК, Далай-Лама должен быть осужден как феодальный лидер, чьё эгоцентричное стремление сохранить своё привилегированное положение препятствует модернизации и угрожает уничтожить Тибет и тибетский буддизм. В содержании первого тома книги по патриотического образованию для монахов «Краткое изложении истории Тибета» есть такие пункты, как «Тибет и Китай сосуществовали в дружбе с древних времен», «Тибет - часть Китая», «Центральное правительство Китая в период династии Юань заботилось о Тибете», «Полномочия правительства династии Юань по назначению и лишения должности тибетских лам», «Утверждение устава из 29 пунктов и введение обычая тянуть жребий из Золотой урны»[437].

---

435. 爱国爱教, айго айцзяо
436. Schwartz R. Op. cit. P.4.
437. Political Campaigns: Documents and Statements from Tibet, 1996-7. London: Tibet Information Network, 1998, p. 7-8. Quoted in: Mills M., Scrimgeour R. Religious policy and state control in Tibet: Scottish Parliament’s Cross-party group on Tibet, briefing paper. Vol. 3. 2010. P.4. URL: https://aura.abdn.ac.uk/bitstream/handle/2164/787/Final4.pdf?sequence=1&isAllowed=y

Отказ от участия не допускался и был чреват изгнанием из монастыря или арестом. Примечательно, что Далай-лама заявлял, что монахи должны осуждать его, если их к этому принуждают, т.к. это вопрос их безопасности[438].

Кампания по патриотическому образованию, начинавшаяся в монастырях, в 2008 г. под лозунгом «Единство и стабильность - это счастье. Разделение (национальностей) и беспорядки - это несчастье» была расширена на все население ТАР. Студенты, государственные служащие, фермеры и торговцы должны участвовать в дискуссиях и просмотре пропагандистских фильмов. В период с 2011 по 2016 гг., более 21 000 сотрудников были отправлены в деревни по всему ТАР[439].

Бывший сотрудник рабочей группы по патриотическому образованию рассказал Международной кампании за Тибет, что «жители сел не против послушать про политику КПК и её успехи…Но когда мы доходим до критики Далай-ламы, все замолкают и не хотят даже смотреть на нас. Мало кто будет открыто выступать против Далай-ламы на деревенской встрече»[440].

С 2014 г. присутствие рабочих групп в сельской местности ТАР стало постоянным[441].

До окончания срока председательства Ху Цзиньтао, продолжалась реализация идей Третьего форума ЦК КПК по работе в Тибете. В феврале 2012 г. секретарь Комитета КПК ТАР Чэнь Цюаньго (2011-2016) призвал проявить особую бдительность, чтобы пресечь любые попытки буддийских монахов и сторонников Далай-ламы помешать проведению XVIII Всекитайского съезда КПК, запланированного на ноябрь 2012 г. Чиновникам в Тибетском автономном районе было дано распоряжение признать «серьезную ситуацию»

438. Cook S. Op. cit. P.96.
439. China: No End to Tibet Surveillance Program // Human Rights Watch. 2016. Jan. 18. P.95. URL: https://www.hrw.org/news/2016/01/18/china-no-end-tibet-surveillance-program (дата обращения: 07.04.2019).
440. Chinese crackdown on Tibetan Buddhism. Op. cit. P.10.
441. China: No End to Tibet Surveillance Program. Op. cit.

в поддержании стабильности и подготовиться к «войне против сепаратистского саботажа»[442].

Под «войной против сепаратистского саботажа» в риторике КПК подразумевается замена лояльности к Далай-Ламе на лояльность к КПК. Вместо фотографий лидера тибетского народа монастыри должны выставлять на видном месте флаг КНР и фотографии членов ЦК КПК.

III.2.8. Контроль над реинкарнацией высших тулку[443]

Религиозная политика в отношении тибетского буддизма после основания КНР, как и в большинстве светских стран, была основана на принципе разделения религии и государства[444]. Однако, такой подход противоречит традиционному пониманию роли монастырей, высших лам и монахов в политической жизни Тибета. «Историческая политическая система Тибета (1642–1950) часто именуется chos srid gnyis ldan («совмещать обе сферы – религиозную и светскую»)»[445], реинкарнации далай-ламы в ней обладают верховной религиозной и политической властью. «Духовенство и государство были почти взаимозаменяемыми терминами, и все политические вопросы рассматривались как подчиненные нуждам и интересам религии»[446]. Для Коммунистической партии Китая, наоборот, типично восприятие религии как источника власти, конкурирующего с государством. Религиозная политика, проводимая КНР, неприемлема для тибетцев, поскольку она предлагает модель контролируемого и ограниченного возрождения религиозных институтов. Она также исключает

---

442. Chinese officials asked to prepare for 'war' in Tibet: Report // The Economic Times. 2012. Feb.10. URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/chinese-officials-asked-to-prepare-for-war-in-tibet-report/articleshow/11836412.cms?from=mobile (дата обращения: 17.04.2019).

443. Материалы данного параграфа были опубликованы в статье: Помелова Ю.П. Религиозная политика КНР по контролю процесса реинкарнаций в тибетском буддизме во время председательства Ху Цзиньтао // Общество: философия, история, культура. № 2 (58). 2019. С. 53-57.

444. 政教分离的原则, чжэнцзяо фэньлидэ юаньцзэ

445. Powers J., Templeman, D. Historical Dictionary of Tibet. Toronto: Scarecrow Press, 2012. P.158. URL: https://books.google.ru/books/about/Historical_Dictionary_of_Tibet.html?id=wksCKIivSNUC&redir_esc=y (дата обращения: 14.04.2019).

446. Jandáček P. Rebirth Control in Tibetan Buddhism: Anything New? // Association for International Affairs. 2014. Research Paper no. 4. P.2. URL: http://www.amo.cz/wp-content/uploads/2015/10/amocz-RP-2015-04.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

возможность существования независимых от Китая административных и образовательных структур.

В 2011 г. на V форуме ЦК КПК по работе в Тибете Ху Цзиньтао акцентировал внимание на роли Коммунистической партии Китая в контроле над тибетским буддизмом, призвав партийных работников «всесторонне применять основные принципы партии в отношении религиозной работы, законы и нормативные акты, касающиеся государственного управления религиозными делами, неуклонно поддерживать установленный порядок тибетского буддизма и обеспечивать соответствие тибетского буддизма социалистическому обществу»[447]. Таким образом, именно различное восприятие китайцами и тибетцами роли религии, религиозных институтов и лидеров приводит к возникновению конфликтных ситуаций, предопределяет сложность реализации религиозной политики КНР в отношении тибетского буддизма.

Среди всех методов религиозной политики следует особенно выделить регулирование поиска, идентификации и обучения тулку (духовных лидеров, которые, как считают буддисты, являются реинкарнациями будд, сознательно решивших перерождаться для продолжения духовной работы на благо всех живых существ). Китайские власти чаще всего используют термин «живые будды»[448]. В тибетской традиции тулку не выбираются и не избираются, существуют процедуры определения и признания перерожденцев. После смерти влиятельного ламы формируется поисковая комиссия с целью найти его реинкарнацию. Обретенный тулку отправляется в монастырь для получения религиозного образования. Регулирование процесса реинкарнации китайскими властями опирается на исторический прецедент. В 1793 г. находившаяся в зените могущества империя Цин, расширившая влияние после походов Цяньлуна, обнародовала «Высочайше утвержденный устав по приведению в порядок дел в Тибете (из 29 статей)». Этот документ часто используют для

447. 推进西藏跨越式发展 // 人民日报海外版. 2010. URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2010-01/23/content_433245.htm (дата обращения: 04.02.2019).
448. 活佛, хофо

доказательства китайского суверенитета над Тибетом[449]. В целях регулирования поиска реинкарнаций далай-ламы, панчен-ламы и других тулку, а значит, и контроля над тибетским теократическим государством была введена процедура вытягивания жребия из золотой урны[450]. Жребий вынимал китайский амбань[451] или далай-лама, первый вытянутый жребий определял имя тулку. Урна для процедуры установления высших тибетских тулку находилась в храме Джоканг в Лхасе. С ослаблением влияния династии Цин в Тибете в XIX в. жеребьевка использовалась нерегулярно, например, Далай-ламы IX, XIII и XIV были выбраны традиционным способом с помощью предсказаний.

Впервые со времени «культурной революции» Бюро по делам религий Госсовета КНР подтвердило факт обнаружения нового перерожденца в 1992 г. [452]. Также новый глава школы Карма Кагью[453] Кармапа XVII (Ургьен Тинлэй Дорже) был официально признан Далай-ламой XIV. Кармапа XVII должен был стать образцовым тулку, почитаемым буддийской общиной (третьим в иерархии тибетского буддизма после далай-ламы и панчен-ламы) и верным сторонником китайского режима. Коммунистическая партия Китая неоднократно представляла Кармапу XVII как патриотичного религиозного лидера. Однако, в декабре 1999 г. он сбежал из монастыря-резиденции Цурпху в Индию, где заявил о своей лояльности к далай-ламе и осудил китайскую политику в Тибете, что наглядно иллюстрировало провал китайских властей в деле воспитания лояльного высшего тулку.

---

449. Tibet – Its Ownership and Human Rights Situation // Information Office of the State Council of the People's Republic of China. 1992. URL: http://www.china-un.ch/eng/bjzl/t169780.htm (дата обращения: 04.02.2019).

450. 金瓶掣签, цзиньпин чэ цянь

451. Амбань – высокопоставленный провинциальный китайский чиновник времен империи Цин.

452. Руденко В.Н. Жеребьевка из золотой урны – институт публичного права Китая (с приложением документов об избрании духовных лидеров тибетского буддизма) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2007. № 7. С. 296.

453. Кагью (Карма Кагью) – тибетская буддийская школа Кагью, состоящая из «четырех великих» школ, одна из которых - Карма Кагью. Последователи школы считают необходимым непосредственную передачу знания от учителя к ученику. Верховными ламами школы Карма Кагью является линия лам-перерожденцев Кармап.

В июле 1994 г. на III форуме ЦК КПК по работе в Тибете было объявлено, что контроль над поиском, идентификацией и образованием тулку является одной из важнейших задач религиозной политики в Тибете[454]. До публикации Приказа Государственного управления по делам религий №5 «Меры по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме» в июле 2007 г. китайские власти руководствовались внутренними директивами, разработанными правительственными (Государственным Бюро по делам религий) и партийными (департаментом Единого фронта) органами. Согласно этим документам, весь процесс поиска, идентификации и интронизации тулку должен был проводиться под руководством КПК, в то время как важные административные задачи должны были выполняться местными отделениями Государственного Бюро по делам религий[455].

Действительно остро вопрос определения перерожденца встал после смерти Панченламы X в 1989 г. Поисковая комиссия, собранная настоятелем монастыря Ташилхунпо – резиденции панчен-лам, с начала поиска сотрудничала с правительством и действовала под эгидой КПК. Однако, согласно религиозной традиции выбор нового панчен-ламы должен быть подтвержден далай-ламой. В мае 1995 г. Далай-лама утвердил выбор поисковой комиссии – мальчика Гендуна Чокьи Ньима из семьи кочевников, живущих в Тибете[456]. Тем не менее власти исключили далай-ламу из этого процесса и установили собственный контроль над религиозной традицией и избранием высших тулку. Было решено, что окончательный выбор из нескольких кандидатов будет сделан путем жеребьевки из золотой урны. Утвержденный таким способом Панчен Гьялцен Норбу стал «образцовым тулку» и «правильным» публичным образом тибетского буддизма. Панчен-лама XI является вице-президентом

454. Slobodnik M. A Difficult Rebirth: Tibetan Reincarnations in the Spotlight of Chinese Religious Policy // Studia Orientalia Slovaca. 2011. Vol. 10, no. 1. P.70.
455. Ibid. P. 71.
456. Schwartz R. Op. cit. P.5.

Буддистской ассоциации Китая и постоянным участником публичных мероприятий, например, V Всемирного буддистского форума[457]. В то время как о судьбе Гендуна Чокьи Ньима и его семьи почти ничего известно, на момент исчезновения ему было 6 лет. Избранный правительством Панчен-лама XI не снискал народного признания среди тибетцев[458], но, возможно, еще сыграет для правительства важную роль в поисках и идентификации следующего далай-ламы. С одной стороны, правительство КНР в данной ситуации выполняло положения п. 4 ст. 36 Конституции КНР («религиозные организации и религиозные дела свободны от иностранного контроля»)[459]. С другой – формально религиозно нейтральное правительство вмешалось в процедуру выбора религиозного лидера, что в свою очередь не только является логическим противоречием, но и нарушает право на свободу вероисповедания всего тибетского народа, подтвержденную множеством международно-правовых документов, в том числе Декларацией о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (п. 6 g: право на свободу религии включает в себя право готовить, назначать, избирать или назначать по праву наследования соответствующих руководителей согласно потребностям и нормам той или иной религии или убеждений)[460].

Высший авторитет китайских властей в выборе тулку официально был закреплен на центральном уровне в сентябре 2007 г., когда вступил в силу Приказ Государственного управления по делам религий №5 «Меры по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме». Краткая версия документа, подготовленная Государственным Бюро по делам религий КНР,

---

457. 十一世班禅出席第五届世界佛教论坛开幕式并发表演讲. Шиишибаньчаньчуси диуцзешицзефоцзяо луньтанькаймуши бинфабяояньцзян (Панчен-лама XI принял участие в церемонии открытия V Всемирного Буддийского Форума и выступил с речью). Чжунгосицзанван. 2018. URL: http://www.tibet.cn/cn/news/yc/201810/t20181029_6359414.html (дата обращения: 04.02.2019).

458. Линия перерождений панчен-ламы // Департамент информации и международных отношений Центральной тибетской администрации. М. 2016. С.44. URL: http://tibethouse.ru/2016/pdf/panchen-lama-2016.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

459. Конституция КНР 1982 г. Op. cit.

460. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: резолюция № 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 нояб. 1981 г. // ООН: официальный сайт. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 23.12.2018).

включает 14 пунктов[461]. Все этапы реинкарнации – поиск, идентификация, интронизация и дальнейшее образование тулку – были институционализированы. Следует выделить наиболее важные положения. Согласно ст. 5 «реинкарнация тулку должна осуществляться с помощью процедуры выбора и утверждения кандидата. Те из живых будд, кто оказывает действительно сильное влияние, должны быть утверждены Государственным советом». Даже сведения о местных тулку необходимо доводить до народного правительства провинциального уровня для согласования. Таким образом, тибетская система признания и обучения реинкарнированных лам больше не действует, потому что именно правительство, точнее Госсовет во главе с премьером Ли Кэцяном, решает, является ли претендент законной реинкарнацией или нет. При этом в ст. 7 содержится запрет на поиск и определение перерожденца неуполномоченными на то группами или лицами. В ст. 2 подчеркивается принцип невмешательства любой иностранной организации или человека в процесс. Следовательно, все реинкарнации, найденные вне официальных процедур, оказываются вне правового поля, нелегитимными также становятся поиски и признание тулку, проводимые тибетцами в изгнании. Способом избрания тулку с отсылкой на его историческую обоснованность в документе обозначен ритуал вытягивания жребия из золотой урны (ст. 8). «Этот институт (жеребьевка с помощью золотой урны) является наглядным примером того, как правовые конструкции, созданные в одних исторических условиях (Цинской империи конца XVIII столетия), оказываются востребованными в совершенно иной политико-правовой ситуации (современном коммунистическом Китае)»[462]. Центральная тибетская администрация (правительство Тибета в изгнании) охарактеризовала новый документ как «нелепый и необоснованный» и сочла его «попыткой дальнейшего подавления и подрыва религиозной культуры Тибета»[463].

461. 藏传佛教活佛转世管理办法. Цзанхуань фоцзяо хофо хуаньши гуаньли баньфа (Приказ Государственного управления по делам религий №5 «Меры по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме». 2007. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2008/content_923053.htm (дата обращения: 04.02.2019).
462. Руденко В.Н. Указ. соч. С. 284.
463. No Faith in the State. Tibetans Speak about Religious Restrictions. Op. cit. P.48.

Приказ Государственного управления по делам религий №5 «Меры по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме», нацеленные на одну из основ тибетской религии, полностью согласуются с религиозной политикой КПК, направленной на создание лояльной тибетской религиозной иерархии. При расширении тотального контроля Китая, заменяющего формальное подданство, усилилось давление на монашескую общину (введение института прописки, более строгих правил вступления в монашество, усиление партийного контроля в монастырях), что создало подходящую почву для следующего шага – контроля над тулку. Лояльная сангха должна принять любого лидера. Таким образом, целью принятия документа является усиление авторитета правительственных органов (Государственного Бюро по делам религий КНР, его филиалов на более низких административных уровнях) и спонсируемой государством Буддийской ассоциации Китая, которые в свою очередь должны усилить государственный надзор над всем процессом реинкарнации. Несмотря на острую критику закона тибетцами, а также их западными сторонниками, краткая версия «Мер» «не вносит каких-либо существенных изменений в процесс отбора, идентификации или возведения на престол реинкарнаций в Тибете по сравнению с практикой активного вмешательства государственных органов в преимущественно религиозный вопрос, установившейся в 1990-х гг.»[464]. Более того, нынешняя политика фактически является логическим продолжением курса времен Цин, проводимого в соответствии с пониманием религии как соперника государства (или, по крайней мере, как параллельного источника власти). Принятие «Мер по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме» создает нормативно-правовую базу, выводит на институциональный уровень вопрос по контролю за реинкарнациями тулку.

464. Slobodnik M. A Difficult Rebirth: Tibetan Reincarnations in the Spotlight of Chinese Religious Policy. P. 78.

Сведение сложной обрядности к бюрократическим формальностям иллюстрирует глубокий контраст между административным восприятием религии государственными органами и ее духовным пониманием тибетцами. Например, в 2010 г. Китайская буддистская ассоциация начала выдавать сертификаты подтвержденным живым буддам. В 2016 г. была запущена онлайн-база, содержащая подробную информацию о 870 живых буддах, которая, по утверждению властей, должна помочь отличить реальных религиозных деятелей от мошенников. Она включает такие данные, как официальное имя, монашеский титул, дату рождения, фотографию, принадлежность к религиозной школе, номер сертификата живого будды, монастырь проживания[465]. В базу можно зайти с официальных сайтов Китайской буддистской ассоциации, Государственного Бюро по делам религий КНР и Tibet.cn (новостного портала, основанного изданием «Жэньминь Жибао»).

Коммунистическая партия Китая мыслит на шаг вперед, а главный фактор нестабильности в реализации религиозной политики – следующее перерождение далай-ламы. Возможно, именно это является ключевой причиной принятия «Мер». События, последующие за смертью Далай-ламы XIV, будут иметь не только религиозную значимость, но и политическую. В 2011 г. Далай-лама XIV сделал заявление, что, когда он будет приближаться в 90-летию (Тэнцзин Гьямцхо исполнится 90 лет в 2025 г.), после совещания с высшими ламами тибетских буддийских традиций, тибетской общественностью и другими заинтересованными людьми, которые следуют тибетскому буддизму, он примет решение, стоит ли продолжать линию далай-ламы после смерти[466]. Если он предпочтет не перевоплощаться, то допустит «прерывание многовековой традиции во время широко известного далай-ламы»[467]. Если эта линия

465. 活佛查询系统正式启用. 首批可查870名活佛. Хофо чжасюньситун чжэншициюн. Шоупи кэчжа 870 минхофо (Официально запущена онлайн база «живых будд». Проверена первая партию из 870 «живых будд».). Чжунгосицзанван. 2016. URL: http://www.tibet.cn/news/focus/1453081748694.shtml (дата обращения: 04.02.2019).
466. Dalai Lama XIV. Reincarnation // His Holiness the 14th Dalai Lama of Tibet. 2011. Sept. 24. URL: https://www.dalailama.com/the-dalai-lama/biography-and-daily-life/reincarnation (дата обращения: 04.02.2019).
467. Dalai Lama Concedes He May Be the Last // BBC News. 2014. Dec. 17. URL: http://www.bbc.com/news/world-asia-china-30510018 (дата обращения: 04.02.2019).

продолжится, ответственность за определение Далай-ламы XV прежде всего будет лежать «на сотрудниках Управления Его Святейшества Далай-ламы», также он оставит «четкие письменные инструкции по этому поводу». Более того, Далай-лама уточнил, что «кроме реинкарнации, признанной традиционным способом, не должно быть признания или принятия кандидата, выбранного для политических целей кем-либо, включая тех, кто находится в КНР»[468].

Возможно, выбранного тибетцами в изгнании Далай-ламу XV ожидает судьба Панчен-ламы XI. Тогда, контролируя панчен- и далай-лам, Пекин будет иметь влияние на всех приверженцев тибетского буддизма в Китае, которые сочтут законными выбранных КПК перерожденцев. Именно по этой причине КПК продолжает настаивать на том, чтобы тибетский лидер перевоплотился, и, по словам председателя Постоянного комитета Народного собрания Тибетского автономного района, «право определять будущее место перерождения и срок службы духа далай-ламы принадлежит Коммунистической партии Китая»[469]. Таким образом, несмотря на последовательную реализацию религиозной политики в регионе и институционализацию перерождения тулку, остается нерешенной дилемма далай-ламы. Пекин не упустит возможность укрепления влияния на тибетцев, но это может вызвать нестабильность в важном регионе страны с непредсказуемыми финансовыми и репутационными потерями для партии. Проблема контроля реинкарнаций высших лам тибетского буддизма через управление поиском, идентификацией, возведением на престол и дальнейшим образованием тулку – это краеугольный камень религиозной политики в отношении Тибета, демонстрация суверенитета и подтверждение исторической легитимности политической власти Китая в Тибете.

468. Dalai Lama XIV. Op. cit.
469. Osnos E. Who Will Control Tibetan Reincarnation? // The New Yorker. 2015. March 13. URL: https://www.newyorker.com/news/daily-comment/who-will-control-tibetan-reincarnation (дата обращения: 04.02.2019).

III.2.9. Культ Дордже Шугдена как инструмент религиозной политики

Самый известный и драматичный раскол в тибетской сангхе связан с почитанием божества-защитника – Дордже Шугдена. Конфликт возник внутри тибетской общины, но, несомненно, используется в религиозной политике КНР для углубления раскола.

Поклонение Шугдену среди некоторых последователей школы гелуг восходит к XVII веку. Настоятель монастыря Дрепунг Дракпа Гьялцен организовал заговор против Далай-Ламы V, который стремился к объединению религиозных учений и практик разных школ тибетского буддизма. В защиту доктринальной чистоты доминирующей школы гелуг выступил Дракпа Гьялцен и был казнен. Его последователи считают, что он переродился в мстительного духа, защищающего учение школы гелуг, названного Дордже Шугден - «Исполненный мощью ваджры[470]».

«В 1975 г. Зэмэ Ринпоче (1927–1996) опубликовал так называемую «Жёлтую книгу», в которой рассказывалось, как Дордже Шугден карает лам, не соблюдавших чистоту учения гелуг, занимаясь практиками других школ»[471]. После этого Далай-лама призвал ограничить практику почитания Дордже-Шугдена в монастырях. Конфликт обострился в 1996г., когда во время посвящения в Дхарамсале Далай-лама назвал Дордже-Шугдена «злобных духом, наносящим ущерб делу Тибета»[472] и попросил уйти тех, кто ему поклоняется.

Главное противоречие состоит в том, что сангха считает, что Шугден – всего лишь мирской дух-защитник учения, не получивший просветления и по-

470. Ваджра – мифологическое оружие, символ молнии, алмаза, духовной силы и мгновенного просветления.
471. Сабиров Р.Т. Тибетский буддизм в России и Монголии в начале XXI в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. №3 (31). С.14. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32393136 (дата обращения: 11.04.2019).
472. Цыремпилов Н. Страсти вокруг Дордже-Шугдена: буддийский фундаментализм или диктатура Далай-ламы? // ARD: портал деловой информации. 2013. 24 сент. URL: http://asiarussia.ru/buddhism/431/ (дата обращения: 04.04.2019).

клонение ему как Будде противоречит буддийскому мировоззрению и философии. Для сторонников Шугдена, это божество имеет статус просветленного существа, он может помочь достичь мирского успеха и наказать тех, кто не поклоняется ему. Далай-лама, будучи хранителем учения всех школ тибетского буддизма, принял решение, что это божество вредоносно и может «нанести ущерб как его последователям, так и всему тибетскому сообществу, если не будет должным образом контролироваться»[473]. Более того, для тибетцев в изгнании крайне необходимо поддерживать единство сангхи, а подобные радикальные культы приводят к развитию сектантства и вырождению религии.

Коммунистическая партия Китая сразу же встала на сторону последователей культа. Конфликт освещается с позиций, что в отличие от тибетских общин в изгнании, которым было запрещено поклоняться Шугдену, сторонники данного культа в КНР могут пользоваться подлинной свободой религиозной практики, в то время как Далай-Лама выступает против свободы вероисповедания.

Культ Шугдена находит поддержку у властей, в монастырях появляются статуи и изображения этого духа, монахов поощряют финансово, легче разрешают поездки, про-шугденовским монастырям выплачивают щедрые субсидии, помогают в строительстве и ремонте. Законодательно закреплено, что «Те, кто разжигает конфликты между монахами и мирянами из-за недоброжелательности в отношении Гьялцен Шугдена будут наказаны» (ст. 18 «Временных меры по исполнению решения правительства округа об устранении ошибок в религиозной сфере» в округе Нагчу, принятые в 2014 г.). Например, «монахи, которые создают конфликт из-за веры, будут изгнаны из монастырской общины и должны будут пройти 6 месяцев патриотического обучения»[474]. Похоже, что данные меры являются предупреждением для тех, кто пытается следовать воле Далай-Ламы как своего духовного лидера и отговорить других от поклонения Шугдену.

473. No Faith in the State. Tibetans Speak about Religious Restrictions. Op. cit. P.57.
474. Driru County People’s Government Issue No.166. Op. cit.

Ситуацию осложняет выход раскола за пределы Индии и Китая. Существуют несколько групп адептов Дордже Шугдена из стран Запада: «одну из них возглавляет Лама Гангчен, живущий в Италии и имеющий тесные связи с КНР. Его «штабквартира» расположена в Сингапуре и, по некоторым данным, финансируется Китаем»[475].

Связь Китая с группой «Новая Кадампа» не доказана. Группа называет себя сетью центров медитации и изучения дхармы[476] и имеет уже более 200 представительств по всему миру. ««Новая Кадампа» провозгласила себя традицией, порвавшей с школой гелуг, и превратилась в международную сеть буддийского радикализма»[477]. Члены «Новой Кадампы» известны тем, что устраивают демонстрации против Далай-Ламы во время его визитов в Европейские страны.

Естественно, данная ситуация наносит существенный урон репутации Далай-ламы и усложняет и без того сложное положение общины в изгнании. Практика, защищающая исключительность и привилегированное положение одной из школ буддизма, вызывает недовольство представителей других школ. Буддистский фундаментализм противоречит политике сближения школ и единого их представительства в лице Далай-ламы. Более того, это недопустимо для народа, большая часть которого формируется диаспорами и крайне нуждается в едином мировоззрении, в том числе, религиозном.

Данный раскол упрощает реализацию религиозной политики Коммунистической партии Китая в отношении тибетского буддизма. Отношение к культу Шугдена становится не только разделением между теми, кто верит, что Шугден – важный дух-защитник школа гелуг и теми, кто считает его суеверным отвлечением от сути буддизма. Лояльность к Шугдену стала в КНР мерилом отношения к Далай-ламе.

---

475. Сабиров Р.Т. Op. cit. P.15.
476. Дхарма – многозначный термин буддийской философии. Среди основных значений можно выделить значение религиозной доктрины, т.е. учения Будды, значение закона и элемента бытия.
477. Урбанаева И. С. Критицизм, аутентичность и радикализм в буддизме // Вестник Калмыцкого Университета. 2017. №1 (33). С. 154. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28944202 (дата обращения: 04.04.2019).

Если за последние три десятилетия в развитие ТАР было вложено средств больше, чем за всю предшествующую историю, то почему реализация политики КПК встречает сопротивление? В основе протестов лежат многочисленные социальные и экономические трудности: обнищание тибетцев, живущих в сельской местности; постоянно увеличивающееся количество ханьцев, переезжающих в тибетские районы и следующая за этим социальная маргинализация тибетского населения; возрастающее экономическое неравенство между ханьцами и тибетцами. Впрочем, этнические противоречия состоят не только в столкновении экономических и политических интересов. На религиозную политику влияет огромная разница в восприятии значения религии. Несмотря на ожидание, что модернизация и экономическое развитие сделают религию рудиментарной и неуместной в жизни тибетцев, экономическое развитие и повышение уровня жизни не изменили значение религиозного фактора.

Тибетская культура не отделима от буддизма и, с китайской точки зрения, является важным компонентом традиционной китайской культуры. Религии, исповедуемые национальными меньшинствами (буддизм в ТАР и ислам в СУАР) должны следовать идеологическим постулатам КНР, находиться в русле официальной религиозной политики, иначе они становятся «главным препятствием развитию» и «стабильности этнических регионов».

Бюрократизированный, во многих аспектах, силовой характер религиозной политики объясняется конкуренцией, которую для китайской власти на уровне округов и уездов, представляет собой система буддистских монастырей. Репрессивное правительство, даже поддерживающее экономическую стабильность, не может сравниться по своему влиянию с альтернативными институтами религиозной власти, традиционно уважаемыми в тибетском обществе. Монастыри в тибетском буддизме дают людям гораздо больше, чем религиозное учение: образование, медицину, астрологические консультации, помощь в сложных жизненных ситуациях. Они

участвуют в разрешении споров среди местного населения, предоставляют убежище во время репрессий и лидерство во время протестов, и многое другое.

Конечно, в первом десятилетии XXI века влияние монастырей постепенно начинает ослабевать в силу ряда факторов. Во-первых, это политическое давление на монастыри, сужающее их спектр деятельности. Во-вторых, снижение качества образования и преподавания, которые исторически предлагались монастырями в Тибете. Это ослабление, в основном, связано с прямым влиянием политики на монашеское образование и учебные планы. Кроме того, определенное влияние оказывает отъезд высокообразованной религиозной элиты в общины тибетской диаспоры.

Другими словами, по мере того, как функции администрирования, образования, социального обеспечения перешли к светским организациям, а религиозная политика закрепляет отрыв сангхи от мирян, традиционная форма религиозной практики всё больше перемещается в частную сферу жизни и берет на себя всё меньше социальных функций в обществе. Полная реконструкция и реорганизация тибетского буддизма во всех его предыдущих, т.е. до 1959 г. аспектах, уже невозможна в современном Тибете.

Религиозная политика, проводившаяся во время нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей, была логически продолжена при следующем поколении лидеров КНР. Си Цзиньпин унаследовал напряженную ситуацию в Тибете. Серия актов самосожжения, начавшаяся в 2009 г., достигла своего пика в 2012 г. Отчаянные действия были вызваны чувством беспомощности как среди монахов, так и среди тибетцев-мирян, столкнувшихся с растущими ограничениями на религиозную деятельность, путешествия, образование детей и другие аспекты повседневной жизни после протестов 2008 г. Несмотря на желание тибетцев таким образом привлечь внимание общественности, и председателя Си, в частности, жесткая позиция по тибетскому вопросу сохраняется и дополняется новыми мерами (запрет на оказание помощи и давление на семьи жертв самосожжения, отмена

ранее разрешенных фестивалей, усиление ограничений на частную религиозную практику и более активное манипулирование тибетской буддийской доктриной).

С другой стороны, в то время как западные наблюдатели, как правило, сетуют на безвозвратную утрату традиционной тибетской культуры под тяжестью современной китайской экономической и идеологической экспансий, тибетский буддизм обретает новые формы.

В эпоху глобальной гиперкоммуникации и проницаемости границ, религиозные движения не только проникают через границу Китая, но и выходят за её пределы. Тибетский буддизм за последние пятьдесят лет вышел за пределы распространения среди тибетского, монгольского, бурятского и калмыцкого народов и стал мировой религией с последователями по всему миру. Центр тибетского буддизма уже не имеет однозначной привязки к Тибету. Дхарма-центры, обучающие разным направлениям тибетского буддизма, открылись во многих крупных городах по всему миру. В центрах проводятся коллективные медитации, есть возможность получить посвящение или послушать лекцию. Всё же, число последователей в европейских странах не так высоко, более того, существуют определённые проблемы адаптации буддизма в непривычном культурном контексте.

Численность тибетцев, а большинство из них является практикующими буддистами, остается более или менее постоянной - приблизительно шесть миллионов человек. За десятилетие с 2007 по 2017 г. значительно увеличилось число последователей тибетского буддизма (именно тибетской, а не китайской буддистской традиции) среди ханьского населения КНР, превысив 7 миллионов человек[478], многие ханьцы также совершают пожертвования в пользу монастырей тибетского буддизма. Происходит своего рода миграция верующих – тибетские буддистские монахи посещают расположенные в ханьских городах буддистские монастыри, а все большее число буддистов-хань

478. Cook S. Op. cit. P.89.

проходят долгосрочное обучение в тибетских монастырях. Через ханьских последователей тибетского буддизма ханьское население становится более осведомленным о тибетском вопросе и тибетской культуре, в их действительной, а не упрощенно-экзотической форме, предлагаемой массовой культурой. Рост числа приверженцев тибетского буддизма не мог не обеспокоить китайские власти и не вызвать очередной виток вмешательства в религиозную сферу. Например, именно с этим можно связать формирование он-лайн базы «живых будд» и расселение монахов из одного из крупнейших институтов Ларунг Гар. Но каждый новый виток ужесточения религиозной политики усложняет и без того напряженную ситуацию в тибетских регионах.

Отличительной чертой религиозной политики Китайской Народной Республики является ее связь с политикой в отношении национальных меньшинств, важность религиозного фактора подчеркивается центральной ролью религии в формировании идентичности таких меньшинств, как уйгуры, хуэй, монголы и тибетцы. Тибетский буддизм – это источник интеграции и конструирования идентичности тибетского общества. В отличие от хуэй и уйгуров – приверженцев ислама, входящих в глобальную исламскую умму, – тибетская религиозная традиция является автохтонной. Это, несомненно, упрочняет идентификацию с буддизмом как монахов, так и тибетских мирян, а любые ограничения, налагаемые китайскими властями на религиозную практику на индивидуальном и коллективном уровнях, воспринимаются как жесткие меры, затрагивающие саму суть Тибета.

Попытки разделить религию и этническое самосознание также потерпели неудачу, изменению же религиозной политики в отношении тибетского буддизма мешает ограничение на само обсуждение такого деликатного вопроса, как политика в отношении национальных меньшинств.

Религиозная сфера КНР подвергается регулированию на трёх уровнях: разделение между «нормальной» религиозной деятельностью в рамках официально признанных объединений и деятельностью «обществ еретических

учений»; реформирование признанных религиозных объединений, в том числе проведение патриотического образования, ограничения в деятельности, контроль через национальные ассоциации, поощрение реформизма (и нередко фундаментализма); и третий уровень - создание приемлемой для КПК национальной идентичности, включающей религиозный компонент, вырезанный и заново сконструированный из существующего религиозного наследия, сплав неоконфуцианства и популярных элементов «народной религии».

Жесткое регулирование религии приводит не к её упрощению, но к созданию всё более диверсифицированной и сложной для управления религиозной системы, включающей легальную, нелегальную и «теневую» составляющие религиозной деятельности.

В теневую область религиозного регулирования попадают религиозные организации и религиозная деятельность с неопределенным правовым статусом, например, незаконная религиозная деятельность законно существующих религиозных групп или запрещённые религиозные практики, которые проявляются в культуре или науке, а не в религии.

Чем более жестким становится регулирование религиозной сферы, тем больше становится «теневая область» и тем сложнее её регулировать. Грубые методы подавления религиозной деятельности, отличающейся от «нормальной» дали обратный эффект, повысив, а не понизив интенсивность конфликта между государственными и религиозными институтами.

III.2. Протестные действия тибетцев в КНР в 2002-2012 гг.[479]

Проблема разделённых народов и наций, борющихся за свою государственность, весьма актуальна для исторической и политической наук, что связано как с нарастающим миграционным кризисом, который изменяет этнополитический облик целых регионов, так и с иными деструктивными явлениями в сфере международных отношений, зачастую принимающими крайне опасные формы террористических актов или организованного гражданского неповиновения властям. Тибетцы, наряду с курдами, уйгурами и др., являются одним из крупнейших разделённых народов современного мира, и потому выступают в качестве закономерного примера для исследования указанной проблематики.

Национальные меньшинства КНР находятся под защитой международного права. Международные соглашения предусматривают ряд положений и разъяснений по защите культурных прав и языков национальных меньшинств. Эти соглашения также обозначают те правовые рамки, которые Китай должен соблюдать и исполнять. Так, «Международный пакт о гражданских и политических правах», статья 27 (1966 г.) содержит следующие нормы: «в тех государствах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами этой группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком»[480].

Конвенция о правах ребенка (статья 30) детализирует положение «Международного пакта о гражданских и политических правах» в отношении прав детей, которые являются членами групп меньшинств: «в тех государствах, где существуют этнические, религиозные или языковые меньшинства или лица из числа коренного населения, ребенку, принадлежащему к таким меньшинствам

---

479. Материалы данного параграфа были опубликованы в статье: Помелова Ю.П., Волков С.Ю. Самоорганизация национальных меньшинств на примере тибетской диаспоры // Огарёв-Online. № 4. 2019. С. 1-8.
480. Международный пакт о гражданских и политических правах / United Nations Treaty Series. Vol. 999. P. 225–240. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

или коренному населению, не может быть отказано в праве совместно с другими членами своей группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком[481].

Кроме того, Китай также обязан соблюдать Конвенцию ЮНЕСКО 1960 г. о борьбе с дискриминацией в области образования, согласно которой «за лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам, следует признавать право вести собственную просветительную работу, включая руководство школами, и, в соответствии с политикой в области образования каждого государства, использовать или преподавать свой собственный язык»[482].

В отношении национальных меньшинств, статья 1 «Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1992 г., гласит: «Государства охраняют на их соответствующих территориях существование и самобытность национальных или этнических, культурных, религиозных и языковых меньшинств и поощряют создание условий для развития этой самобытности»[483].

В общем, «в качестве компромиссного варианта международное сообщество пришло к признанию права меньшинств на внутреннее самоопределение, т.е. самоопределение, не ведущее к независимости. Международно-признанными границами внутреннего самоопределения является право национальных меньшинств на контроль за своим внутренним развитием (образование, социальная политика, культура, язык и т.п.), в то время как внешние во-

481. Конвенция о правах ребенка / Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок четвертая сессия, Дополнение №49 (A/44/49). С. 230–239. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml
482. Конвенция ЮНЕСКО 1960 года о борьбе с дискриминацией в области образования. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml
483. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml

просы (оборона, дипломатические отношения, внешняя торговля и др.) остаются в ведении центральных органов государства»[484]. То есть, самоопределение в рамках государства ассоциируется с административно-территориальной автономией различного уровня подчинения в границах конфедеративного, федеративного или даже унитарного государства.

Для национальных меньшинств, в большинстве случаев, необходимость в самоорганизации проистекает из критической социально-экономической ситуации, например, нарушения их естественных прав. В отличие от позитивного права, принимаемого государством, естественные права заложены в природе бытия человека, они неотчуждаемы и универсальны. Если невозможно делегировать защиту прав какому-либо институту, а политические партии, общественные объединения или религиозные общины не в состоянии защитить интересы меньшинства, возникает потребность в самостоятельном и коллективном действии.

По своему конституционно-правовому смыслу самоорганизация национальных меньшинств в КНР является процессом их самоопределения в унитарном государстве, которое осуществляется в соответствии с Конституцией КНР и ее действующим законодательством. Ситуацию осложняет то, что некоторые национальные меньшинства КНР относятся к разделенным народам. Согласно определению данного термина, данному Балашовым Ю.А., разделенный народ это «этническая группа, территория компактного проживания которой разделена границами двух или более государств, которая осознает себя в качестве единой общности, стремится к объединению своего этнического пространства в рамках собственного единого государственного образования или, по крайней мере, к получению широких автономных прав в границах уже существующих государств и формирует специфические механизмы

484. Герасимова О.Е. Международно-правовые основы становления и развития института национально-культурной автономии // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2017. Т.17. Вып.2. С.217. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-osnovy-stanovleniya-i-razvitiya-instituta-natsionalno-kulturnoy-avtonomii

сдерживания культурной дифференциации своих отдельных частей, расположенных по разные стороны границ государств»[485].

Большая часть характеристик, отличающих разделенные народы от диаспор или этнических меньшинств, присущи тибетцам и уйгурам: «данные группы являются автохтонами и составляют большинство на территории компактного проживания; этническое пространство таких общностей «разрезано» политическими пространствами нескольких государственных образований; этническая идентичность представителей данных общностей доминирует над гражданской; лидеры названных общностей активно проводят пропагандистские кампании, направленные на укрепление солидарности представителей данных этнических групп, проживающих по разные стороны границы; в рамках данных этнических общностей функционирует система формальных или неформальных институтов, обеспечивающих трансграничное сотрудничество между частями этноса, расположенными по разные стороны государственных границ, и формирующих условия для сохранения интегрированности культурного пространства этноса в целом; представители данных этнических групп формируют политические партии, организации и движения (как легальные, так и нелегальные), деятельность которых направлена на отстаивание ирредентистских проектов, как на уровне «разделяющих» государств, так и на международном уровне»[486]. Соответственно, ориентация разделенных групп на сецессию[487] или получение широкой автономии в рамках уже существующих государственных образований усиливает их этническую идентичность и затрудняет формирование гражданской идентичности, способной обеспечить их лояльность к государству проживания[488].

---

485. Балашов Ю.А. Разделенные народы: проблемы изучения, особенности развития и механизмы воздействия на политические процессы. 2008. 26 июля. URL: http://www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/4215/
486. Там же.
487. Сецессия – выход из состава государства (в основном, федеративного государства) его административно-территориальной единицы. Право территорий на сецессию не предусматривается конституциями большинства государств.
488. Балашов Ю.А. Механизмы формирования гражданской идентичности разделенных этносов / Вестник Нижегородского университета им.Н.И.Лобачевского. 2007. №3. С. 212.

Очередные массовые протесты, связанные с 49-ой годовщиной восстания 1959 г. и проведением Олимпийских игр, датируются 2008 г. Ежегодно ситуация обостряется в марте (в память восстания 1959 г.) и в июле (день рождения Далай-ламы XIV). Крупномасштабные выступления не возможны в условиях значительного присутствия полиции. Превентивные меры, принимаемые каждый год в марте и июле, такие, как запрет на перемещение монахов между уездами, въезд граждан других стран, изоляция монастырей делает невозможным успешную организацию массовых протестных выступлений. Из-за репрессий, которым подвергаются те, кто открыто оспаривает официальную политику, из-за отсутствия возможности добиться справедливости легальными мерами через политическую систему, возникают другие формы протестных действий.

Повсеместно осуществляется скрытое сопротивление – акты индивидуального протеста среди тибетцев почти так же широко распространены и разнообразны, как и официальный контроль над религиозной политикой. Личное пространство тибетцев всё ещё находится за пределами досягаемости китайского государства. Конечно, с помощью скрытого сопротивления невозможно изменить сложившуюся ситуацию, но именно через одинаковые действия большого количества людей формируется их общее «воображаемое сообщество».

Многие монахи и миряне тайно хранят изображения Далай-ламы. Регулярно проводятся запрещенные религиозные ритуалы, например, сжигание благовоний и молитвы, направленные на дарование здоровья и долгой жизни Далай-ламе XIV. Одним из способов ненасильственного протеста стала организация социального сетевого движения «Лхакар», что буквально означает «белая среда». Оно зародилось в 2008 г. и стало традицией, напоминающей носителям тибетской культуры о том, что один день недели следует посвятить упрочению национальных и культурных ценностей. Участники этого движения носят традиционные костюмы «чупа», говорят на

тибетском языке, едят тибетскую пищу и соблюдают бойкот китайских товаров. Благодаря повсеместному использованию Интернета и распространенности социальных сетей, движение «Лхакар» распространилось повсеместно на большинство тибетских общин[489].

Тибетское общество внутри КНР восприимчиво к обращениям Далай-ламы и периодически, несмотря на возможные последствия, массово выражает свою поддержку и лояльность. Самые яркие примеры – отказ от поклонения Дордже Шугдену и коллективные сжигания мехов и шкур редких животных в ответ на просьбу Далай-ламы воздержаться от их использования. Традиционно для пошива верхней одежды «чуба» состоятельными тибетцами использовались шкуры выдр, леопардов, барсов и тигров. В январе 2006 г. на церемонии посвящения Калачакра в Индии Далай-лама выразил своё неодобрение тому, что шкуры исчезающих видов животных используются тибетцами, назвав это «позором». Послание распространилось по Тибету быстро и уже в феврале 2006 г. начались массовые сжигания шкур, например, в монастыре Кирти в автономном округе Нгава провинции Сычуань более 10 000 человек собрались, чтобы сжечь шкуры, несмотря на их очевидную ценность. Сотрудники Агентства по экологическим исследованиям (EIA) заметили, что, если в 2005 г. они видели сотни тибетцев в одежде, украшенной мехом животных, на фестивале скачек в Литанге, в 2007 г. ни один тибетец не украсил себя шкурой животного[490].

Другой формой сопротивления в 1990-2000-ых гг. было уклонение от осуждения Далай-ламы или вообще от участия в патриотическом образовании. Также известны случаи, когда монахи временно покидали свои монастыри и прятались среди местного населения или в окрестных горах на период патриотической кампании или официальной инспекции монастыря на предмет

489. Lhakar Wednesday Movement: Celebration of Tibetan Spirit // Tibet in review. – 2012. – Jun. 13. – URL: https://www.voatibetanenglish.com/a/1404065.html
490. No Faith in the State. Tibetans Speak about Religious Restrictions / Ed. A. Holmes. L.: Tibet Watch, 2007. P.53-55.

наличия регистрации или присутствия монахов в возрасте до 18 лет[491]. Данная форма сопротивления потеряла свой смысл после установления постоянного присутствия партийных кадров и правительственных должностных лиц в Комитетах по управлению монастырями в 2012 г.

Эмиграция в другие страны по религиозных и политических мотивам также может считаться формой сопротивления. На 2017 г. за рубежом проживают более 200 000 тибетцев[492]. Препятствия, устанавливаемые КПК мы уже кратко описывали в пункте «Ограничение на перемещение внутри страны и за границу» второго параграфа данной главы.

Кроме уклонения, эмиграции и личного скрытого сопротивления, следует выделить еще две формы протестных действий.

Сопротивление партийным мерам в отношении религии способствовало развитию временных учебных центров тибетского буддизма как одного из самых массовых религиозных движений в КНР. Временные религиозные центры стали своеобразным ответом на ограничения численности сангхи и передвижения между монастырями, на контроль учебных планов монастырей и отъезд в эмиграцию известных духовных наставников. Временные учебные центры стали за первое десятилетие XXI века альтернативной формой религиозных собраний и передачи буддистского учения.

Практика организации религиозных собраний монахов и практикующих-мирян в периоды передачи учений, посвящений, формирования новых монашеских общин была достаточно распространенной в Тибете с XIV века и, по большей части, характерна для школы Карма Кагью. Учебные центры схожи с монастырями, но не имеют подобной системы управления, многие из них формируются вокруг харизматичных лидеров, находятся в удаленных районах и функционируют, преимущественно, как

491. Cook S. A Freedom House Special Report: The Battle for China’s Spirit // Freedom House. 2017. P.99. URL: https://freedomhouse.org/report/china-religious-freedom (дата обращения: 05.04.2019).
492. Reasons, courses and trends: overseas tibetans’ emigrations and remigrations / Zhu P. [et.al.] // INTCES: proc. of 4th int. conf. Istanbul. 2017. Feb. 6-8. URL: http://www.ocerint.org/intcess17_epublication/papers/343.pdf (дата обращения: 13.04.2019).

уединенные центры медитации. В них могут проходить обучение и монахи, и миряне.

В учебных центрах, расположенных в тибетских регионах, часто можно встретить ханьских мирян и монахов как из материкового Китая, как и из Тайваня или стран Юго-Восточной Азии. В большинстве учебных центров есть говорящие по-китайски монахи, которые руководят учебной программой на китайском языке, предоставляют переведенные на китайский язык тексты, и, зачастую синхронные переводы учений и ритуалов[493]. Большое количество учеников-ханьцев отражает общий тренд на распространение буддистской философии и, в частности, тибетского буддизма среди китайцев. Площади учебных центров варьируются от маленьких горных скитов, в которых живут несколько сотен монахов до центров размером с небольшой город. Самые известные из крупных учебных центров, в русскоязычной литературе именуемый буддистский академией, – это Ларунг Гар с монашеским населением в 10000 человек, из которых 1000 – ханьцы (без учета мирян и граждан других государств)[494] и Ячен Гар с монашеским населением в 9000 человек (преимущественно монахини)[495].

Многие учебные центры, вне зависимости от их размера, подвергаются инспекции и следующему за ней закрытию. Основной повод для массового выселения монахов и разрушения их келий – отсутствие у монашеского населения регистрации по месту жительства (хукоу). Так еще в конце 1990-ых годов были опустошены пещерные скиты Йерпа и Чимпу с более чем тысячелетней историей (впоследствии восстановлены)[496].

---

493. Terrone A. Tibetan Buddhism beyond the Monastery: Revelation and Identity in rNying ma Communities of Present-day Kham mages of Tibet in the 19th and 20th Centuries // Études thématiques. No.2. Vol. 22. 2008. P. 774-777. URL: https://www.academia.edu/35759561/Terrone-_Tibetan_Buddhism_beyond_the_Monastery (дата обращения: 15.04.2019).
494. Undercover in Larung Gar: A year after demolition, world's largest Tibetan Buddhist institute sliced like a melon // Tibetan Centre for Human Rights and Democracy. 2017. Aug. 11. URL: http://tchrd.org/undercover-in-larung-gar-a-year-after-demolition-worlds-largest-tibetan-buddhist-institute-sliced-like-a-melon/ / (дата обращения: 13.04.2019).
495. Ibid.
496. Schwartz R. Religious Persecution in Tibet // Canada Tibet Committee. 1999. P.4. URL: http://www.tibet.ca/_media/PDF/Religious-Persecution-in-Tibet.pdf (дата обращения: 04.02.2019).

Ларунг Гар также уже подвергался крупномасштабному сносу в 2001 г. и был восстановлен, но в 2016 г. правительство уезда Сертар Гардзе-Тибетского автономного округа провинции Сычуань следуя целям Шестого форума ЦК КПК по работе в Тибете выпустило уведомление о сносе монашеских кварталов учебного центра Ларунг Гар. До 30 сентября 2017 г. должны были выселить 5000 монахов и снести 1500 келий, также Ларунг Гар должен был принять государственное управление образованием[497]. Уже к маю 2017 г. были выселены 4828 монахов и монахинь и разрушены 4725 келий[498]. Главная цель КПК в данной ситуации – сократить монашеское население до более управляемой численности, что позволит более пристально следить за учебным центром и сделать его удобной локацией для внутреннего туризма. Пример Ларунг Гара демонстрирует, что происходит, когда самоорганизация тибетцев ставит под сомнение политические практики партии. С другой стороны, развитие учебных центров и их популярность стала ответом на ограничения в религиозной сфере. Необходимость сохранить и передать традиционную буддистскую практику будет движущей силой для строительства других, еще более удаленных центров или найдет выражение в другой форме собраний и обучения.

Наиболее противоречивая и драматичная форма протеста - самосожжение получила массовое распространение с 2009 г. Несомненно, это стало ответом на ужесточение методов религиозной политики после событий 2008 г. Самосожжения показали прямую зависимость между государственным давлением, таким как правовые меры контроля религиозной сферы, патриотическое образование и сопротивлением со стороны тибетцев.

Географически, подавляющее большинство задокументированных инцидентов произошло за пределами ТАР, причем наибольшее количество приходится на провинцию Сычуань. Разница может отражать более сильную реакцию в регионах, пользовавшихся до середины конца 2000-ых годов

497. China issues demolition order on world’s largest religious town in Tibet // Tibetan Centre for Human Rights and Democracy. 2016. Jun.15. URL: http://tchrd.org/china-issues-demolition-order-on-worlds-largest-religious-town-in-tibet/ (дата обращения: 13.04.2019).
498. Undercover in Larung Gar. Op.cit.

относительной свободой, также возможно, что в ТАР просто осуществляется более строгий контроль над информацией о самосожжениях[499].

Волна самосожжений началась с уезда Аба (Нгава-Тибетско-Цянский автономный округ провинции Сычуань), где действовали чрезвычайно обременительные бюрократические препятствия для деятельности монастырей. Вслед за монахами из Нгавы, самосожжения стали охватывать все тибетское население: мирян и монахов, мужчин и женин, пятнадцатилетних подростков и глубоких стариков, живущих в Китае и в Индии. С февраля 2009 по декабрь 2018 гг. самосожжение совершили 155 тибетцев, из них 123 погибли. Большинство актов самосожжения, примерно 107, произошло за первые пять лет с 2009 г. по 2013 г[500].

Уменьшение числа самосожжений объясняется, в первую очередь, реакцией правительства. На национальном уровне, в декабре 2012 г. Верховный народный суд, Верховная народная прокуратура и Министерство общественной безопасности КНР совместно опубликовали «Руководящие принципы по рассмотрению случаев самосожжения в тибетских районах», по которым подстрекательство и помощь другим в самосожжении, должны рассматриваться как уголовные преступления, а в некоторых случаях, как умышленное убийство[501]. В некоторых административно-территориальных образованиях, например, в уезде Дзёге (Жоэргай) округа Нгава провинции Сычуань в 2013 г. были приняты «Временные правила против самосожжений», включающие широкий комплекс мер по противодействию самосожжениям. Согласно им, родственники жертв самосожжения не могут занимать государственные должности, получать государственную помощь, а также теряют льготы, получаемые по регистрации (хукоу). Деревни, в которых

499. Map: Tibetan self-immolations from 2009-2017 // International campaign for Tibet. 2019. Jan. 31. URL: http://www.savetibet.org/resources/fact-sheets/self-immolations-by-tibetans/map-tibetan-self-immolations-from-2009-2013/ (дата обращения: 27.04.2019).
500. Self-immolations by Tibetans // International campaign for Tibet. 2018. Dec. 10. URL: http://www.saveti-bet.org/resources/fact-sheets/self-immolations-by-tibetans/ (дата обращения: 27.04.2019).
501. 动自焚者必将受到法律严惩. Дунцзыфэньчжэ би цзяншоудао фалюйяньчэн (За попытку самосожжения будет грозить строгое наказание). Ганьсужибао. 2012. URL: http://gn.gansudaily.com.cn/system/2012/12/03/013508017_01.shtml (дата обращения: 13.04.2019).

происходят акции самосожжения, должны быть полностью лишены государственной помощи, а сельскохозяйственные угодья или пастбища, зарегистрированные на имя жертвы самосожжения, переданы государству. Монастыри в этом же случае должны заплатить штраф в размере от 10 000 до 500 000 юаней[502]. Другие меры также включали вознаграждение за информацию о планируемом самосожжении, арест и длительные тюремные сроки для членов семьи и друзей жертвы самосожжения, запрет на любые форм похоронных обрядов для погибших[503]. Так как теперь наказание за самосожжение настигает друзей, семью, целую деревню или монастырь, несогласные с официальной политикой перешли к практике другой формы протеста – одиночным пикетам в общественных местах. Обычно, одиночный пикет не длится долго, монаха или мирянина с изображением Далай-ламы или флагом Тибета в руках быстро задерживают представители Министерства общественной безопасности КНР.

Естественно, кроме сопротивления, наблюдается и противоположная тенденция – сотрудничество. Значительное число лидеров тибетского буддизма активно сотрудничает с китайскими властями, многие ведут переговоры с местными чиновниками, чтобы обеспечить соответствие официальным директивам и свести к минимуму репрессивные методы. Также некоторые китайские чиновники видят в религиозных группах естественную помощь в мобилизации населения для реализации планов экономического развития регионов. По словам заместителя губернатора округа, существует «прямая связь между религиозной деятельностью и материальным развитием в общинах. Возьмем, например, деревню Д.: там нет религии, и именно здесь у нас больше всего социальных проблем, таких как пьянство и азартные игры.

---

502. Dzoege County People’s Government’s Notice of Provisional Anti-Self-Immolation Regulations // “Absurd and terrifying” new regulations escalate drive to criminalize self-immolations by targeting family, villagers, monasteries / International campaign for Tibet. 2014. Feb. 24. URL: http://www.savetibet.org/absurd-and-terrifying-new-regulations-escalate-drive-to-criminalize-self-immolations-by-targeting-family-villagers-monasteries/ (дата обращения: 27.04.2019).
503. Tibet’s “Intolerable” Monasteries: the role of monasteries in Tibetan resistance since 1950 // Tibet Watch. 2016. P.10. URL: http://www.tibetwatch.org/uploads/2/4/3/4/24348968/tibets_intolerable_monasteries.pdf (дата обращения: 15.03.2019).

В деревнях, где дела идут лучше, живут люди, участвующие в религиозной деятельности»[504]. Более того, сотрудничество с монастырями тибетского буддизма, может принести значимую выгоду общине: поддержка инициатив местного правительства, развитие въездного туризма, моральный консенсус и более сильное чувство общности.

Конечно, случаи сотрудничества являются скорее исключением, чем правилом. Опасность здесь заключается в отказе от сотрудничества и дальнейшей эскалации конфликта. Монахи были в авангарде протестов и других методов сопротивления в Тибете. Они также выступают в роли катализаторов народной активности, тибетские общины, живущие вокруг монастырей, как правило, более политически активны.

Буддизм как религия ненасилия начинает трансформироваться в соответствии с вызовами времени, в этом плане, опыт Мьянмы и Шри-Ланки может быть показательным для КНР. Такие события, как массовые самосожжения будут и впредь привлекать внимание международных СМИ к положению тибетских буддистов в КНР.

В этих условиях международная поддержка соблюдения прав человека в Тибете будет усиливаться, особенно по мере приближения к зимним Олимпийским играм в Пекине в 2022 г. Но даже несмотря на международное освещение тибетского вопроса и возможную поддержку со стороны международных организаций, практически любые формы сопротивления формированию единой национальной идентичности в КНР во главе с «государствообразующим народом» обречены на провал. Тем не менее, следует учитывать влияние эскалации данной ситуации на мировую политику и отношения ведущих государств с КНР.

504. Hillman, B. Monastic politics and the local state in China: authority and autonomy in an ethnically Tibetan prefecture // The China Journal. 2005. No. 54. P. 48.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертации был проведен комплексный анализ политики формирования национальной идентичности в КНР за десятилетие нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей. Поставленные во вступлении цель и задачи были реализованы.

История формирования национальной идентичности в КНР в работе исследована с позиций конструктивизма. Мы пришли к выводу, что концепция национальной идентичности использовалась в качестве механизма конструирования желаемой Коммунистической партией Китая социальной реальности. Строительство национальной идентичности реализуется не только путем исключения внешнего «другого», но и через трансформацию внутреннего «другого», как это и происходило в КНР. Желаемым следствием формирования национальной идентичности в КНР должна стать тотальная гомогенизация населения, создание абсолютной, по возможности, культурной и национальной однородности населения.

На десятилетие руководства «четвертого поколения» пришелся период последовательного экономического роста, закрепившего за Китаем роль одной из главных мировых держав. Успешное прохождение кризиса 2008 г. укрепило чувство национального уважения и значимости. С приходом к власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей, среди целей и задач модернизации стали чаще появляться социально-культурные приоритеты, что было вызвано как несомненными экономическими успехами КНР, так и чрезвычайными событиями, таким как, например, эпидемия атипичной пневмонии в 2003 г. и землетрясение в г. Вэньчуань провинции Сычуань, показавшими уязвимость социальной системы КНР. Политика «четвертого поколения», сохраняет преемственность с внутриполитическим курсом трех поколений партийно-государственного руководства, но при этом и имеет значительные отличия.

Для воплощения проекта однородности и развития национальной идентичности Китая в 2002-2012 гг., Коммунистическая партия Китая создает и реализует ряд концепций: концепция «китайской нации», «концепция возвышения национального духа», концепция «тройного представительства», концепция «научного развития», концепция «гармоничного общества», укрепление морали через «восемь добродетелей и восемь пороков». На XVII съезде КПК концепция «научного развития», сфокусировавшая внимание Партии на человеке как основе основ, была добавлена в ряд идеологических оснований партийного курса. Связанная с концепцией «научного развития», концепция «гармоничного общества» стала частью идеологии КНР и одним из лейтмотивов деятельности «четвертого поколения». Гармоничными должны были стать отношения между различными социальными слоями, включая межнациональные и межрелигиозные отношения. Данные концепции продолжает политику, проводившуюся руководителями «второго» и «третьего» поколения, в частности, в сохранении главной роли модернизации и развития. При этом, экономические приоритеты были дополнены социальными и культурными, подход к решению внутренних проблем КНР стал более комплексным. Трансформация политического дискурса и программные изменения в политике КПК повлияли на политику в отношении национальных меньшинств. Формирование единого «многонационального китайского народа» за счет ускоренного развития районов преимущественного проживания национальных меньшинств, что, несомненно, соответствует линии реформ и построения среднезажиточного общества, было дополнено политикой, направленной на уменьшение противоречий в межнациональных отношениях.

Каждое национальное государство формулирует собственные концептуальные основы формирования идентичности, во многом совпадающие по целям и методам реализации. Для КНР уникальными являются ряд особенностей формирования национальной идентичности, заложенные во время «первого»

и «второго» поколений партийно-государственных руководителей, реализованные и продолженные в течение «третьего» и «четвертого» поколений. В первую очередь, это исключительная роль партии в разработке базовых теоретических составляющих концепции национальной идентичности, основных символов и моделей формирования идентичности, а также их распространения и восприятия массовым сознанием. Для политической культуры КНР характерно понимание государства как наибольшей ценности. Конфуцианская идея восприятия государства как большой семьи прослеживается в современном патерналистском характере власти. Более того, в течение рассматриваемого периода, КПК поддерживало конфуцианство как инструмент сохранения социальной стабильности, иерархии, консенсуса, уважения к власти и противопоставления китайской культуры западной системе ценностей и обычаев. Принципы конфуцианства использовались для обеспечения необходимой легитимации политического режима. Другой особенностью формирования национальной идентичности в КНР является китайское историческое сознание, на основе которого осуществляется социальная консолидация. Представление о своей стране как самой древней из ныне существующих позволяют китайцам ощущать интеллектуальное, моральное и культурное превосходство Срединного государства над всеми остальными и испытывать чувство снисхождения к «отсталым» неханьским народам.

Основной характеристикой процесса интеграции этнической идентичности меньшинств в общенациональную идентичность в 2002-2012 гг. являлось восприятие партийно-государственными руководителями «четвертого поколения» национальной и этнорелигиозной идентичности в рамках концепции «нулевой суммы». Основываясь на концепции Н.С. Трубецкого, в диссертации была выработана закономерность приобщения национальных меньшинств к доминантной культуре ханьцев в зависимости от осуществляемых (признанных) культурных открытий ханьцев и национальных меньшинств. Ханьцы создают больше ценностей, способных войти в культурный запас КНР, в то

время как в отношении национальных меньшинств культурный импорт превышает культурный экспорт, что говорит нам о неизбежном преобладании культуры большинства в национальной идентичности в КНР. Однородное общество, приверженное общей национальной идентичности, не нуждается в жестких ограничениях, репрессивном аппарате и легко мобилизуется для реализации целей партии. Следует понимать, что индивидуумы являются одновременно носителями нескольких идентичностей. Преданность этнической идентичности не отменяет приверженности общенациональному сообществу. Но, при этом, официальный курс КПК направлен на постепенные изменения общественной жизни и предполагает идентификационную гомогенизацию в качестве решения национального вопроса внутри страны. Идентификация с партией и «многонациональным китайским народом» становится доминирующей и во многом опирается на настороженное отношение к любым этническим, религиозным и локальным идентификациям.

Формирование национальной идентичности в КНР в диссертации представлено как управленческий процесс, обладающий системными свойствами. Если гражданская идентичность выстраивается на основе «ежедневного плебисцита», то для формирования национальной идентичности требуются спланированные действия центральной власти, продолжительные во времени. В нашей работе проведено комплексное исследование использования политических инструментов формирования национальной идентичности в КНР в отношении национальных меньшинств в 2002-2012 гг., определяющее значение было признано за информационной, образовательной, религиозной и языковой политиками. В работе был проведен анализ процесса реализации каждого из данных видов политики в период нахождения в руководстве страны «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров: законодательство, обеспечивающее их легитимность, методы реализации, проблемы, возникающие при реализации, влияние данной политики на процесс формирования идентичности.

По итогам анализа информационной политики КНР в отношении национальных меньшинств, мы пришли к выводу, что с помощью информационной политики КПК в рассматриваемый период монополизировало право представлять культуру национальных меньшинств, окончательно утвердив включение и переработку их этнической идентичности общенациональной идентичностью КНР. Доминирующий нарратив китайских СМИ представляет нам идеалистические картины жизни национальных меньшинств. Этот образ не совпадает с тем, как видят себя сами меньшинства и третьи лица, но в конечном итоге, влияет на их восприятие ханьским большинством и постепенно изменяет их представление об их самих. Более того, преднамеренно или непреднамеренно, новостные и развлекательные СМИ КНР «обучают» навязывают общественности как внутри страны, так и за рубежом запрограммированный КПК «образ» национальных меньшинств. Средства массовой информации являются единственным источником информации о национальных меньшинствах для людей, которые не имеют прямых контактов с членами данных этнических групп.

КПК в 2002-2012 гг. прилагала максимум усилий для поддержания образа этнической гармонии в КНР и снижения межэтнической напряженности, тщательно контролируя общедоступную информацию и общественное обсуждение этнических вопросов. Под влияние информационной политики КПК попадал не только внутригосударственный общественный дискурс, но и международное обсуждение данных вопросов. В информационной политике, направленной за рубеж применялась как позитивная, так и негативная пропаганда по национальным вопросам. Положительные пропагандистские мероприятия были нацелены на повышение национального имиджа Китая, отрицательные - на изоляцию этнических лидеров и движений, которые могли угрожать его политической стабильности. Строгий контроль над делами национальных меньшинств содействовал поддержанию экспортного образа межнационального согласия в стране. Вся информация о национальных меньшинствах в СМИ

тщательно фильтровалась, чтобы поддерживать и укреплять полномочия и легитимность их управления Коммунистической партией Китая. В рассматриваемый период, с помощью сети Интернет, расширились новые возможности выражения идентификации и коллективной принадлежности, что также увеличило сложность контроля и создания информационной монополии. Данный фактор стал одним из новых вызовов руководителям «четвертого» поколения, работавшим над формированием «многонационального китайского народа» и включением национальных меньшинств в общенациональную идентичность.

В ходе анализа образовательной политики КНР в отношении национальных меньшинств, мы пришли к выводу, что вопросы развития школьного и высшего образования национальных меньшинств в рассматриваемый период оставались недорешенными. Факты, свидетельствующие, что уровень неграмотности среди неханьских детей гораздо выше, чем у их сверстников-ханьцев, а процент студентов из этнических меньшинств, получающих высшее образование, по-прежнему ниже доли меньшинств в населении страны, говорят об отсутствии заявленных КПК результатов образовательной политики.

Для партии развитие образования национальных меньшинств особенно важно, поскольку направлено на создание благонадежного, лояльного среднего класса национальных меньшинств, способного служить посредниками между Коммунистической партией Китая и населением автономных регионов, занимающих большую часть территории КНР. В период руководства «четвертого поколения» проводилась преференциальная политика в отношении национальных меньшинств, например, применялись льготы при поступлении в сочетании со специально созданными институтами образования: подготовительные курсы, институты национальных меньшинств, национально-ориентированные классы. При этом, данные меры позволяли правительству регулировать количество студентов из национальных меньшинств, получающих высшее образование в определенных высших учебных заведениях на определенных специальностях.

Школы и вузы формируют мировосприятие детей через те ценности, которые они передают, выполняя функцию укрепления общенациональной идентичности. Постепенная трансформация национальных меньшинств в граждан КНР является главной образовательной задачей. В ходе образовательного процесса ученикам передавалась идеология национальности в КНР и отношений между народами, разделенными на национальные меньшинства. При этом на государственное образование возложена обязанность сохранения культуры этнических меньшинств именно в рамках доминирования ханьской культуры и её цивилизационного проекта.

В процессе анализа языковой политики КНР в отношении национальных меньшинств, мы пришли к выводу, что языковая политика КНР носила универсальный характер: на официальном уровне осуществлялась активная экспансия китайского языка в форме путунхуа, при этом, что одновременно реализовывались программы поддержки языков национальных меньшинств. Таким образом, происходило поддержание формального языкового неравенства при провозглашении курса поддержки программы равенства. Общегосударственный язык играет важную, одну из основных ролей в формировании общегражданской идентичности через осуществление власти с помощью языковой политики. Учитывая общемировую тенденцию исчезновения языков малочисленных народов, не имеющих собственной государственности, возможно, КПК для достижения целей гомогенизации и стабилизации общества достаточно просто не вмешиваться в процесс постепенного сужения языкового многообразия страны. С другой стороны, подобное невмешательство недопустимо в языковой сфере, т.к. несмотря на сужение функциональной сферы применения языков малочисленных народов и усиливающуюся китаизацию, язык является передовым рубежом борьбы за сохранение или формирование новой идентичности народов КНР. Таким образом, реализации языковой политики в отношении национальных меньшинств в период нахождения у вла-

сти «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров была успешной, партия придерживалась «золотой середины»: позволяла национальным меньшинствам пользоваться определенной языковой автономией для предотвращения эскалации межнациональной напряженности и тем самым обеспечивала равноправие всех граждан, но при этом, с помощью языковой политики постепенно включала национальные меньшинства в единую китайскую нацию.

Что касается религиозной политики, то данная сфера формирования национальной идентичности в рассматриваемый период подверглась более жесткой регламентации. Все общественные отношения, связанные с вопросами вероисповедания, были поставлены под государственный контроль, осуществляемый посредством реализации законодательных актов, принятых на национальном, провинциальном и местном уровнях. Конечно, в восприятии китайской власти, свобода вероисповедания не означает автоматическое право быть приверженцем любого религиозного течения, осуществлять любую религиозную деятельность. Для граждан КНР свобода вероисповедания – это осуществление «нормальной» религиозной деятельности в рамках закона. «Нормальная» религиозная деятельность проводится в рамках пяти патриотических ассоциаций, представляющих буддизм, даосизм, ислам, католичество и протестантизм. Цели проведения религиозной политики весьма очевидны как в среднесрочной, так и в долгосрочной перспективах. В первую очередь, в государственные внутриполитические интересы входит поддержание стабильности в регионах с большой долей проживающих национальных меньшинств, предотвращение оппозиционных настроений среди граждан КНР. В долгосрочной перспективе, в случае успешной реализации религиозной политики, «нормальная» религиозная деятельность, осуществляемая через патриотические ассоциации, будет способствовать формированию и поддержанию национальной идентичности в КНР.

В религиозной сфере руководство Китая видит возможность создания «гармоничного общества». Прагматичная религиозная политика, реализуемая в период между XVI и XVII съездами, практически полностью состояла из установления всестороннего контроля над религиозной сферой общественной жизни. Преимущественный выбор методов жесткого регулирования и репрессий среди всех прочих методов управления религиями, говорит нам о недоверии к религии, как к инструменту деструктивных сил, враждебных и коммунистической идеологии, и китайскому национальному государству. Сочетание этого недоверия с желанием использовать религиозный фактор во внутренней политике обуславливает существование множества нерешенных проблем политико-религиозного характера.

Политический курс в отношении религии останется неизменным, пока он будет формироваться исходя из опасности, которую китайское руководство видит не только в деструктивных культах, но в и приверженцах тибетского буддизма, в уйгурских мусульманах, «подпольных» католиках или протестантских «домашних церквях». Нам совершенно очевидно, что любой верующий в КНР не внушает доверия властям. Верующий гражданин КНР, по мнению Политбюро ЦК КПК, в принципе не может быть апологетом государственной власти, а значит, не может быть хорошим гражданином. Главный идол поклонения – сама власть и всякий претендент на место в этом пантеоне – враг априори. Поклонение иному божеству - есть ущемление гегемонии коммунистической власти. Не случайно все революционеры от анархистов и троцкистов до национал-социалистов практиковали богоборчество. Каждый по-разному, но религия мешала им всем. Подобное отношение объясняется не только историческими условиями проникновения христианства в Китай или марксисткой идеологией, но и недостаточной информированностью чиновников, работающих в религиозной сфере. Все чиновники, работающие в Бюро по делам религий Госсовета КНР, являются членами КПК, а значит, атеистами.

В нашей работе были выделены использовавшиеся в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных лидеров методы религиозной политики КПК по отношению к тибетскому буддизму. Мы пришли к выводу, что большинство решений национального уровня принимаются в ответ на те или иные проявления религиозной жизни приверженцев тибетского буддизма. В конце 1980 гг. вследствие либерализации религиозной политики, начался краткий период религиозного «ренессанса», что привело к активизации протестной активности и следующими за ними ограничениями. Пекин был не готов принять возвращение всех форм функционирования религии, в том числе активную роль монахов в общественной жизни и протестной активности. Цикл из протестов и ограничений разной степени интенсивности повторялся в течение всего рассматриваемого периода, достигнув максимума в 2008 г.

Религиозная политика КНР в отношении тибетского буддизма охватывает религиозную деятельность на институциональном уровне (т.е. проводится в отношении сети монастырей и их служителей), на уровне духовных лидеров (регулирование поиска, идентификации и обучения тулку, например, принятие «Мер по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме», на доктринальном и на индивидуальном уровнях (то есть по отношению к мирянам).

При анализе религиозной политики КНР в отношении тибетского буддизма в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственных руководителей, особое внимание мы уделили систематизации методов религиозной политики по отношению к сети монастырей, охватывающей все районы, населенные тибетцами, которые также функционируют как образовательные центры, сохраняющие и изменяющие религиозную традицию. Были выделены следующие методы: установление контроля над реинкарнацией высших тулку, институционализация всех сфер жизнедеятельности

буддистских монастырей, расширение деятельности Комитетов по управлению монастырями, реформа финансового управления, ограничение численности монахов, ограничение на перемещения внутри страны и за границу, присутствие полиции в монастырях. Некоторые меры распространялись также и на мирян, в частности кампании по патриотическому образованию и дискредитации Далай-ламы, а также поддержание культа Дордже Шугдена.

Восстановление прав и привилегий монастырей на прежнем, историческом уровне невозможно, так как предполагает и восстановление альтернативных институтов власти. Процесс включения тибетцев в национальную идентичность в КНР в рассматриваемый период не был завершен, сохранение протестной активности как монахов, так и мирян, указывает на необходимость поиска иных методов проведения национальной политики.

Таким образом, в диссертации было исследовано формирование национальной идентичности в КНР в период нахождения у власти «четвертого поколения» партийно-государственного руководства. Целенаправленные действия КПК в четырех сферах общественной жизни (информационная, образовательная, религиозная и языковая политики) способны постепенно трансформировать этнические, локальные, религиозные идентичности в единый мировоззренческий комплекс. Если в сфере образовательной и языковой политик «четвертое поколение» продолжило политику партии, то информационная и религиозная политики были изменены в сторону ужесточения реализуемых методов контроля. В целом, национальная политика «четвертого поколения» характеризуется кропотливостью административной работы, продуманным законодательством, более сбалансированным характером реализуемой политики, чем у пришедшего им на смену «пятого поколения». За время нахождения у власти «четвертого поколения» удалось уменьшить социально-экономическое неравенство между различными социальными слоями.

Таким образом, формирование идентичности с одной стороны, является дисциплинарной практикой, нацеленной на гомогенизацию населения и создания чувств единства и однородности, с другой стороны – это ограничительная практика, направленная на формирование национальной идентичности на определенной территории, по возможности защищенной от культурной «экспансии» иностранных государств. Проект КПК естественно встречает сопротивление и периодически приводит к росту напряженности в СУАР и ТАР. Если рассматривать пример тибетцев, тибетцы на данный момент представляют собой разделенный народ, обладающий высоким уровнем самоорганизации, способный устоять даже в период такого неизбежного кризиса, как смена их духовного лидера. Даже если изначально тибетское сопротивление представляло собой совокупность правозащитных организаций, то в рассматриваемый период он обрел самостоятельную жизнь, что доказывается успешным созданием и функционированием тибетской общины за рубежом и всё новыми формами сопротивления в тибетских регионах Китая. За 60 лет после восстания в 1959 г. тибетцы прошли через создание «общности жизни и смерти», их этническую идентичность, основанную на противопоставлении Китаю уже не изменить с помощью поддержания стабильности или экономических префенций. Ужесточение политики приводит только к упрочнению этно-религиозной идентификации национальных меньшинств.

Выход из сложившийся ситуации с возможен только через создание новой модели взаимодействия, включающей постепенное и безопасное ослабление контроля над информационной, образовательной, культурно-религиозной, и языковой сферами общественной жизни национальных меньшинств с учетом местной специфики. Национальная идентичность в КНР не обязательно должна быть гомогенной и поддерживать исключительно культуру господствующего ханьского большинства, не обязательно выхолащивать культуры национальных меньшинств, оставляя пригодную для внутреннего туризма оболочку. Создание национальной идентичности в КНР возможно и в случае

отделения культуры большинства от политической культуры, достаточно сделать акцент на гражданском аспекте идентичности и признать неоднородность своего населения, как это было сделано в некоторых многонациональных странах.

В данном контексте, актуальным представляется старый даосский принцип, гласящий, что сила ведет к слабости, а слабость – к силе. Репрессивные методы проведения национальной политики говорят нам о её слабости, особенно политики в отношении национальных меньшинств, более мягкие методы воспринимаются как более слабые, но могут укрепить государственную систему и способствовать формированию единой национальной идентичности в КНР.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Источники

а) Документы XVI, XVII и XVIII Всекитайских съездов КПК и пленумов ЦК КПК

1. Decision on banning heretical cult organizations, preventing and punishing cult activities // The 12th Session of the Standing Committee of the Ninth National People's Congress. – 1999. – URL: http://www.asianlii.org/cn/legis/cen/laws/dotscotnpcobhcopapca1356/ (дата обращения: 03.08.2020).

2. Доклад генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Цзян Цзэминя на XVI Всекитайском съезде КПК. – 2002. – 8 ноября. – URL: http://russian.people.com.cn//zhuanti/partycongress/bao1.html (дата обращения: 03.08.2020).

3. Резолюция XVI Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК. – 2002. – 11 ноября. – URL: http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/zgzt/sldzt/t118045.htm (дата обращения: 03.08.2020).

4. Устав Коммунистической партии Китая // Принят с частичными поправками XVI Всекитайским съездом КПК. – 2002. – 14 ноября. – URL: http://book.theorychina.org/upload/ae5a6068-65b5-4df4-8521-5069cd368222/ (дата обращения: 03.08.2020).

5. Постановление ЦК КПК по наиболее важным вопросам создания гармоничного социалистического общества // Принято VI пленумом ЦК КПК XVI созыва. – 2006. – 11 октября. – URL: http://book.theorychina.org/upload/9c2104d1-e842-467d-b276-f7dc6f8ca293/ (дата обращения: 03.08.2020).

6. Доклад генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Ху Цзиньтао на XVII Всекитайском съезде КПК. – 2007. – 15 октября. – URL:

http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/25/content_9120930.htm (дата обращения: 03.08.2020).

7. Резолюция XVII Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК. – 2007. – 21 октября. – URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/21/content_9101099.htm (дата обращения: 03.08.2020).

8. Decision Concerning Deepening Cultural Structural Reform // 6th Plenary Session of the 17th Central Committee of the CCP. – 2011. – 18 Oct. – URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2011/10/18/central-committee-of-the-chinese-communist-party-decision-concerning-deepening-cultural-structural-reform/ (дата обращения: 03.08.2020).

9. Доклад генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде КПК. – 2012. – 8 ноября. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/16/content_27138204.htm (дата обращения: 03.08.2020).

10. Резолюция XVIII Всекитайского съезда КПК по докладу Центрального комитета XVII созыва. – 2012. – 14 ноября. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/15/content_27124058.htm (дата обращения: 03.08.2020).

11. Резолюция XVIII Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного устава КПК. – 2012. – 14 ноября. – URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2012-11/15/content_27124059.htm (дата обращения: 03.08.2020).

12. Decision concerning Strengthening Network Information Protection // The 30th Committee Meeting of the 11th National People’s Congress Standing Committee. – 2012. – URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2012/12/28/national-peoples-congress-standing-committee-decision-concerning-strengthening-network-information-protection/ (дата обращения: 03.08.2020).

13. Постановление ЦК КПК относительно некоторых важных вопросов всестороннего углубления реформ // Принято III пленумом ЦК КПК XVIII созыва. – 2013. – 12 ноября. – URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2014-01/15/content_34148517.htm (дата обращения: 03.08.2020).

б) Законы, подзаконные и нормативно-правовые акты

14. The Agreement of the Central People's Government and the Local Government of Tibet on Measures for the Peaceful Liberation of Tibet “17-Article Agreement". – Beijing, 1951. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/ce/ceun/eng/gyzg/xizang/t424244.htm (дата обращения: 03.08.2020).

15. Constitution of the People's Republic of China, 1954. – URL: http://en.pkulaw.cn/display.aspx?cgid=52993&lib=law (дата обращения: 03.08.2020).

16. Положение «О постоянной регистрации (хукоу)», 1958. – URL: https://chinalaw.center/administrative_law/china_household_registration_statute_1958_russian/ (дата обращения: 03.08.2020).

17. Конституция КНР: офиц. текст, 1982 – URL: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 03.08.2020).

18. Document No. 19: The Basic Viewpoint and Policy on the Religious Question during Our Country's Socialist Period // Central Committee of the Chinese Communist Party. – 1982. – URL: https://original.religlaw.org/content/religlaw/documents/doc19relig1982.htm (дата обращения: 03.08.2020).

19. China's Law on Regional National Autonomy, 1984. – URL: http://www.asianlii.org/cn/legis/cen/laws/rna267/ (дата обращения: 03.08.2020).

20. 共青团中央关于加强少数民族地区团的工作的意见. 中国共产主义青年团 Гунцинтуань чжунъянгуаньюй цзяцян шаошуминь цзуди цюйтуаньдэ гунцзодэ ицзянь (Мнение ЦК Коммунистический союз молодежи Китая «Об

усилении работы молодежных групп в районах проживания национальных меньшинств»). – 1984. – URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=122460 (дата обращения: 03.08.2020).

21. 加强领导和进一步办好高等院校少数民族班的意见. Цзяцян линдао хэцзинь ибубаньхао гаоденъюаньсяо шаошуминь цзубаньдэ ицзянь (Мнение «Об укреплении руководства и дальнейшем совершенствовании работы классов для национальных меньшинств в высших учебных заведениях») // 教育部. Цзяоюйбу (Министерство образования КНР). – 1984. – URL: http://www.china.com.cn/guoqing/zwxx/2011-10/02/content_23539970.htm (дата обращения: 03.08.2020).

22. Compulsory Education Law of the People's Republic of China, 1986. – URL: http://www.chinaeducenter.com/en/cedu/cel.php (дата обращения: 03.08.2020).

23. 保守国家秘密法. Баошоу гоцзя мимифа (Закон КНР «О защите государственной тайны»). – 1989. – URL: http://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/1989-law-on-guarding-state-secrets-chinese-and-english-text (дата обращения: 03.08.2020).

24. Закон КНР «Об образовании». – 1995. – URL: http://www.asia-business.ru/law/law3/education (дата обращения: 03.08.2020).

25. Criminal law of the People's Republic of China // National People's Congress. – 1997. – URL: https://www.oecd.org/site/adboecdanti-corruptioninitiative/46814270.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

26. Detailed judicial explanations on laws regarding crimes committed by cults // The Supreme People's Court. – 1999. – URL: http://www.china-embassy.org/eng/zt/ppflg/t36568.htm (дата обращения: 03.08.2020).

27. Law of the People's Republic of China on the Standard Spoken and Written Chinese Language: Order of the President of the People's Republic of China № 37, 2000. – URL: http://english.gov.cn/laws/2005-09/19/content_64906.htm (дата обращения: 03.08.2020).

28. Notice on various issues regarding identifying and banning of cultic organizations (Doc. №39 by the Ministry of public security of the People’s Republic China) // Chinese law and government. – 2003. – Vol.36, № 2. – Pp.22-38. – doi: 10.2753/CLG0009-4609360222.

29. Decree of the State Council of the People’s Republic of China No.426 “Regulations on Religious Affairs” // 57th Executive Meeting of the State Council. – 2005. – URL: http://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/200803/t20080328_31641.html (дата обращения: 03.08.2020).

30. Outline of the National “11th Five Year Plan” Period Cultural Development Plan. – 2006. – URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2006/09/13/outline-of-the-national-11th-five-year-plan-period-cultural-development-plan/ (дата обращения: 03.08.2020).

31. Tibet Autonomous Region People's Government Order 73 “Tibet Autonomous Region Implementing Measures for the "Regulation on Religious Affairs". – 2007. – URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/tibet-autonomous-region-implementing-measures-for-the-regulation-on (дата обращения: 03.08.2020).

32. 藏传佛教活佛转世管理办法. Цзанхуань фоцзяо хофо хуаньши гуаньли баньфа (Приказ Государственного управления по делам религий №5 «Меры по управлению реинкарнациями живых будд в тибетском буддизме») // 国家宗教事务局令. Гоцзя цзунцзяо шиуцзюйлин (Государственное Бюро по делам религий). – 2007. – URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2008/content_923053.htm (дата обращения: 03.08.2020).

33. 中华人民共和国政府信息公开条例. Чжунхуажэньминьгунхэго чжэнфу синьси гункай тяоли (Положение «О раскрытии правительственной информации») // 中华人民共和国国务院令.Чжунхуа жэньминь гунхэго гоуюаньлин (Постановление Госсовета КНР). – 2007. – URL: https://perma.cc/H9AJ-C7GQ (дата обращения: 03.08.2020).

34. 阿坝州人民政府关于印发阿坝藏族羌族自治州藏传佛教事务管理暂行办法的通知. Эбачжоу жэньминьчжэнфу гуаньюйиньфа эбацзанцзуцянцзуцзычжичжоу цзансхуаньфоцзяо шиугуаньлицзаньсин баньфадэ тунчжи (Временные меры по управлению тибетским буддизмом в уезде Аба Нгава-Тибетско-Цянский автономного округа) // 四川省阿坝藏族羌族自治州人民政府. Сычуаньшэнь эбацзанцзуцянцзуцзычжичжоу жэньминьчжэнфу (Народное правительство провинции Сычуань Нгава-Тибетско-Цянский автономного округа). – 2009. – URL: http://www.law-lib.com/law/law_view.asp?id=297813 (дата обращения: 03.08.2020).

35. 宗教活动场所财务监督管理办法. Цзунцзяо ходунчансо цайуцзяньду гуаньлибаньфа (Положение «О религиозных делах и мерах финансового надзора и управления местами религиозной деятельности») // 国家宗教事务局令. Гоцзя цзунцзяо шиуцзюйлин (Государственное Бюро по делам религий). – 2010. – URL: http://www.sara.gov.cn/zcfg/fg/xzfgjbmgz20170904204343165711/539.htm (дата обращения: 03.08.2020).

36. 国家宗教事务局令第8号《藏传佛教寺庙管理办法». Гоцзя цзунцзяо шиуцзюйлин дибахао «Цзанхуань фоцзяо сымяо гуаньли баньфа» (Приказ Государственного управления по делам религий № 8 «Меры по управлению тибетскими буддийскими монастырями») // 国家宗教事务局令. Гоцзя цзунцзяо шиуцзюйлин (Государственное Бюро по делам религий). – 2010. – URL: http://www.gov.cn/gzdt/2010-10/08/content_1717257.htm (дата обращения: 03.08.2020).

37. Driru County People’s Government Issue No.166 (2014) “Announcement of provisional implementation of the county government decision on rectification of the religious sphere and allocation of responsibilities for subsequent maintenance of standards” // Harsh new ‘rectification’ drive in Driru: nuns expelled and warning of destruction of monasteries and ‘mani walls’ / International Campaign for Tibet. –

2014. – 20 Nov. – URL: https://www.savetibet.org/harsh-new-rectification-drive-in-driru-nuns-expelled-and-warning-of-destruction-of-monasteries-and-mani-walls/ (дата обращения: 03.08.2020).

38. Dzoege County People's Government's Notice of Provisional Anti-Self-Immolation Regulations // "Absurd and terrifying" new regulations escalate drive to criminalize self-immolations by targeting family, villagers, monasteries / International campaign for Tibet – 2014. – 24 Feb. – URL: http://www.savetibet.org/absurd-and-terrifying-new-regulations-escalate-drive-to-criminalize-self-immolations-by-targeting-family-villagers-monasteries/ (дата обращения: 03.08.2020).

39. Promulgation of Tibet Autonomous Region People's Government Order No. 110 (2012) "TAR Regulations on Strictly Forbidding Exiting the Border to Participate in Splittist Activities Such as the Dalai Clique's "Kalachakra" // One Passport, Two Systems China's Restrictions on Foreign Travel by Tibetans and Others / Ed. by S. Richardson, J. Ross, J. Saunders. – Human Rights Watch. – 2015. – 13 Jul. – URL: https://www.hrw.org/report/2015/07/13/one-passport-two-systems/chinas-restrictions-foreign-travel-tibetans-and-others (дата обращения: 03.08.2020).

40. TAR Party Committee General Office Implementation Measure No. 22 (2012) "Suggestions on Further Strengthening Our Region's Passport Handling, Approvals and Issuance Management Work" // One Passport, Two Systems China's Restrictions on Foreign Travel by Tibetans and Others / Ed. by S. Richardson, J. Ross, J. Saunders. – Human Rights Watch. – 2015. – 13 Jul. – URL: https://www.hrw.org/report/2015/07/13/one-passport-two-systems/chinas-restrictions-foreign-travel-tibetans-and-others (дата обращения: 03.08.2020).

в) Белые книги

41. Tibet – Its Ownership and Human Rights Situation // Information Office of the State Council of the People's Republic of China. – 1992. – URL: http://www.china-un.ch/eng/bjzl/t169780.htm (дата обращения: 03.08.2020).

42. Тибет. Правда, основанная на фактах: белая книга – М.: Издание Департамента информации и международных отношений Центральной тибетской администрации Его Святейшества Далай-ламы. – 1994. – 286 с.

43. Белая книга «Новый прогресс в защите прав человека в Тибете» // Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 1998. – URL: http://russian.china.org.cn/russian/32982.htm1998 (дата обращения: 03.08.2020).

44. White book “Protection and Development of Tibetan Culture” // The State Council Information Office, 2008. − URL: http://www.bjreview.com/special/tibet/txt/2008-10/14/content_156885_3.htm (дата обращения: 03.08.2020).

45. Положение Интернета в Китае. Белая книга. – Пекин: Пресс-Канцелярия Госсовета КНР, 2010. – URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2011-02/01/content_21857458.htm (дата обращения: 03.08.2020).

46. Белая книга «Мирное развитие Китая» // Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2011. − URL: http://by.china-embassy.org/rus/zt/zfbps/t868717.htm (дата обращения: 03.08.2020).

47. White book “Successful Practice of Regional Ethnic Autonomy in Tibet” // The State Council Information Office, 2015. − URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2015/09/06/content_281475183815861.htm (дата обращения: 03.08.2020).

48. Линия перерождений панчен-ламы // Департамент информации и международных отношений Центральной тибетской администрации. – 2016. – 82 с. − URL: http://tibethouse.ru/2016/pdf/panchen-lama-2016.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

49. Белая книга «Политика и практика обеспечения свободы вероисповедания в Китае» // Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2018. − URL: http://russian.people.com.cn/n3/2018/0527/c31521-9464480.html (дата обращения: 03.08.2020).

г) Материалы международных организаций

50. Конвенция ЮНЕСКО 1960 года о борьбе с дискриминацией в области образования. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/educat.shtml (дата обращения: 03.08.2020).

51. Международный пакт о гражданских и политических правах / United Nations Treaty Series. – 1966. – Vol. 999. – Pp.225-240. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 03.08.2020).

52. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений: резолюция № 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 нояб. 1981 г. // ООН: официальный сайт. − URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 03.08.2020).

53. Конвенция о правах ребенка / Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, сорок четвертая сессия, Дополнение №49 (A/44/49). – 1989. – С. 230-239. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 03.08.2020).

54. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. – 1992. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 03.08.2020).

55. Chinese crackdown on Tibetan Buddhism / Ed. A. Bernard. – P.: International Federation for Human Rights, 2003. – 18 p. – URL: https://www.fidh.org/IMG/pdf/en-report-tibet-4.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

56. No Faith in the State. Tibetans Speak about Religious Restrictions / Ed. A. Holmes. – L.: Tibet Watch, 2007. – 72 p.

57. Доклад Международной Амнистии: Права человека в современном мире 2009. – 40 с. – URL: http://amnesty.org.ru/system/files/Vestnik_45.pdf

58. China: Tibetan Monasteries Placed Under Direct Rule // Human Rights Watch. – 2012. – 16 Mar. – URL: https://www.hrw.org/news/2012/03/16/china-tibetan-monasteries-placed-under-direct-rule (дата обращения: 03.08.2020).

59. Improving the media landscape in the ethnic minority areas of Yunnan province: IPDC, UNESCO. – 2013. – URL: http://www.unesco-ci.org/ipdcprojects/content/improving-media-landscape-ethnic-minority-areas-yunnan-province (дата обращения: 03.08.2020).

60. China attempts to legitimize its Panchen Lama International Campaign for Tibet on April // International Campaign for Tibet. – 2015. – 21 Apr. – URL: http://www.savetibet.org/china-attempts-to-legitimize-its-panchen-lama-through-a-major-speech-as-the-real-panchen-lamas-birthday-approaches/ (дата обращения: 03.08.2020).

61. China (Includes Tibet, Hong Kong, And Macau) 2015 International Religious Freedom Report // United States Department of State: Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor. – URL: http://www.state.gov/j/drl/rls/irf/religiousfreedom/index.htm?year=2015&dlid=256099 (дата обращения: 03.08.2020).

62. China: No End to Tibet Surveillance Program // Human Rights Watch. – 2016. – 18 Jan. – URL: https://www.hrw.org/news/2016/01/18/china-no-end-tibet-surveillance-program (дата обращения: 03.08.2020).

63. Tibet’s “Intolerable” Monasteries: the role of monasteries in Tibetan resistance since 1950 // Tibet Watch. – 2016. – 51 p. – URL: http://www.tibetwatch.org/uploads/2/4/3/4/24348968/tibets_intolerable_monasteries.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

64. Cook, S. A Freedom House Special Report: The Battle for China’s Spirit / S. Cook // Freedom House. – 2017. – 136 p. –

URL: https://freedomhouse.org/report/china-religious-freedom (дата обращения: 03.08.2020).

65. Self-immolations by Tibetans // International campaign for Tibet. – 2018. – 10 Dec. – URL: http://www.savetibet.org/resources/fact-sheets/self-immolations-by-tibetans/ (дата обращения: 03.08.2020).

д) Статистические данные

66. Мозли, К. Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения / К. Мозли. – Париж: Издательство ЮНЕСКО, 2010. – URL: http://www.unesco.org/culture/languages-atlas/ (дата обращения: 03.08.2020).

67. Global Restrictions on Religion // Pew Research Center. – 2009. – 72 p. – URL: http://www.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/7/2009/12/restrictions-fullreport1.pdf (дата обращения: 03.08.2020).

68. Global Uptick in Government Restrictions on Religion in 2016 // Pew Research Center. – 2018. – 21 Jun. – 89 p. – URL: http://www.pewforum.org/2018/06/21/global-uptick-in-government-restrictions-on-religion-in-2016 (дата обращения: 03.08.2020).

69. 中国2010年人口普查资料各地区分. Чжунго 2010нянь жэнькоу пучжа цзыляогэдицюйфэнь (Данные переписи населения КНР 2010 года по регионам). – URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm (дата обращения: 03.08.2020).

70. 各级各类学校少数民族学生数. Гэцзигэлэйсюэсяо шаошуминьцзусюэшэн шу (Количество учащихся из числа меньшинств во всех уровнях и типах школ) // 中华人民共和国教育部. Чжунхуажэньминьгунхэго цзяоюй бу (Министерство образования Китайской Народной Республики). – 2013. – URL: http://old.moe.gov.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s7567/201309/156878.html (дата обращения: 03.08.2020).

е) Выступления и труды государственных, политических и общественных деятелей

71. Мао, Цзэдун. Против либерализма (7 сентября 1937 г.) / Цзэдун Мао // Избранные произведения. Том 2. – М.: Издательство иностранной литературы, 1953. – С.39-44. – URL: http://library.maoism.ru/against_liberalism.htm (дата обращения: 03.08.2020).

72. Сунь, Ятсен Избранные произведения / Ятсен Сунь. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1985. – 781 с.

73. Сюй, Чжисинь. Линдаоганьбу сюэ идянь хуаньтун вэньхуа, жухэ? (Как ведущие кадры изучают традиционную культуру?) / Чжисинь Сюй, 2006. – URL: http://theory.people.com.cn/GB/49150/49152/4512262.html (дата обращения: 03.08.2020).

74. Трактат Мэн-цзы // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Том 1. – М.: АН СССР. Мысль, 1972. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Drvnkit_fil/frametext5.htm (дата обращения: 03.08.2020).

75. Цзиньтао, Ху. Туйцзинь сицзан куаюэши фачжань (Содействовать скачкообразному развитию Тибета) / Ху Цзиньтао // 人民日报海外版. Жэньминьжибао хайвайбань. – 2010. – URL: http://paper.people.com.cn/rmrbhwb/html/2010-01/23/content_433245.htm (дата обращения: 03.08.2020).

76. Цюаньго, Чэнь. Яньминчжэнчжицзилюй хэ чжэнчжигуйцзюй ши лидан чжибэнь (Строгая политическая дисциплина и нормы являются основой партийного строительства) / Чэнь Цюаньго // 中国纪检监察报. Чжунго цзицзяньцзяньчабао. – 2015. – URL: http://csr.mos.gov.cn/content/2015-11/09/content_19075.htm (дата обращения: 03.08.2020).

77. Dalai Lama XIV. Reincarnation // His Holiness the 14th Dalai Lama of Tibet. – 2011. – 24 Sep. – URL: https://www.dalailama.com/the-dalai-lama/biography-and-daily-life/reincarnation (дата обращения: 03.08.2020).

78. Kai-Shek, Chan. Resistance and Reconstruction / Chan Kai-Shek. – New York: Harper, 1943. – 322 p. – URL: https://books.google.ru/books?id=LIf-dOJAntYUC&q (дата обращения: 03.08.2020).

79. Kai-Shek, Chan. The Collected Wartime Messages of Generalissimo Chiang Kai-chek, 1937-1945: Prologue. China resists Japan. China fights on. China fights and builds / Chan Kai-Shek. – New York: John Day Company, 1946. – 450 p. – URL: https://archive.org/stream/collectedwartime000856mbp/collected-wartime000856mbp_djvu.txt (дата обращения: 03.08.2020).

80. Mao, Zedong. On the Correct Handling of Contradictions Among the People (Speech at the Eleventh Session (Enlarged) of the Supreme State Conference, February 27, 1957) / Zedong Mao // Selected Works of Mao Zedong: Volume V. – Peking: Foreign Languages Press, 1977. – URL: https://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/volume-5/mswv5_58.htm (дата обращения: 03.08.2020).

II. Исследования

81. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001 – 288 с.

82. Андерсон, Б., Бауэр, О. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.

83. Афонасенко, Е.В. Этнопсихологические особенности китайцев / Е.В. Афонасенко // Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология. – М.: КРАСАНД, 2011. – 294 с.

84. Бокщанин, А.А. Особенности внешних отношений империи Мин и вопросы преемственности / А.А. Бокщанин // Китай: традиции и современность. – М.: Наука, 1976. – 138 с.

85. Гарри, И. Буддизм и политика в Тибетском районе КНР (II половина XX – начало XXI в.) / И. Гарри. − Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. − 320 с.

86. Геллнер, Э. Нации и национализм // Э. Геллнер. − М.: Прогресс, 1991. − 794 с.

87. Думан, Л.И. Учение о Сыне Неба и его роль во внешней политики Китая / Л.И. Думан // Китай: традиции и современность. – М.: Наука, 1976. – 334 с.

88. Завьялова, О.И. Языковая ситуация и языковая политика в КНР / О.И. Завьялова, 2010. – 16 с. – URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/Zavyalova._Language_situation_in_PRC.pdf (дата обращения: 11.08.2020).

89. Калхун, К. Национализм / К. Калхун. – М.: Территория будущего, 2006. – 288 с.

90. Кортунов, С.В. Национальная идентичность. Постижение смысла / С.В. Кортунов. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 592 с.

91. Кычанов, Е.И., Мельниченко, Б.Н. История Тибета с древнейших времен до наших дней / Е.И. Кычанов, Б.Н. Мельниченко. – М.: Восточная литература, 2005. – 351 с.

92. Кюзаджян, Л.С., Сорокина, Т.Н. Влияние традиций на маоизм в оценке зарубежного китаеведения / Л.С. Кюзаджян, Т.Н. Сорокина // Китай: традиции и современность. Сборник статей. – М.: Наука, 1976. – С.279-319.

93. Лычагин, А.И. Китай в процессе современной глобализации: закономерности и перспективы развития / А.И. Лычагин. – Нижний Новгород: Пламя, 2007. – 103 с.

94. Москалев, А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму / А.А. Москалев. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 327 с.

95. Рыжов, И.В., Балашов, Ю.А., Камраков, А.А. Роль этнических меньшинств, этноконфессий, диаспор и разделенных народов в политическом процессе государств Ближнего и Среднего Востока / И.В. Рыжов, Ю.А. Балашов,

А.А. Камраков. – под ред. О.А. Колобова. – Нижний Новгород - Арзамас: Изд-во АГПИ, 2007. – 129 с.

96. Смит, Э. Национализм и модернизм: критич. обзор соврем. теорий наций и национализма / Э. Смит. – М.: Праксис, 2004. – 464 с.

97. Современный Китай: Социально-экономическое развитие, национальная политика, этнопсихология / Отв. ред. Д.В. Буяров. – М.: УРСС, 2011. – 294 с.

98. Тишков, В.А. Российская нация и ее критики / В.А. Тишков // Институт этнологии и антропологии РАН, 2007. – С.558-600. – URL: http://old.iea.ras.ru/publications_new/2007/tishkov_russian_nation.pdf (дата обращения: 11.08.2020).

99. Трубецкой, Н.С. Европа и человечество / Н.С. Трубецкой. – 1920. – URL: http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns03.htm (дата обращения: 11.08.2020).

100. Хабермас, Ю. Гражданство и национальная идентичность – Демократия. Разум. Нравственность: московские лекции и интервью / Ю. Хабермас. – М.: Academia, 1995. – 252 с. – URL: http://platonanet.org.ua/load/knigi_po_filosofii/frankfurtskaja_shkola/khabermas_ju_demokratija_razum_nravstvennost_moskovskie_lekcii_i_intervju_2004/57-1-0-4712 (дата обращения: 11.08.2020).

101. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 г. / Э. Хобсбаум. – СПб: Алетейя, 1998. – 306 с.

102. Хюбнер, К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер. – М.: КАНОН, 2001. – 318 с.

103. Brady, A.M. Marketing dictatorship: propaganda and thought work in contemporary China / A.M. Brandy. – Maryland: Rowman& Littlefield, 2009. – 231 p.

104. Bruhn, D. Minority Language Policy in China, with Observations on the She Ethnic Group / D. Bruhn. – Oakland: University of California, 2008. – 14 p.

– URL: http://linguistics.berkeley.edu/~dwbruhn/dwbruhn_250E-paper.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

105. Cohen, M. L. Religion in a state society: China. Asia: Case Studies in the Social Sciences / M.L. Cohen. – New York: M.E. Sharpe, 1992. – 12 p. URL: http://www.columbia.edu/itc/eacp/japanworks/cosmos/main/religion_in_state_society.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

106. Congressional-executive commission on China: annual report // U.S. Government printing office. – 2012. – 278 p. – URL: https://books.google.ru/books?id=a0vaqY8cmn4C&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP5#v=onepage&q=chen%20quanguo&f=false (дата обращения: 11.08.2020).

107. De Groot, J.J.M. Sectarianism and Religious Persecution in China / J.J.M. De Groot. − Amsterdam: Johannes Müller, 1903. − 286 p. − URL: https://archive.org/details/sectarianismreli01groo/page/n8 (дата обращения: 12.08.2020).

108. Dwyer, A. M. The Xinjiang Conflict: Uyghur Identity, Language Policy, and Political Discourse / A. M. Dwyer. – Washington D.C.: East-West Center, 2005. – 124 p. – URL: http://www.readbag.com/eastwestcenter-fileadmin-stored-pdfs-ps015 (дата обращения: 12.08.2020).

109. Hua-Yu, S.C., Hannum, E. C., Chunping, L. Sociological Perspectives on Ethnicity and Education in China: Views from Chinese and English Literatures / S.C. Hua-Yu, E. C. Hannum, L. Chunping. – Philadelphia: University of Pennsylvania, 2013. – 34 p. – URL: http://repository.upenn.edu/elmm/4 (дата обращения: 12.08.2020).

110. Huang, X. Minority language planning of China in relation to use and development / X. Huang. – Beijing: Chinese Academy of Social Sciences, Institute of Ethnology and Anthropology. – 2003. – 6 p.

111. Kaihua, L. On English Language Education for Ethnic Minority Students in China: A Focus on Two Groups of Uyghur University Students in Xinjiang / L. Kaihua. – Oslo: The University of Oslo, 2013. – 77 p.

112. Ma, R. Ethnic relations in China / R. Ma. – Beijing: China Tibetology Publishing House, 2008. – 519 p.

113. Ma, R. Population and Society in Contemporary Tibet / R. Ma. – Hong Kong: University Press, 2011. – 386 p.

114. MacInnis, D. E. Religious Policy and Practice in Communist China: A Documentary History / D.E. MacInnis. – L.: Hodder & Stoughton, 1972. – 392 p. – URL: https://biblicalstudies.org.uk/pdf/rcl/01-2_09.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

115. Mauri, F. The reconstruction of national identity in post-mao China / F. Mauri. – London: University of London, 2008. – 32 p.

116. Men, J. The search of An Official Ideology and Its Impact on Chinese Foreign Policy / J. Men. – Brussels: University of Brussels, 2003. – 36 p. – URL: https://www.dur.ac.uk/resources/china.studies/The%20Search%20of%20An%20Official%20Ideology%20and%20Its%20Impact%20on%20Chinese%20Foreign%20Policy.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

117. Nelson, K. Language Policies and Minority Resistance in China / K. Nelson. – New York: Columbia University, 2005. – Pp.25-30.

118. Political Campaigns: Documents and Statements from Tibet, 1996-1997. – London: Tibet Information Network, 1998. – P.7-8. Quoted in: Mills, M., Scrimgeour, R. Religious policy and state control in Tibet: Scottish Parliament's Cross-party group on Tibet, briefing paper v. 3 / Mills M., Scrimgeour R. – 2010. – URL: https://aura.abdn.ac.uk/bitstream/handle/2164/787/Final4.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 10.08.2020).

119. Postiglione, G. Education Impact Study: The Global Recession and the Capacity of Colleges and Universities to Serve Vulnerable Populations in Asia / G. Postiglione. – Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2010. – 26 p.

120. PRC Media Guide // Open Source Center. – 2007. – Mar. 21. – URL: http://www.fas.org/irp/dni/osc/prc-media.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

121. Report analyzing seven secret Chinese governments' documents. – Washington DC: Hudson Institute. Documents center for religious freedom. – 2002. – 10 p. – URL: https://www.hudson.org/content/researchattachments/attachment/531/religiouslibertyfeb2002.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

122. Rui, Y., Mei, W. Education for ethnic minorities in China: a policy critique / Y.Rui, W.Mei. – Hong Kong: The University of Hong Kong, Comparative Education Research Centre, 2009. – Pp.17-131. – URL: http://www.nwu.ac.za/webfm_send/19833 (дата обращения: 10.08.2020).

123. Shan, W. Comparing Ethnic Minorities and Han Chinese in China: Life Satisfaction, Economic Well Being and Political Attitudes / W. Shan. – Singapore: East Asian Institute, National University of Singapore, 2009. – Pp.13-22. – URL: https://research.nus.edu.sg/eai/wp-content/uploads/sites/2/2017/11/Vol2No2_ShanWei.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

124. Solé-Farràs, J. New Confucianism in Twenty-First Century China: The Construction of a Discourse / J. Solé-Farràs. – New York: Routledge, 2014. – 248 p. URL: https://books.google.ru/books?id=6tkkAgAAQBAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s (дата обращения: 10.08.2020).

125. Yan, S. From Empire to Nation State: Ethnic Politics in China / S. Yan. – Cambridge: University Printing House, 2020. – 390 p.

126. Yu, L. Representations of Ethnic Minorities in Chinese Propaganda Posters, 1957-1983 / L. Yu. – Columbus: The MCLC Resource Center, 2000. – URL: https://u.osu.edu/mclc/online-series/minzu/ (дата обращения: 10.08.2020).

127. Yu, T. Solo, a duet, or an ensemble? Analyzing the recent development of religious communities in contemporary rural China / T. Yu. – London: Europe China research and advice network Publ., 2012. – 32 p. – URL: https://pdfs.semanticscholar.org/ea73/73e94b370ff6a22274f727e2ea948398012e.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

128. 新中国少数民族高等教育的回顾与展望. Синьчжунго шаошу-миньцзу гаоденцзяоюйдэ хуэйгу юй чжаньван (Обзор и перспективы высшего

образования для этнических меньшинств в новом Китае) // 中国教育和科研计算机网. Чжунгоцзяоюй хэ кэяньцзисуань цзиван (Китайская сеть образования и научных исследований). – 2001. – URL: http://www.eol.cn/20010829/209572.shtml (дата обращения: 10.08.2020).

III. Статьи

129. Балашов, Ю.А. Механизмы формирования гражданской идентичности разделенных этносов / Ю.А. Балашов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2007. – № 3. – С.212-218.

130. Биткеева, А.Н., Голик, М.Я. Языки Китая: социо-лингвистический портрет / А.Н. Биткеева, М.Я. Голик // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2015. – №6 (69). – С. 107-112. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28886467 (дата обращения: 11.08.2020).

131. Булдакова, В.Г. Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов / В.Г. Булдакова // Россия и АТР. – 2006. – № 4. – С.77-81. – URL: http://www.riatr.ru/2006/2006-4-WEB/09p77-81.pdf (дата обращения: 11.08.2020).

132. Внешняя политика государств в XXI веке [Стенограмма научного семинара «Внешняя политика в XXI веке: теория (и), методология, прикладной анализ»] // Социологический факультет МГУ. – 2008. – 14-15 апреля. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnyaya-politika-gosudarstva-v-hhi-veke-teoriya-i-metodologiya-prikladnoy-analiz (дата обращения: 20.08.2020).

133. Герасимова, О.Е. Международно-правовые основы становления и развития института национально-культурной автономии / О.Е. Герасимова // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. – 2017. – Т.17, № 2. – С.217. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-osnovy-stanovleniya-i-razvitiya-instituta-natsionalno-kulturnoy-avtonomii (дата обращения: 20.08.2020).

134. Завьялова, О.И. Языки Китая в информационном пространстве / О.И. Завьялова // Проблемы Дальнего Востока. – 2017. – № 2. – С.148-152.

135. Идентичность как предмет политического анализа // Сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. М.: ИМЭМО РАН. – 2010. – 21-22 окт. – URL: http://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2011/11002.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

136. Клиновский, В.А. Языковая политика КНР в Синьцзяне и её роль в китайско-уйгурском конфликте / В.А. Клиновский // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – Т.18, № 2. – С.140-143. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-knr-v-sintszyane-i-ee-rol-v-kitaysko-uygurskom-konflikte (дата обращения: 20.08.2020).

137. Корсун, В.А. Идентичность с «китайской спецификой» / В.А. Корсун // Полис. – 2008. – № 3. – С.68-79. – URL: https://www.politstudies.ru/article/3988

138. Мусаев, И. М. Национальная идентичность и права человека / И.М. Мусаев // Симпозиум «Права человека и проблемы идентичности в России и современном мире». – СПб: Российская ассоциация политической науки, 2004. – 8-9 июля. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Musaev_naz.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

139. Помозова, Н.Б. Социальная идентичность китайцев в посттрансформационный период / Н.Б. Помозова // Теория и практика общественного развития. – 2009. – №3-4. – С. 200-207. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=13025088 (дата обращения 21.08.2020).

140. Руденко, В.Н. Жеребьевка из золотой урны – институт публичного права Китая (с приложением документов об избрании духовных лидеров тибетского буддизма) / В.Н. Руденко // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. – 2007. – № 7. – С.284-309.

141. Сабиров, Р.Т. Тибетский буддизм в России и Монголии в начале XXI в. / Р.Т. Сабиров // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2017. – Т.31, № 3. – С.8-26. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32393136 (дата обращения: 20.08.2020).

142. Семенас, А. Л. Языковая политика в КНР (80-90-е годы) / А. Л.Семенас // Китайское языкознание: Изолирующие языки: IX международная конференция: Материалы. – М., 1998. – С.150-155. URL: http://www.philology.ru/linguistics4/semenas-98.htm (дата обращения: 20.08.2020).

143. Сыроежкин, К. Л. Эволюция формирования и основные черты национальной политики КПК / К. Л. Сыроежкин // Центр Азии. – 2010. – URL: https://www.asiakz.com/node/108 (дата обращения: 11.08.2020).

144. Урбанаева, И. С. Критицизм, аутентичность и радикализм в буддизме / И.С. Урбанаева // Вестник Калмыцкого Университета. – 2017. – Т.33, № 1. – С.149-157. − URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=28944202 (дата обращения: 20.08.2020).

145. Фадеичева, М.А. Два не отрываться: этнонациональная политика демографической сверхдержавы / М.А. Фадеичева // Ойкумена. – 2011. – №2. – С. 207-2011. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dva-ne-otryvatsya-etnonatsionalnaya-politika-demograficheskoy-sverhderzhavy (дата обращения: 20.08.2020).

146. Феоктистов, Ю., Цыплаков, С. Об эволюции идеологических подходов китайского руководства к концепции модернизации Китая (1978-2008 гг.) / Ю. Феоктистов, С. Цыплаков // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2008. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-evolyutsii-ideologicheskih-podhodov-kitayskogo-rukovodstva-k-kontseptsii-modernizatsii-kitaya-1978-2008-gg (дата обращения: 20.08.2020).

147. Barnett, R. Restrictions and Their Anomalies: The Third Forum and the Regulation of Religion in Tibet / R. Barnett // Journal of Current Chinese Affairs. – 2012. – Vol.4., № 41. – Pp.45–107.

148. Bělka, L., Slobodník, M. The revival of Tibetan Buddhism in Inner Asia: a comparative perspective / L. Bělka, M. Slobodník // Asian and African studies. – 2002. – Vol.1., № 77. – Pp.15-36.

149. Bhutia, T.C. ‘Give up “splittist activities”’ – Its Meaning and Significance: Review of recent Chinese responses to Internationalization of the Tibet / T.C. Bhutia // Institute of Chinese Studies. – 2015. – Jul. 22. – 4 p. – URL: https://www.icsin.org/uploads/2015/08/07/cc28df59599bf9e1ecd279d88aed1d0a.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

150. Billioud, S. Confucianism, "cultural tradition" and official discourses in China at the start of the new century / S. Billioud // China perspectives. – 2007. – № 3. – Pp.50-65. – URL: http://chinaperspectives.revues.org/2033 (дата обращения: 20.08.2020).

151. Brady, A.M. “We Are All Part of the Same Family”: China’s Ethnic Propaganda / A.M. Brandy // Journal of Current Chinese Affairs. – 2012. – Vol. 41. – Pp.159-181. – URL: https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/186810261204100406 (дата обращения: 20.08.2020).

152. China issues demolition order on world’s largest religious town in Tibet // Tibetan Centre for Human Rights and Democracy. – 2016. – Jun.15. – URL: http://tchrd.org/china-issues-demolition-order-on-worlds-largest-religious-town-in-tibet/ (дата обращения: 20.08.2020).

153. Chubb, A. Propaganda as Policy? Explaining the PLA’s “hawkish faction” / A. Chubb // China Brief: a journal of analysis and information. – 2013. – Vol. 13. – Pp.12-16. – URL: https://research-repository.uwa.edu.au/en/publications/propaganda-as-policy-explaining-the-plas-hawkish-faction-part-two (дата обращения: 20.08.2020).

154. DuBois, T. D. Religion and the Chinese state: three crises and a solution / T.D. DuBois // Australian journal of international affairs. – 2010. – Vol.64., № 3. – Pp.344-358. – doi: 10.1080/10357711003736501

155. Ferber, M.P. Peng's proposal for special religious zones in China / M.P. Ferber // Sociology and anthropology. – 2013. – Vol.2, № 1. – Pp.59-64. doi:10.13189/sa.2013.010203

156. Goossaert, V. State and religion in modern China: religious policies and scholarly paradigms / V. Goossaert // Rethinking modern Chinese history: proc. of int. conf. – Taipei: Academia Sinica Publ. – 2005. – 29 p. – URL: https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00106187/document (дата обращения: 20.08.2020).

157. Härkönen, M. The Changing Place of Religion and the Question of Secularization in the 'Modernization' of Tibet / M. Härkönen // Global and Local Encounters: Norms, Identities and Representations in Formation. – 2009. – № 25. – Pp.43-59. – URL: https://www.researchgate.net/publication/237442421_The_Changing_Place_of_Religion_and_the_Question_of_Secularization_in_the_'Modernization'_of_Tibet (дата обращения: 20.08.2020).

158. Hillman, B. Monastic politics and the local state in China: authority and autonomy in an ethnically Tibetan prefecture / B. Hillman // The China Journal. – 2005. – № 54. – Pp.29-51.

159. Jandáček, P. Rebirth Control in Tibetan Buddhism: Anything New? / P. Jandáček // Association for International Affairs. – 2014. – № 4. – 23 p. – URL: http://www.amo.cz/wp-content/uploads/2015/10/amocz-RP-2015-04.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

160. Laliberté, A. Religion and the state in China: the limits of institutionalization / A. Laliberté // Journal of current Chinese affairs. – 2011. – Vol. 40. – Pp. 3-15. – URL: https://d-nb.info/1024415481/34 (дата обращения: 20.08.2020).

161. Leung, B. Morality and religion in China's rise / B. Leung // Improving the human destiny: proc. of int. conf. – Hong Kong: Lingnan University. – 2009. –

18 p. – URL: http://commons.ln.edu.hk/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=hum_destiny_conf (дата обращения: 20.08.2020).

162. Li, Q. A survey of Confucius studies in China today / Q. Li // Copenhagen Journal of Asian Studies. – 1991. – Vol. 6. – 22 p. – doi:10.22439/cjas.v6i1.1797

163. Madsen, R. The upsurge of religion in China / R. Madsen // Journal of Democracy. – 2010. – Vol.21., № 4. – Pp.58-71. – URL: https://www.journalofdemocracy.org/wp-content/uploads/2012/01/Madsen-21-4.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

164. Ortmann, S. Singapore: The politics of investing national identity / S. Ortmann // Journal of current Southeast Asian affairs. – 2009. – № 4. – Pp.23-46. URL: http://journals.sub.uni-hamburg.de/giga/jsaa/article/view/169/169 (дата обращения: 20.08.2020).

165. Reasons, courses and trends: overseas tibetans' emigrations and remigrations / Zhu P. [et.al.] // INTCES: proc. of 4th int. conf. Istanbul. – 2017. – Feb. 6-8. – URL: http://www.ocerint.org/intcess17_epublication/papers/343.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

166. Terrone, A. Tibetan Buddhism beyond the Monastery: Revelation and Identity in rNying ma Communities of Present-day Kham mages of Tibet in the 19th and 20th Centuries / A. Terrone // Études thématiques. – 2008. – Vol.22, № 2. – Pp.747-779. – URL: https://www.academia.edu/35759561/Terrone-_Tibetan_Buddhism_beyond_the_Monastery (дата обращения: 20.08.2020).

167. Sautman, B. Affirmative action, ethnic minorities and China's universities / B. Sautman // Pacific Rim Law &Policy Association. – 1998. – Vol.7, № 1. – 40 p. – URL: https://digitalcommons.law.uw.edu/wilj/vol7/iss1/3/ (дата обращения: 20.08.2020).

168. Sautman, B. Ethnic Law and Minority Rights in China: Progress and Constraints / B.Sautman // Law & Policy. – 1999. – Vol.21, № 3. – Pp.283–314.

169. Shambaugh, D. China's Propaganda System: Institutions, Processes and Efficacy / D. Shambaugh // The China Journal. – 2007. – Vol.57. – Pp.25-58. – URL: https://www.researchgate.net/publication/237350471_China's_Propaganda_System_Institutions_Processes_and_Efficacy (дата обращения: 20.08.2020).

170. Slobodnik, M. A Difficult Rebirth: Tibetan Reincarnations in the Spotlight of Chinese Religious Policy / M.A. Slobodnik // Studia Orientalia Slovaca – 2011. – Vol.10, № 1. – P.57-80.

171. Slobodník, M. Economic Aspects of the Revival of Tibetan Buddhism in post-Mao China in a Historical Perspective / M. Slobodník // Bulletin of the Karaganda university. – 2015. – URL: https://articlekz.com/en/article/14231 (дата обращения: 20.08.2020).

172. Slobodník, M. Religious Policy towards Tibetan Buddhism in the People’s Republic of China / M. Slobodník // Rozhledy. – 2014. – Vol.1, № 12. – 8 p. – URL: https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/125083/2_Religio_12-2004-1_9.pdf?sequence=1 (дата обращения: 20.08.2020).

173. Wang, C. Old sage for new age? The revival of religious Confucianism in China / C. Wang // Politics and Religion Journal. – 2012. – Vol.6, № 2. – Pp.269-299. – URL: https://www.politicsandreligionjournal.com/index.php/prj/article/view/93/95 (дата обращения: 20.08.2020).

174. Yang, F. The red, black, and grey markets of religion in China / F. Yang // The Sociological quarterly. – 2006. – № 47. – Pp.93-122. doi: 10.1111/j.1533-8525.2006.00039.x

175. Yuxiang, W., JoAnn, P. Minority Language Policy and Practice in China: The Need for Multicultural Education / W. Yuxiang, P. JoAnn // International Journal of Multicultural Education. – 2009. – Vol.11, № 1. – 14 p.

176. Zhang, T., Schwartz, B. Confucius and the Cultural Revolution: A Study in Collective Memory / T. Zhang, B. Schwartz // International Journal of Politics, Culture and Society. – 1997. – Vol.11., № 2. – Pp.189-212.

177. Zhiyong, Z. Higher education access and equality among ethnic minorities in China / Z. Zhiyong // Chinese Education & Society. – 2010. – Vol. 43. – 15 p. – URL: https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.2753/CED1061-1932430101 (дата обращения: 20.08.2020).

178. Zuo, X. China's policy towards minority languages in a globalizing age / X. Zuo // Transnational Curriculum Inquiry Journal. – 2007. – Vol.4, № 1. – Pp.80-91. – URL: https://ojs.library.ubc.ca/index.php/tci/article/view/42 (дата обращения: 20.08.2020).

IV. Периодические издания

179. Балашов, Ю. А. Разделенные народы: проблемы изучения, особенности развития и механизмы воздействия на политические процессы / Ю.А. Балашов // Информационно-аналитический портал Islam.ru. – 2008. – 26 июл. – URL: http://www.islamrf.ru/news/culture/islam-world/4215/ (дата обращения: 20.08.2020).

180. В материалах 4-го пленума ЦК КПК многое заслуживает внимания // Жэньмин Жибао. – 2004. – 24 сен. – URL: http://kz.china-embassy.org/rus/ztbd/sizhongquanhui/t160902.htm (дата обращения: 20.08.2020).

181. Никольский, В. Тибетцы хотят говорить по-тибетски / В.Никольский // Центр тибетской культуры и информации. – 2010. – URL: http://savetibet.ru/2010/10/30/print:page,1,tibetans.html (дата обращения: 20.08.2020).

182. Тибетские студенты в Китае против языковых реформ // Русская служба Би-Би-Си. – 2010. – 20 окт. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/10/101020_tibet_students_protests.shtml (дата обращения: 20.08.2020).

183. Цыремпилов, Н. Страсти вокруг Дордже-Шугдена: буддийский фундаментализм или диктатура Далай-ламы? / Н. Цыремпилов // ARD: портал деловой информации. – 2013. – 24 сен. − URL: http://asiarussia.ru/buddhism/431/ (дата обращения: 20.08.2020).

184. Bristow, M. China's internet 'spin doctors' / M. Bristow // The BBC. – 2008. – 16 Dec. – URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/7783640.stm (дата обращения: 20.08.2020).

185. Building of Socialist Morality Called // Xinhua News Agency. – 2007. – 19 Sep. – URL: http://www.china.org.cn/english/GS-e/224942.htm (дата обращения: 20.08.2020).

186. Censorship at heart of Tibet. China issue // Free library. – 2009. – URL: http://www.thefreelibrary.com/Censorship+at+heart+of+Tibet%2FChina+issue%3A+Dalai+Lama.-a0219493071 (дата обращения: 20.08.2020).

187. China cracking down on Tibetan monastery for exceeding monk quota limit // Tibetan Review. – 2015. – 15 Jun. – URL: http://www.tibetanreview.net/china-cracking-down-on-tibetan-monastery-for-exceeding-monk-quota-limit/ (дата обращения: 20.08.2020).

188. Chinese officials asked to prepare for 'war' in Tibet: Report // The Economic Times. – 2012. – 10 Feb. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/chinese-officials-asked-to-prepare-for-war-in-tibet-report/articleshow/11836412.cms?from=mobile (дата обращения: 20.08.2020).

189. Dalai Lama Concedes He May Be the Last // BBC News. – 2014. – 17 Dec. – URL: http://www.bbc.com/news/world-asia-china-30510018 (дата обращения: 20.08.2020).

190. Fareed, M. China joins a turf war / M. Fareed // The Guardian. – 2008. – 22 Sep. – URL: http://www.theguardian.com/media/2008/sep/22/chinathemedia.marketingandpr (дата обращения: 20.08.2020).

191. Fisher, M. «Fool’s errand»: Why China censors rubber duckies on Tiananmen anniversary / M.Fisher // The Washington Post. – 2013. – 4 Jun. – URL: http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2013/06/04/fools-errand-why-china-censors-rubber-duckies-on-tiananmen-anniversary/ (дата обращения: 20.08.2020).

192. Ives, M. China: Time to reassess minority education policy? / M. Ives // University World News. – 2010. – 19 Dec. – URL: http://www.universityworld-news.com/article.php?story=20101217223320655 (дата обращения: 20.08.2020).

193. Khan, A. China Religious Policy / A. Khan // Strategic studies. – 2008. – 10 p.

194. Lewis, C. New Details Emerge on Expulsion of Nuns in Driru County / C. Lewis // Buddhistdoor Global. – 2015. – 9 Nov. – URL: https://www.buddhistdoor.net/news/new-details-emerge-on-expulsion-of-nuns-in-driru-county-tibet-autonomous-region (дата обращения: 20.08.2020).

195. Osnos, E. Who Will Control Tibetan Reincarnation? / E. Osnos // The New Yorker. – 2015. – 13 Mar. – URL: https://www.newyorker.com/news/daily-comment/who-will-control-tibetan-reincarnation (дата обращения: 20.08.2020).

196. Pei, R.Can China's minority languages be saved? / R. Pei // United Press International. – 2013. – 27 Mar. – URL: http://www.upi.com/UPI-Next/2013/03/27/Can-Chinas-minority-languages-be-saved/45864407598659/ (дата обращения: 20.08.2020).

197. Ramzy, A. The Great Firewall: China's Web Users Battle Censorship / A. Ramzy // The Time. – 2010. – 13 Apr. – URL: http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1981566,00.html?loomia_si=t0:a16:g2:r1:c0.306925:b23100416&xid=Loomia#ixzz0nurtSOQz (дата обращения: 20.08.2020).

198. Schwartz, R. Religious Persecution in Tibet / R. Schwartz // Canada Tibet Committee. – 1999. – URL: http://www.tibet.ca/_media/PDF/Religious-Persecution-in-Tibet.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

199. Sebag-Montefiore, C. How China distorts its minorities through propaganda / C. Sebag-Montefiore // The BBC. – 2013. – 16 Dec. – URL: http://www.bbc.com/culture/story/20131215-how-china-portrays-its-minorities (дата обращения: 20.08.2020).

200. Tibet receives over 10 mln tourists in 2012 // People's Daily Online. – 2013. – 9 Jan. – URL: http://en.people.cn/205040/8084655.html (дата обращения: 20.08.2020).

201. Tibet Tourism & Tourism in Tibet // TravelChinaTibet. – 2017. – 15 Feb. – URL: https://www.travelchinatibet.com/tibet-facts/tibet-tourism.html (дата обращения: 20.08.2020).

202. Undercover in Larung Gar: A year after demolition, world’s largest Tibetan Buddhist institute sliced like a melon // Tibetan Centre for Human Rights and Democracy. – 2017. – 11 Aug. – URL: http://tchrd.org/undercover-in-larung-gar-a-year-after-demolition-worlds-largest-tibetan-buddhist-institute-sliced-like-a-melon/ (дата обращения: 20.08.2020).

203. Wines, M. China’s Censors Tackle and Trip Over the Internet / M. Wines // The New York Times. – 2010. – 7 Apr. – URL: http://www.nytimes.com/2010/04/08/world/asia/08censor.html?pagewanted=1&_r=3&. (дата обращения: 20.08.2020).

204. Woeser, T. Immolations in Tibet: The shame of the world / T. Woeser. – 2013. – 17 Nov. – URL: http://woeser.middle-way.net/2013/10/immolations-in-tibet-shame-of-world.html (дата обращения: 20.08.2020).

205. Wong, E. Tibetans Fight to Salvage Fading Culture in China / E. Wong // The New York Times. – 2015 – 28 Nov. – URL: https//www.nytimes.com/2015/11/29/world/asia/china-tibet-language-education.html (дата обращения: 20.08.2020).

206. Xu, B. Media Censorship in China / B. Xu // Council on Foreign Relations. – 2014. – 12 Feb. – URL: https://www.cfr.org/backgrounder/media-censorship-china (дата обращения: 20.08.2020).

207. 十一世班禅出席第五届世界佛教论坛开幕式并发表演讲. Шиишибаньчаньчуси диуцзешицзефоцзяо луньтанькаймуши бинфабяояньцзян (Панчен-лама XI принял участие в церемонии открытия V Всемирного Буддийского Форума и выступил с речью) // 中国西藏网.

Чжунгосицзанван. – 2018. – URL: http://www.tibet.cn/cn/news/yc/201810/t20181029_6359414.html (дата обращения: 20.08.2020).

208. 试论中国少数民族舞蹈文化的传承和发展. Шилунь чжунго шаошуминьцзу удаовэньхуадэ хуаньчэнхэфачжань (О преемственности и развитии танцевальной культуры национальных меньшинств КНР) // 新华. Синьхуа. – 2009. – 10 мар. – URL: https://www.chinesefolklore.org.cn/forum/viewthread.php?tid=3911 (дата обращения: 20.08.2020).

209. 动自焚者必将受到法律严惩. Дунцзыфэньчжэ би цзяншоудао фалюйяньчэн (За попытку самосожжения будет грозить строгое наказание) // 甘肃日报. Ганьсужибао. – 2012. – 12 мар. – URL: http://gn.gansudaily.com.cn/system/2012/12/03/013508017_01.shtml (дата обращения: 20.08.2020).

210. 出版改革力争有新进展新突破. Чубань гайгэ личжэнъю синьцзиньчжань синьтупо (Реформа издательского дела стремится к новому прогрессу и прорывам) // 总署图书出版管理司. Цзуншу тушу чубань гуаньлисы. – 2008. – 8 янв. – URL: http://www.chinaxwcb.com/index/2008-01/08/content_101119.htm. (дата обращения: 20.08.2020).

211. 活佛查询系统正式启用. 首批可查870名活佛. Хофо чжасюньситун чжэншициюн. Шоупи кэчжа 870 минхофо (Официально запущена онлайн база «живых будд». Проверена первая партию из 870 «живых будд».) // 中国西藏. Чжунгосицзанван. – 2016. – URL: http://fo.sina.com.cn/news/2016-01-18/doc-ifxnrahr8472656.shtml (дата обращения: 20.08.2020).

V. Диссертации

212. Афонина, Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.): специальность

07.00.03 «Всеобщая история (новая и новейшая история)»: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук / Любовь Александровна Афонина // Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. – М., 2016. – 218 с.

213. Кемаев, К.В. Процесс формирования общеевропейской идентичности: политика валютно-финансового регулирования, механизмы политико-экономической трансформации, технологии стратегического моделирования: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: диссертация на соискание степени кандидата политических наук / Константин Валерьевич Кемаев // ННГУ им. Н.И. Лобачевского – Н. Новгород, 2007. – 218 с.

214. Клиновский, В.А. Языковая политика в Китайской Народной Республике во второй половине XX века: специальность 07.00.03 «Всеобщая история (новая и новейшая история)»: автореферат на соискание степени кандидата исторических наук / Владимир Александрович Клиновский // Бурятский государственный университет – Улан-Удэ, 2012. – 26 с.

VI. Справочные и мультимедийные материалы

215. Лингвистический энциклопедический словарь / В.Н. Яранцев [и др.]. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 607 с.

216. Официальный сайт международной неправительственной организации «Репортеры без границ». – URL: http://en.rsf.org (дата обращения: 20.08.2020).

217. Официальный сайт развлекательного этнического парка «Великолепный Китай. – URL: http://www.cn5000.com.cn/Index.shtml (дата обращения: 20.08.2020).

218. Лучшие университеты Китая - Проект 211 // Дальневосточный региональный Центр поддержки международных инициатив. – URL: http://ciidv.ru/the-best-universities-in-china.html (дата обращения: 20.08.2020).

219. Сафронова, О.В. Словарь терминов по теории международных отношений / О.В. Сафронова. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2020. – URL: http://www.lib.unn.ru/students/src/TMO_dictionary.pdf (дата обращения: 20.08.2020).

220. Liyuan, P. Laundry Song / P.Liyuan. – 2007. – 1 Aug. – URL: http://vimeo.com/25211722 (дата обращения: 20.08.2020).

221. Map: Tibetan self-immolations from 2009-2017 // International campaign for Tibet. – 2019. – 31 Jan. – URL: https://www.savetibet.org/wp-content/uploads/2017/12/Tibet-map-immolations-mark-mid-122717.jpg (дата обращения: 20.08.2020).

222. Official web site of Confucius Institute. – URL: http://english.hanban.org/node_10971.htm (дата обращения: 20.08.2020).

223. Powers, J., Templeman, D. Historical Dictionary of Tibet / J. Powers, D. Templeman. – Toronto: Scarecrow Press, 2012. – 794 p. – URL: https://books.google.ru/books/about/Historical_Dictionary_of_Tibet.html?id=wksCKIivSNUC&redir_esc=y (дата обращения: 20.08.2020).

224. Table of Undergraduate Specialties // Minzu University of China: official website. – URL: http://eng.muc.edu.cn/detail.asp?typebelong=3&typeid=2 (дата обращения: 20.08.2020).

225. 在线成语词典, 宗教. Цзайсяньчэн «Синьхуа» цыдянь, цзунцзяо (онлайн словарь «Синьхуа», статья «Религия»). – URL: http://xh.5156edu.com/html5/z24m56j10020.html (дата обращения: 20.08.2020).

226. 我要去西藏. Во яо цюй сицзан (Я хочу поехать в Тибет) // 乌兰托娅. Улан Тоя. – 2009. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=aPb7-iyF-NQ (дата обращения: 20.08.2020).

ПРИЛОЖЕНИЕ I. СЛОВАРЬ БУДДИСТСКИХ ТЕРМИНОВ

Авалокитешвара (тиб. Ченрези) – один из главных бодхисаттв в мифологии таких направлений буддизма как махаяна и ваджраяна, олицетворение бесконечного сострадания ко всем живым существам. Далай-лама считается земным воплощением бодхисаттвы Авалокитешвары.

Амбань – высокопоставленный провинциальный китайский чиновник времен империи Цин.

Бодхисаттва – в традиции махаяны – человек, достигший высшей степени совершенства, но не вошедший в нирвану. Бодхисаттва добровольно остается в сансаре, чтобы помогать всем живым существам на пути к спасению.

Ваджраяна – одно из трех основных направлений в буддизме наряду с Хинаяной «Малой Колесницей» и Махаяной «Великой Колесницей». Ваджраяна «Алмазная Колесница» полагает возможным достижение просветления в течение одного воплощения. К данному направлению относятся тибетский буддизм и одна из буддийских школ Японии – Сингон-сю. Ваджра – мифологическое оружие, символ молнии, алмаза, духовной силы и мгновенного просветления.

Гелугпа – школа в тибетском буддизме, к которой относятся две самые влиятельные линии преемственных воплощений – далай-лама и панчен-лама. В школе гелуг особое значение придается фигуре ламы-учителя и соблюдению строгого монашеского устава. Буддизм школы гелуг также получил распространение в Монголии и России (преимущественно в Бурятии, Тыве и Калмыкии).

Далай-лама – титул духовного лидера в тибетском буддизме, одна из главных линий преемственных воплощений в школе тибетского буддизма гелуг, считается воплощением ботхисаттвы сострадания Авалокитешвары. С

XVII века и до 1959 г., далай-ламы были также главами светской власти в Тибете.

Дхарма – многозначный термин буддийской философии. Среди основных значений можно выделить значение религиозной доктрины, т.е. учения Будды, значение закона и элемента бытия.

Интронизация – церемония принятия должности, возведения на престол. Употребляется относительно монархов и религиозных иерархов.

Кагью (Карма Кагью) – тибетская буддийская школа Кагью, состоящая из «четырех великих» школ, одна из которых - Карма Кагью. Последователи школы считают необходимым непосредственную передачу знания от учителя к ученику. В рамках школы больше внимания уделяется эмпирическому опыту как основному принципу познания по сравнению с изучением буддийской философии. Верховными ламами школы Карма Кагью является линия лам-перерожденцев Кармап.

Калачакра – одна из важнейших общепринятых доктрин ваджраяны, комплекс медитативных практик и текстов, излагающих эту доктрину. Будучи самым поздним учением из буддийских тантр, вобрало в себя предыдущий опыт и значительное влияние других, не буддийских религиозных систем.

Коренной учитель – учитель, от которого, в практике ваджраяны, ученик персонально получает посвящение.

Панчен-лама – титул духовного лидера в тибетском буддизме, вторая по рангу линия преемственных воплощений в школе тибетского буддизма гелуг после далай-ламы. При этом, панчен-лама часто является наставником далай-ламы и играет основную роль в признании нового далай-ламы. Считается воплощением будды Амитабхи.

Сага-Дава – один из главных буддистских праздников, посвященный трем главным событиям в жизни Будды Гаутамы: рождению, просветлению и уходу в нирвану.

Сангха – буддийская община, членами которой являются монахи и монахини. Может обозначать всех буддийских монахов в мире или монахов, принадлежащих к конкретной школе или проживающих в конкретном монастыре. Употребление одного термина для общин разных размеров объясняется подчинением всех монахов и монахинь единому уставу Виная-питаки (свод правил монашеской общины, первая из трех частей буддийского священного писания Типитака).

Ступа – вид памятного сооружения, в системе буддийской символики рассматривается как вертикальная модель Вселенной.

Сутра – один из жанров священного буддийского текста, содержащего, по представлениям буддистов, наставления и проповеди Будды Гаутамы.

Тулку – тибетские духовные лидеры, которые, как считают буддисты, являются реинкарнациями будд, сознательно решивших перерождаться для продолжения духовной работы на благо всех живых существ. Появление института тулку вызвано необходимостью передачи власти и собственности в буддистских монастырях, что является альтернативой институту кровно-родственного наследования и выборам. В официальных документах КНР чаще всего используют термин «живые будды» (活佛 / huofo).